

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ

Особняк М. П. Боткина
Санкт-Петербургский государственный
музей-институт семьи Рерихов
Фотография 2015 года

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ-ИНСТИТУТ СЕМЬИ РЕРИХОВ

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
БОТКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ**

II

Санкт-Петербург
2019

ББК 63.3(2)52-8Боткины.я431

63.3(2)6-8.Боткины.я431

63.214(2)-3Боткины.я431

И 90

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов

Главный редактор

А. А. Бондаренко

Составитель выпуска

Е. В. Бакалдина

Редакционная коллегия:

Ю. Ю. Будникова (литературный редактор), Д. В. Делюкин,
А. К. Мазаева-Каненга (ответственный секретарь), А. А. Савкина

И 90 **Исторические Боткинские чтения:** Вып. II. – СПб.: Издание СПбГМИСР, 2019. – 236 с.: ил.

ISBN 978-5-907223-00-4

Сборник «Исторические Боткинские чтения» публикует наследие семьи Боткиных и современные исследования по истории, искусству, литературе, культурологии, археологии, естествознанию, источниковедению и другим наукам, освещает актуальные проблемы и достижения в области изучения семьи Боткиных.

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 18-я линия, д. 1

Тел.: +78123270830; тел./факс: +78123230885; <http://www.roerich.spb.ru>;

<http://www.roerich-heritage.org>;

e-mail: ab@roerich.spb.ru; scs@roerich.spb.ru

© Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение культуры
«Музей-институт семьи Рерихов», 2019

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

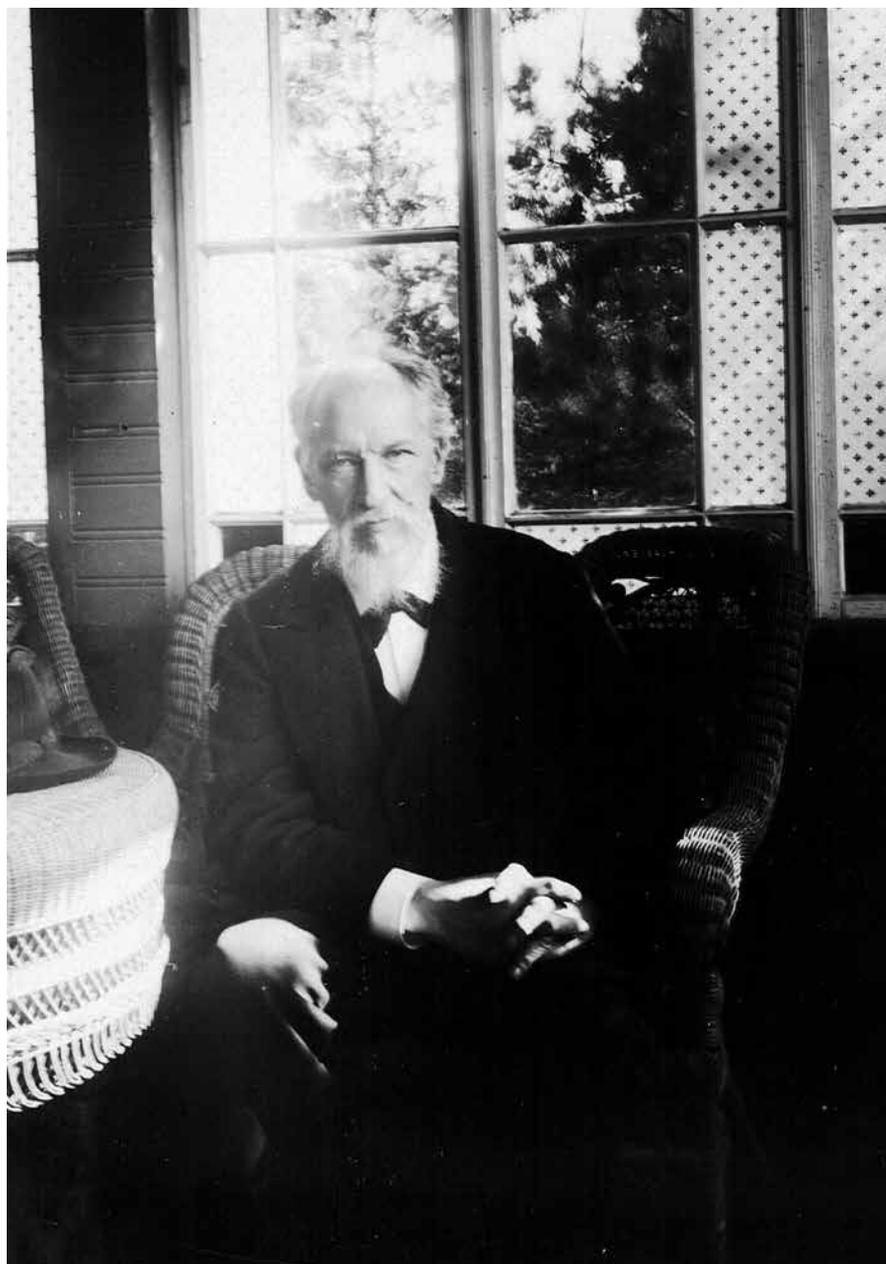
Вторая Международная научно-практическая конференция «Исторические Боткинские чтения» проходит 25–26 июня 2019 года. Она призвана восполнить пробел, вызванный отсутствием конференций, посвящённых замечательной семье Боткиных, давшей России и миру выдающихся врачей, учёных, художников, писателей, деятелей культуры, коммерции, дипломатов, военных. Это научно-просветительский проект Музея-института семьи Рерихов, ориентированный на пропаганду традиций, выдающихся достижений и образцов петербургской и российской культуры.

Конференция «Исторические Боткинские чтения» в 2019 году приурочена ко дню рождения академика живописи, коллекционера и общественного деятеля Михаила Петровича Боткина (26 июля 1839 года — 22 января 1914 года по старому стилю), юбилей которого – 180 лет со дня рождения – будет отмечаться 7 августа 2019 года. М. П. Боткин был владельцем особняка, в котором в настоящее время расположен Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов, именно при нём была надстроена мансарда и переделаны интерьеры, частично сохранившиеся до нашего времени. При М. П. Боткине особняк стал центром культуры и искусства. На протяжении более чем тридцати лет сюда приходили известные художники, музыканты, литераторы, деятели культуры, чтобы осмотреть выдающуюся коллекцию М. П. Боткина, располагавшуюся в пяти комнатах особняка, побеседовать с хозяевами, отобедать или просто душевно провести время. Дом Михаила Петровича Боткина был центром притяжения для его собственной семьи. Именно здесь проходили многолюдные встречи представителей разных поколений семьи Боткиных, часто гостили приезжающие родственники. После смерти старших братьев М. П. Боткин оставался патриархом семьи для своих многочисленных племянников, внучатых племянников, крестников, можно сказать, был связующим звеном между ними.

С 2003 года, с тех пор как Музей-институт семьи Рерихов располагается в особняке Боткина, в нём часто проходят встречи потомков семьи Боткиных, проводятся семинары и лекции по боткинским темам. К настоящему времени музей стал центром изучения боткинского наследия, как петербургского, так и общероссийского.

Настоящий сборник, состоящий из статей исследователей наследия семьи Боткиных, включает в себя три раздела: «Боткинское наследие», «Биографические материалы о представителях семьи Боткиных» и «Боткинские места». В сборнике впервые издаются некоторые воспоминания о членах семьи Боткиных, что вводит их в научный оборот.

Сборник является ежегодным научным изданием Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов, где публикуется огромное наследие семьи Боткиных, представленное разнообразием многочисленных источников, тем и сюжетов.

М. П. Боткин. 1900-е годы. Архив семьи Энден, потомков М. П. Боткина

I

**БОТКИНСКОЕ
НАСЛЕДИЕ**

С. Г. ЖУРАВСКИЙ

*(Первый Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет имени академика И. П. Павлова)*

**ПИСЬМО С. П. БОТКИНА К Н. А. БЕЛОГОЛОВОМУ
(МАЙ 1885 ГОДА, КУЛЬТИЛЛА):
ХАРАКТЕРИСТИКА И ЗНАЧЕНИЕ ЭПИСТОЛЯРИЯ
КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА**

Аннотация. Публикуется ранее не известное письмо С. П. Боткина из архивного фонда Н. А. Белоголового (РГБ, г. Москва), затрагивающее события 1885 года в жизни адресанта. Частная переписка давних друзей характерно представляет личности корреспондентов. Подробность изложения С. П. Боткиным общественных, профессиональных новостей, помимо семейных, позволяет рассматривать эпистолярный не только как личную переписку, но и как исторический источник.

Ключевые слова: С. П. Боткин, Н. А. Белоголовый, переписка Боткина с Белоголовым, эпистолярное наследие С. П. Боткина.

S. G. ZHURAVSKII

(Pavlov First Saint Petersburg State Medical University)

**A LETTER FROM S. P. BOTKIN TO N. A. BELGOLOVYJ
(MAY OF 1885, CULTILLA): CHARACTERISTIC AND VALUE
OF EPISTOLARY AS A HISTORICAL SOURCE**

Abstract. A previously unknown letter from S. P. Botkin from the archival fund of N. A. Belogolovjy (RSL, Moscow), affecting the events of 1885 in the life of the addressee, is being published now. Private correspondence of two old friends characteristically represents the identity of correspondents. The details of S. P. Botkin's public and professional news, in addition to family news, allow us to consider the epistolary not only as a personal correspondence, but also as a historical source.

Keywords. S. P. Botkin, N. A. Belogolovjy, Botkin's correspondence with Belogolovjy, S. P. Botkin's epistolary heritage.

Дружба, личные и профессиональные отношения С. П. Боткина и Н. А. Белоголового продолжались более 40 лет. Знакомство двух подростков состоялось в 1847 году в пансионе Эннеса¹, где они получали среднее образование. Затем оба из-за распоряжения правительства Николая I ограничить обучение молодёжи из податных сословий невольно

оказались в 1850 году на единственно доступном для не-дворян медицинском факультете Московского университета. Оба потом продолжили стажироваться в Европе. Оба были известными практикующими врачами столицы в 1860–1880 годы. По отзывам современников, их отношения были *«полны взаимной нежности и уважения»*, что явно выделялось на фоне распространённой *«ожесточенной вражды медицинских светил, во имя личных и меркантильных соображений»*. С. П. Боткин *«необыкновенно высоко ценил дарования, познания и высокие душевные качества Белоголового, и по некоторым отделам медицины открыто ставил его выше себя»*². (Очевидно, что деятельность Белоголового как практикующего столичного врача ещё не получила своего заслуженного изучения).

Письма Сергея Петровича к Н. А. Белоголовому в сочетании с его болгарскими письмами к жене (1877 года) составляют основу эпистолярного наследия С. П. Боткина. Это комплект³ из 37 документов, 10 из которых относятся к 1859–1860 годам, 1 письмо 1880 года и 26 датируются 1884–1889 годами. Характерная черта писем к Белоголовому – их многоплановость, значительная подробность, что не было типичным для боткинского стиля. Другие известные его письма (к первой жене Анастасии, к брату Михаилу, к приятелям и знакомым, которые нередко оказывались его же пациентами) в большинстве своём лаконичны и узкотематичны. Обстоятельность, охват не только личных, но и обсуждение профессиональных, общественных тем в этой переписке хорошо понятен. Эти вопросы вызывали истинный интерес у его корреспондента. Белоголовый был не только его другом, но и единомышленником.

Вторая из двух крупных частей этого архивного дела относится к 1880-м годам, времени нахождения Н. А. Белоголового в эмиграции, где оказались многие деятели либерального движения после убийства Александра II. Общение двух друзей происходило не часто, но «по регламенту». Как правило, 2–3 раза в год оба писали друг другу своеобразные отчёты. В приведённом письме, как и во всех остальных, Боткин сообщает о главных прошедших событиях, даёт им свой комментарий. Содержание этой группы писем становится единственным и достаточно подробным источником автобиографического характера о самом С. П. Боткине и его семье периода 1880-х годов. Поскольку адресантом являлся врач и письма обращены к врачу, их содержание несёт свои специфические особенности – часто поднимаются медицинские темы, либо даётся околomedicalная трактовка даже бытовым вопросам (болезнь И. Н. Крамского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Аполлона Белоголового (брата адресата), родственников семьи, детей и самого Сергея Петровича). Особое историческое значение источнику придаёт повседневность общественных событий (выборы главных врачей городских больниц, перевод больниц в городское ведомство, принятие больничного устава, прохождение

I Пироговского съезда врачей, скандальная история с думским головой В. И. Лихачёвым и др.).

Для своих обстоятельных посланий Боткин специально выделял часы редкого свободного времени. Иногда письмо составлялось в несколько подходов, в течение нескольких дней, иногда написание отнимало весь вечер и заканчивалось глубокой ночью: *«теперь уже 3 часа, а я пишу с одного присеста это длинное послание; Катя с выводком старших детей уехала на бал, а я хочу их дождаться, а потому Вы обречены читать мою болтовню»* (письмо от 26 декабря 1885 года, Санкт-Петербург)⁴.

Корреспонденцией С. П. Боткин занимался преимущественно в конце года и летом. В последнем случае он писал из своего имения Культилла⁵, которое находилось на территории бывшего княжества Финляндского, входившего тогда в состав Российской империи. Здесь появились 13 из 26 писем этого периода.

Расскажем об этом месте подробнее. Имение было приобретено в 1882 году, для того, чтобы можно было всем вместе комфортно проводить время (семья Боткина прибавлялась детьми каждый год⁶). Вторая жена С. П. Боткина, Екатерина Алексеевна⁷, была, по отзыву современника, «хорошей хозяйкой»⁸. Сам Сергей Петрович видел, что у неё *«кроме интереса к этому делу [управлению усадьбой] несомненный и талант к нему»* (письмо к Н. А. Белоголовому от 21 июля 1884 года, Культилла)⁹. Возможно, что лишним доводом в пользу покупки Культиллы было желание дать Екатерине простор для деятельности. В имении в короткий период были разработаны земли, значительно перестроен и расширен дом, где теперь могла свободно размещаться большая семья, многочисленные гости – приезжавшие родственники с детьми, близкие знакомые, ученики С. П. Боткина, а также штат прислуги. М. Е. Салтыков-Щедрин, частый гость Культиллы, в свойственной ему саркастической манере делился впечатлениями от финской усадьбы Боткиных: *«Боткины живут как принцы Орлеанские и имеют в своём шато 42 комнаты... По воскресеньям у них полно гостей и такой шум, что я бывать не решаюсь. Вот и теперь, чуть немного оживился и поговорил, как уже нервы упали»* (письмо к Н. А. Белоголовому от 14 июня 1886 года)¹⁰. Материальное благополучие для Боткина – неотъемлемое условие того, чтобы человек чувствовал себя уверенно в жизни. Брат Павел не без зависти к жажде жизни и деятельности С. П. Боткина писал: *«Серёженька купил поместье в Финляндии за 15 500 р. до 600 десятин, он от него в восторге, как от всякой новой покупки»* (письмо Боткина П. П. к М. П. Фет-Шеншиной от 3 апреля 1882 года, Санкт-Петербург)¹¹.

Боткину было хорошо на этой даче. Культилла стала его «Монрепо»¹². Здесь он восстанавливал силы после тяжёлых зимних месяцев в Санкт-Петербурге, *«пропитавшись петербургской патологией»*¹³, оче-

Ил. 1. Семья Боткиных на даче. Культилла. 1884–1885
Собрание ВММ МО РФ

редных приступов стенокардии, желчной колики. Хозяин очень комфортно чувствовал себя в окружении большой семьи, постояльцев, гостей. Это видно и по тону писем из Культиллы, и по значительному числу семейных фотографий, сделанных здесь [ил. 1]. В этом доме рождались дети Сергея Петровича и Екатерины Алексеевны, здесь умер в 5-летнем возрасте от осложнения детской инфекции их сын Алексей (1882—1886). Не будучи особо религиозными, Боткины построили в усадьбе домовую церковь¹⁴. На конюшне помимо упряжных держали лошадей для верховых прогулок. Содержали коровник. Старшие сыновья охотились. На ближайших озёрах и в Финском заливе сын Саша научился управлять яхтой и с упоением занимался парусным спортом. Гостиными, а зачастую и постояльцами большого дома оказывались братья Сергея Петровича – Пётр и Дмитрий Петровичи – с жёнами и детьми, сестра Екатерины Алексеевны Зоя, друзья дома – композитор М. А. Балакирев, художник И. Н. Крамской, писатель М. Е. Салтыков-Щедрин, академик В. П. Безобразов, ближайшие ученики и коллеги Сергея Петровича: В. Я. Алышевский, Е. А. Головин, К. Н. Виноградов, В. М. Бородулин, Н. И. Соколов, М. В. Яновский.

Здесь не только отдыхали. Имение располагало значительными сельскохозяйственными угодьями, которыми распоряжалась молодая, деятельная хозяйка. *«За последние недели жена со свойственной ей страстностью была всецело увлечена сенокосным делом и приготов-*

лением полей к осеннему посеву; едва убрались с сеном, затеяли рыть канавы и превращать мокрые места в сухие; сухие же, каменистые места стали превращать в плодородную почву; в одном месте вода, торф; в другом камни, корни от старых деревьев, пни – всё это надо преодолеть для того, чтобы в конце концов получить картофель или клевер; <...> Катя считает необходимым всюду поливать, ходит по пашням, перепрыгивает канавы, а я хожу за ней...», – представлял Сергей Петрович безудержную активность своей жены, находящейся на седьмом месяце беременности (письмо к Н. А. Белоголовому от 21 июля 1884 года, Культилла)¹⁵. Помимо картофеля и клевера здесь сажали овёс, рожь, по всей вероятности, выращивали садовые ягоды. В одном из писем Екатерина сама прибавляет: «Много было дела по переезде, по хозяйству полевому, домашнему, а главное по пчеловодству, которое я ввела с этого года в виде 6 улей и уже вчера прибавился из “новорождённого роя”... новый улей» (письмо к Н. А. Белоголовому от 12 июня 1886 года, Культилла)¹⁶. Заметим, что пчеловодство в то время было занятием, имевшим символическое значение – им увлекалась передовая часть интеллигенции, сторонники реформирования общества. Завести пчелиные ульи было своеобразным манифестом культурного человека о том, что он живёт плодами своего труда. В Культилле старшие сыновья, будучи ещё студентами Военно-медицинской академии, начинали свою практику: под присмотром отца оказывали медицинскую помощь приходящим из окрестных финских хуторов и деревень [«Биша упражнялся в практической медицине; ежедневно исследовал и лечил больных чухон под моим руководством; теперь уже более 200 человек перешли через его руки»¹⁷ (письмо к Н. А. Белоголовому от 21 июня 1884 года)]. Здесь С. П. Боткин с наслаждением отдавался своему любимому занятию – чтению, привозя из города специальный короб, доверху заполненный книгами и журналами.

Весьма характеризует психотип самого хозяина и обстановку в имении то, что сделав покупку и значительно перестроив дом, Боткин жалел, что не может купить полноценное фермерское хозяйство, видимо, представляя для себя примером усадьбу Воробьёвка, принадлежавшую семье сестры Марии, супруги А. А. Фета: «я только искренно жалею, что у нас нет лишних ста тысяч рублей, чтобы сделать приобретение какого-нибудь имения с настоящим сельским хозяйством» (письмо к Н. А. Белоголовому от 21 июля 1884 года, Культилла)¹⁸.

Этот созданный оазис безмятежности, материального благополучия, любимого окружения позволял чувствовать С. П. Боткину себя комфортно потому, что жизнь и атмосфера летней Культиллы становилась для него чем-то бóльшим, чем приятная реальность. Сегодня понятно, что это было его «возвращение» в детство, когда во флигеле отцовско-

го дома в Петроверигском переулке на Маросейке старший брат Василий собирал кружок друзей из числа молодых литераторов¹⁹. Благодаря ему в 1830-е, 1840-е и 1850-е годы взрослеющие младшие Боткины могли невольно наблюдать неформальное общение умнейших людей своего времени. В московском доме Боткиных собирались, а нередко и жили В. Г. Белинский, Т. Н. Грановский, Н. П. Огарёв, А. И. Герцен, Н. А. Некрасов, А. А. Фет, И. С. Тургенев. (Забегая вперед, отметим, что в этом же флигеле, позднее принадлежавшем семье Петра Петровича Боткина, провёл последний год своей жизни, возвратившись из эмиграции, и сам Н. А. Белоголовый).

Н. А. Белоголовый никогда не был на мызе Боткиных. Её приобрели в 1882 году, а Белоголовый с семьёй выехал за границу в 1881 году и возвратился в Россию уже после смерти С. П. Боткина. Поэтому понятно желание адресанта сообщить не только о произошедших событиях, но и представить обстановку, уклад дачной жизни семьи. Реалистичность этих повествований, наделённых *«естественностью, спонтанностью, той неожиданностью, на которую щедра жизнь»*, создаёт для читателя настоящий *«эффект присутствия»*²⁰ в большом доме Боткиных.

Этот источник в полном объёме не знаком широкому читателю и лишь коротко, с конкретными целями, цитировался в единичных работах. Так, его материал использовался самим Белоголовым [ил. 2] при составлении широко известного очерка о Боткине²¹. Обзор эпистолярия впервые был сделан Н. Садовской (1939), медицинские его темы представлялись А. Л. Шварцманом (1952), а наиболее подробно он был исследован литературоведом С. Макашиным при работе над монографией о М. Е. Салтыкове-Щедрине²².

Цель работы – на примере одного документа С. П. Боткина²³ представить характер всего эпистолярного источника, показать его биографиче-

Ил. 2. Н. А. Белоголовый. Около 1870
Воспроизведено по: Белоголовый Н. А.
Воспоминания и другие статьи. – М.:
типо-лит. К. Ф. Александрова,
1897. – Перед текстом

скую ценность, историческое значение и целесообразность публикации всей переписки. (Орфография и пунктуация оригинала частично приведены в соответствие с современными нормами – Ред.)

/Л. 1/

«Культилла Мая 9²⁰ дня 1885 г.

Вчера только, дорогие друзья, перебрались мы в нашу летнюю резиденцию и со вчерашнего же дня началась у нас совершенно летняя погода; переход был замечательно резкий и неожиданный; всё время, несмотря на наступивший Май, было так холодно, что о даче я, по крайней мере, даже неохотно и думал, и, если бы не пропитался петербургской патологией, кажется бы и не решился поддаться соблазнам Культиллы; но с одной стороны пресыщение консультациями в их различных видах²⁴, с другой стороны настоятельное требование жены сняться с зимнего якоря – сдвинули нас всех с места и вместе с этим наступила роскошнейшая погода, благодаря которой переезд с двумя грудными детьми²⁵, двумя малолетками²⁶ и двумя подростками²⁷ в сопро<вождении> /Л. 1 об./ двух взрослых сыновей²⁸ и взрослой дочери²⁹ совершился самым благополучным образом³⁰. Все путешественники чувствовали себя вполне счастливыми, исключая только дочку (*sic!*), которая по примеру некоторых из своих сестёр не переносит дороги без рвоты. Воздух здесь мы застали нынешний год особенно ароматным; оживающие хвойные деревья испускают из себя такие летучие продукты, вдыхание которых заставляет забыть всю вонючесть и тяжесть нашего зимнего сезона; не тем будь он помянут.

Но невольно сводя счёт за нынешний год, с горечью вспоминается целый ряд потерь; с лёгкой руки Князя Алексея Васильевича³¹ мы начали хоронить одного за другим; ни за что, ни про что подвернули под этот формат и бедного Бубнова³² [ил. 3], утра-

Ил. 3. Надгробие могилы Н. А. Бубнова (1854—1884) на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге
Современный вид

та которого была для меня самой тяжёлой; ко всем остальным потерям я относился с обязательной покорностью судьбе, кто стар, кто болел и страдал долго, кто не очень нужен³³ и т.д.; но в случае Бубнова я ничего не мог найти такого, /Л. 2/ чтобы покориться и утешиться; мне его было жаль как родного, близкого человека³⁴, с утратой которого мирит только время. Этот похоронный сезон закончился смертью Кавелина³⁵, который в одиннадцать дней умер от крупозного воспаления всего левого легкого с перикардитом, присоединившегося к концу рпеитоніа. За несколько дней до начала болезни он был у нас в субботу и его несколько поламывало, в воскресенье он хотел придти вечером посоветоваться, но утром заговорился с Градовским³⁶ об этике и посидел в Румянцевском сквере³⁷ при северном пронзительном ветре, и в воскресенье вечером уже нездоровилось настолько, что ко мне не пошёл, а в понедельник зноб, во вторник сильная лихорадка и первые признаки воспаления и т. далее.

Если бы не эти смерти, то сезон был бы не скверный; семья не хворала, сам я тоже держался исправно, лекции не пропускал, консультировал в городе и у себя дома без перерыва³⁸ и вообще дело /Л. 2 об / шло горячо; хотя все вечера недели в работе, то приёмы, то заседания в думе или в обществе врачей, только субботу и воскресенье проводил в семейной обстановке дома. Субботы³⁹ шли по-прежнему не шатко, не валко; чаще скучны, редко приятны и обыкновенно полуделовые. Такое разнообразие обуславливалось качеством и количеством посетителей, и совместительством различных индивидуальностей; бывало так, на одном конце стола Лихачёв с женой⁴⁰, а на другом Лермонтов⁴¹ с Стасюлевичем⁴², а я в середине с Туруновым⁴³, а vis a vis Кавелин⁴⁴, а по углам Грубер⁴⁵, Сеченов⁴⁶, с боков Алышевский⁴⁷, Головин⁴⁸. Несмотря на разнообразие всех этих составных элементов, а когда даже на затруднительность для хозяев совмещать враждующие стороны, как⁴⁹ [например] Лермонтова и Лихачёва, но с помощью самих же гостей /Л. 3 / и географического расположения стола субботы проходили гладко и не скучно, а потому составляли для меня несомненное развлечение. В субботу ещё за обедом у нас подымался вопрос, кто будет вечером? Так как публика постоянно менялась, то отгадать, кто именно сегодня будет – было не совсем легко и требовало некоторой сообразительности; так, угадай, будет ли нынче Сутугин⁵⁰ или нет. Если в городе у меня какая-нибудь крупная удача, был, например, позван куда-нибудь повыше обычного уровня⁵¹, то будет, и т. д. в этом роде⁵². Каждый субботний посетитель имел свой лист причин для посещения⁵³. Беседа большею частью из перекрёстных разговоров и разнообразилась смотря по посетителям; прошлого года Мариинская больница была на первом месте⁵⁴, нынешний же год думские выборы и Кредитное общество⁵⁵ несомненно вытесни-/Л. 3 об / ли вопросы по Мариинской больнице; специальных медицинских разговоров было не много, ограничивались казуистикой:

“А вот у меня был случай ...”, – запевал обыкновенно Головин и этим соло большую часть и оканчивалось⁵⁶. Под конец сезона, впрочем, не упустили поговорить и об азиатских делах⁵⁷, о коварстве анемии⁵⁸. Прежний наш субботний завсегдатай Нил Ив<анович> Соколов⁵⁹ посещал нас редко ввиду того, что всю зиму был занят свиванием и устройством своего гнезда, хотя и без больших надежд на потомство. Под конец сезона после отъезда Марьи Александровны⁶⁰ довольно аккуратно ходил к нам Сеченов, который остался тем же истинно хорошим человеком, каким был всегда, стал только мягче, добрее и снисходительнее. Салтыков нынешний год в субботу, кажется, ни разу не был; /Л. 4 / как ты знаешь, у него тяжело хворал сын скарлатиной, осложнившейся поражением суставов и перикардитом⁶¹, вследствие чего отец сидел в карантине и крепко хандрил; на него я смотрю как на развалину; с прекращением издания “Отечествен<ных> записок”⁶² права старческого разрушения организма, физического и нравственного, чувствуются всё больше и больше, к тому же он, по-видимому, сам начинает это сознавать, что, конечно, отягчает значительно его положение; жена его всё та же Елизавета Аполлоновна, как была и прежде; сын стал после болезни, как будто получше, но по-прежнему невоспитанный ребёнок и донельзя избалованный матерью; дочь будущая красавица и больше я об ней ничего не могу сказать⁶³. Может быть, Вы старика этим летом увидите сами⁶⁴, а потому я не буду о нём /Л. 4 об / распро<стра>няться, скажу только, что я гляжу на него каждый раз с грустными мыслями; сам он часто говорит о смерти и утверждает, что “пора”, что “он более никуда не нужен”. Иногда, впрочем, ему и Елиз<авета> Апол<лоновна> напоминает, что “тебе Миша пора умирать, ты стал очень раздражителен. Вы, дети, его не любите, он всё Вашу маму обижает”. Лихачёва видал я каждый вторник в заседании⁶⁵, а иногда и в субботу вместе с Еленой Иосифовной. Оба они стали погрустнее, особенно же жена; муж сильно волновался перед выборами⁶⁶ и во время выборной горячки, теперь же успокоился; санитарная комиссия шла не дурно, хотя и вялее, чем следует; в общем больницы всё-таки выиграла переходом в город⁶⁷, хотя следует желать лучшего.

/Л. 5 / Санитарное состояние города значительно улучшилось⁶⁸, в нынешнем году сыпного тифа, возвратной горячки совсем не было и число брюшных тификов было ничтожно. Причины уменьшения числа больных очень сложные, несомненно, но нельзя всё-таки некоторую часть успеха <не> отнести и на долю новому городскому хозяйству и его санитарному надзору. Не без влияния, конечно, в этом деле и энергичности градоначальника⁶⁹, преследующего грязь и нечистоту в городе, трактирных заведениях, ночлежных приютах и т. д. Вместе с этим несколько тысяч голяков бесприютных были отправлены и выдворены на места их родины; около 15 тысяч в течение /Л. 5 об / года получили от полиции вспомошествова-

ние на выезд. – Конечно, такие меры дали в значительной степени уменьшить материал для больницы, которые за нынешний год не отказывали больным за недостатком больничных помещений, как бывало прежде. Одной из разумных мер нынешнего года было перемещение неизлечимых хронических больных из больницы в богадельни городские, где было открыто более 200 новых коек; тифозных больных города направляли исключительно почти в барачную городскую больницу⁷⁰, чем, конечно, процент смертности от тифов должен был значительно понизиться, так как в бараках умирает от брюшного тифа пять с небольшим на сто, – в городских же больницах по прежнему счёту около 17 процентов⁷¹.

Вакантные места на медицинские должности стали давать по конкурсу и накануне отъезда моего из города окончился первый конкурс на место хирурга в Алексан- /Л. 6 / дровскую больницу⁷²; был выбран Ратилов⁷³ – ученик Богдановского⁷⁴, молодой доктор, только что вернувшийся из-за границы, этот выбор произвёл неприятное впечатление на старый больничный состав, привыкший отдавать места по личным симпатиям. Конкурсная комиссия вела дело в высшей степени добросовестно, экспертом по хирургии был приглашён Коломнин⁷⁵ и отнёсся к делу вполне безукоризненно. Как ни тяжёлы еженедельные вечерние заседания в думе, но я ими до сих пор не тягочусь в виду полезности дела, несомненно, выигравшего с переходом больницы в городское хозяйство. –

Переехали сюда ещё не все члены семьи, Петя и Саша⁷⁶ остались в городе из-за экзаменов; Шура держит свой окончательный искус на аттестат зрелости и до сих пор, по-видимому, не решил окончательно, что ему начать по окончании всех гимназических мытарств; верно только то, что старая мечта /Л. 6 об / поступить в морской корпус – оставлена; он теперь колеблется между двумя решениями – или поступить на математический факультет и затем вольноопределяющимся в морскую службу – или же поступить на медицинский факультет в Академию и затем в качестве морского врача идти кругом света. Конечно, я поддерживаю последний план. Петя сдал уже два экзамена, как говорят, самые тяжёлые на всём факультете, оба у Градовского⁷⁷ и получил 4 и 5, теперь ему предстоит ещё три, но уже не столь трудные; нужно надеяться, что на третий курс он перейдёт с меньшими страданиями. Биша⁷⁸ перешёл на 5 курс с круглым пятком и теперь, приехав с нами на денёк, снова отправился в город работать по специальному вопросу, который он себе выбрал совершенно самостоятельно уже /Л. 7 / в прошлом году; по мысли работа очень недурная, надеюсь, что выполнит хорошо⁷⁹. Сузя⁸⁰ сдал все экзамены за исключением ботаники, которая назначена ещё на 25 мая и он переехал сюда; занимался он целый год очень добросовестно и держал экзамены отлично. Витя⁸¹ мужает телом, но духом ещё остаётся малым ребёнком, Машутка⁸² начинает походить на девицу, но часто ещё сбивается с доро-

ги благонравия⁸³. Вся мелочь в отличном порядке, Настя по-прежнему отличное, доброе и милое создание⁸⁴. Мамаша с переездом сюда погрузилась в хозяйственные заботы, в одни сутки успела уже загореть и командует полевыми и садовыми работами. Я ещё не успел опомниться от петербургской толчеи особенно последнего времени, когда пришлось в один месяц сделать то, что делается обыкновенно в два; в конце концов чувствую себя усталым, да /Л. 7 об / и печень стала напоминать мне о своём существовании сильнейшими тяжестями после еды. Пока не ешь, чувствуешь себя здоровым, по-прежнему молодым и крепким, но стоит мне съесть мой обычный и довольно скромный обед, как я начинаю вспоминать, что мне за пятьдесят лет и всё это продолжается несколько часов; надеюсь, что здесь мало по малу всё это обойдётся⁸⁵. Нынешний раз мы переехали сюда, как раз вовремя; поля подготавливаются (sic!) к посевам и моя хозяйка, по-видимому, довольна; деревья ещё совершенно голы, трава едва зазеленела; не будь здесь хвойных деревьев, то вид был бы очень печален и не соответствовал бы совершенно летнему воздуху с 16 и 17 градусами тепла в тени.

Простите, дорогие, за неразборчивое писание, начал писать вчера вечером около девяти часов без свечей и сегодня пришёл в ужас от этого маранья; надеюсь, что ты, дорогой друг Никола, разберёшь и не взыщешь.

Весь твой Сергей.

/Л. 8 / <рукой Е. А. Боткиной>

После такого длинного и обстоятельного письма Серёжи дорогие друзья – мне нечего прибавить – скажу только, что Вы своим письмом первые приветствовали наш выезд в Культилла, куда приехали мы к завтраку и Ваше письмо лежало перед моим кувертом⁸⁶. Ужасно было приятно встретить друзей, услышать их речи. Недавно только мы с Серёжей говорили о том, что давно нет от Вас известий и где Вы теперь – куда адресовать Вам письма. –

У нас здесь рай земной, 19° в тени вечером, ночи тёплые. Детки малые ожили и наслаждаются изо всех сил. Остальное Вы всё знаете из письма Серёжи, которого вовремя перевезли – он так уставал этот последний месяц, что долго бы не выдержал.

Результатом такой трёпки был лёгкий желчный припадок сегодня ночью, лёгкий – потому что вовремя остановилась работа, а /Л. 8 об / в городе он бы не так бы легко прошёл <-> разыгрался бы. Страшно торопят кончать <, надо> везти письмо на Мустамяки⁸⁷. Будьте здоровы дорогие, обнимаю Вас крепко.

Искренно любящая Вас

Е. Бот. <подписью>

Какие грустные вести о Валериане!⁸⁸ Да и о сестре нет ничего утешительного⁸⁹.

Мы представили одно из 37 писем С. П. Боткина к Н. А. Белоголовому. Содержание этого документа даёт достаточно полное представление обо всём эпистолярной. Как уже отмечалось, письмо соответствует периоду, когда Белоголовый находился в эмиграции. В это время он с большим энтузиазмом занимался издательским делом – стал редактором и издателем запрещённой в России газеты «Общее дело»⁹⁰. Газета, по замыслу, была призвана заменить герценовский «Колокол», который перестал выходить за 10 лет до того. Это была самая долголетняя газета русской эмиграции XIX века, выходившая в Женеве в 1877–1890 годах. Н. А. Белоголовый тщательно скрывал свою деятельность, боясь лишиться информаторов, приезжавших из России и охотно делившихся с ним новостями («недостаток гражданского мужества в наших интеллигентных соотечественниках был мне хорошо известен»). Считалось, что именно неподцензурные информаторы обеспечивают успех изданию «сообщением закулисных фактов». Обнародованием своей издательской деятельности Белоголовый боялся «отдалить старых знакомых» (не Боткина ли в том числе?). Нам не известно, знал ли С. П. Боткин об этом занятии своего друга. В его письмах 1880-х годов ни разу не проглядывает и намёка на газету. Скорее всего, учитывая открытость характера Боткина и значительность окружающего его общества, Белоголовый не доверился своему другу. В будущем станет интересным провести литературное сопоставление и установить, пользовался ли Н. А. Белоголовый в своей журналистской работе той информацией, которая ему попадала из корреспонденций Боткина.

Насыщенность эпистолярной, охват наряду с личными и бытовыми событиями в профессиональной сфере, общественной жизни позволяют рассматривать письма С. П. Боткина к Н. А. Белоголовому как дневниковый источник, имеющий биографическое и общеисторическое значение.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пансион Эннеса – среднее учебное заведение для детей московского купечества, находился в Большом Успенском переулке в Гурьевых палатах, в доме Золотарёва (сейчас Потаповский переулок, дом 6).
- ² *Белоголовый Н. А.* Воспоминания и другие статьи. – М.: типография К. Ф. Александрова, 1897: – С. xiv.
- ³ ОР РГБ. Ф. 22. Карт. 5. Ед. хр. 1–37. (Боткин С. П. Письма к Н. А. Белоголовому, 1859–1889 годы.). 127 л.
- ⁴ ОР РГБ. Ф. 22. Карт. 5. Ед. хр. 18. (Боткин С. П. Письмо к Н. А. Белоголовому от 26 декабря 1885 года). Л. 18.
- ⁵ Сегодня это железнодорожная станция Горьковская на 65-м км Выборгского направления Октябрьской железной дороги от Финляндского вокзала в Санкт-Петербурге.
- ⁶ Екатерина Алексеевна рожала детей в 1875, 1877, 1880, 1882, 1883, 1884, 1886, 1888 годах.

- 7 Боткина Екатерина Алексеевна (1850—1929) – вторая супруга С. П. Боткина, урождённая княжна Оболенская, дочь московского губернатора, князя А. В. Оболенского, генерала, участника Крымской кампании, героя балаклавского сражения 13 (25) октября 1854 года, в своём первом замужестве (1867–1868) Мордвинова.
- 8 *Салтыков К. М.* Интимный Щедрин. – М., Пг., 1923. – С. 24.
- 9 ОР РГБ. Ф. 22. Карг. 5. Ед. хр. 13. (Боткин С. П. Письма к Н. А. Белоголовому от 21 июля 1884 года, Культилла). Л. 5–5 об.
- 10 Цит по: *Садовская Н. М. Е.* Салтыков-Щедрин, С. П. Боткин и Н. А. Белоголовый // Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. – 1939. – Вып. 2. – С. 63. У Салтыкова-Щедрина с Боткиным, вероятно, были непростые отношения. С одной стороны, их объединяли общие взгляды, давняя дружба, Боткин был консультантом и лечащим врачом семьи писателя. С другой стороны, это не должно было мешать сатирику критично относиться к Боткину как к лейб-медику императорской семьи, видя в этой должности либеральное ренегатство, приспособленчество, казалось бы, известного и независимого человека [*Садовская Н. М. Е.* Салтыков-Щедрин, С. П. Боткин и Н. А. Белоголовый. – С. 58].
- 11 РО ИРЛИ РАН. Ед. хр. № 20316 (Письма к М. П. Фет-Шеншиной (ур. Боткиной), 1877–1884 годы). Л. 19 об.
- 12 *Монрепо* (mon heros) в переводе с французского языка означает «мой покой», «моё отдохновение».
- 13 Публикуемый документ; Л. 1.
- 14 Очевидно, имея разновозрастных детей и преследуя нравственно-воспитательные цели, чета Боткиных стала придерживаться традиционных правил.
- 15 ОР РГБ. Ф. 22. Карг. 5. Ед. хр. 13 (Боткин С. П. Письмо к Н. А. Белоголовому от 21 июля 1884 года). Л. 5–5 об.
- 16 ОР РГБ. Ф. 22. Карг. 5. Ед. хр. 20 (Боткин С. П. Письмо к Н. А. Белоголовому от 12 июня 1886 года). Л. 8 об.
- 17 ОР РГБ. Ф. 22. Карг. 5. Ед. хр. 13 (Боткин С. П. Письмо к Н. А. Белоголовому от 21 июля 1884 года). Л. 8 об.
- 18 ОР РГБ. Ф. 22. Карг. 5. Ед. хр. 13 (Боткин С. П. Письмо к Н. А. Белоголовому от 21 июля 1884 года). Л. 5–5 об. Именно за 100 тысяч рублей и была приобретена четой Фетов в 1877 году усадьба Воробьёвка.
- 19 *Журавский С. Г.* Неизвестный Боткин: семья в жизни Сергея Петровича Боткина. Альманах истории медицины: неизвестные и спорные страницы // Под ред. В. И. Бородулина, Б. С. Каганова. – Вып. 2. – М.: Династия, 2019.
- 20 *Нагибин Ю.* Встречи с прошлым // Встречи с прошлым. – Вып. 5. – М.: Советская Россия, 1984. – С. 15.
- 21 *Белоголовый Н. А.* Из моих воспоминаний о Сергее Петровиче Боткине // Воспоминания и другие статьи. – М.: типография К. Ф. Александрова, 1897. – С. 291–437.
- 22 *Садовская Н.* Переписка доктора С. П. Боткина с Н. А. Белоголовым (По материалам архива Н. А. Белоголового) // Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. – Вып. 2. – М., 1939. – С. 52–58; *Садовская Н. М. Е.* Салтыков-Щедрин, С. П. Боткин и Н. А. Белоголовый. – С. 58–66; *Шварцман А. Л.* Письма Сергея Петровича Боткина (по материалам отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина // Клиническая медицина. – 1952. – № 9. – С. 34–40; *Макашин С.* Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. Биография. – М.: Художественная литература, 1989. У литературоведа С. Макашина интерес к этим письмам

был вызван тем, что и Боткин, и Белоголовый хорошо знали М. Е. Салтыкова-Щедрина. Знакомство Н. А. Белоголового с писателем произошло в 1874 году, когда он стал его семейным врачом. После эмиграции их отношения поддерживались оживлённой перепиской, а лечить писателя стал С. П. Боткин со своими ближайшими помощниками (Н. И. Соколовым и Н. П. Васильевым). Отсюда понятно, что состояние здоровья, образ жизни, семейные обстоятельства знаменитого литератора были хорошо известны обоим корреспондентам и подробно обсуждались в их переписке.

²³ ОР РГБ. Ф. 22. Карт. 5. Ед. хр. 16 (Боткин С. П. Письмо к Н. А. Белоголовому от 26 мая 1885 года).

²⁴ Врачебная практика Боткина была колоссальна: еженедельные обходы с разборами случаев в клинике, консультации в амбулатории, осмотры больных в Общине Святого Георгия, служебная деятельность в качестве лейб-медика императорской семьи, а также частные домашние приёмы. Последние были особенно важны, поскольку оказывались существенной статьёй дохода для растущей семьи. Боткин принимал в своём доме три раза в неделю в установленные дни (среда, пятница и суббота) по вечерам от 20 до 27 человек (!). К примеру, за период с октября 1883 года по 14 мая 1884 года у С. П. Боткина было 87 дней вечерних консультаций, за которые он принял 653 новых пациента и провёл 1211 повторных консультаций [ФБ ВМА. Ф. XV. Ед. хр. I. № 3 (Тетрадь записи больных на домашние приёмы С. П. Боткина, 1883–1885 годы.). 45 л.].

²⁵ Зоя, 1-го года (род. 1883) и Софья, 7-ми месяцев (род. 1884).

²⁶ Екатерина, 5-ти лет (род. 1880) и Алексей, 3,5 лет (род. 1882).

²⁷ Мария, 10-ти лет (род. 1875) и Виктор, 14-ти лет (род. 1871).

²⁸ Сыновья С. П. Боткина от первого брака: 26-летний Сергей (род. 1859) и 20-летний Евгений (род. 1865).

²⁹ Анастасия, 22-х лет (род. 1863).

³⁰ По современным подсчётам, дорога на дачу у Боткиных должна была занимать около 5–6 часов. Так, расстояние от дома № 77 на Галерной улице до Финляндского вокзала через Литейный мост в экипаже составляет около 5,5 км, на что при небыстрой езде по булыжной мостовой требовалось около одного часа. Движение на поезде от Финляндского вокзала до станции Мустаямки, расположенной на 65-м км железной дороги Санкт-Петербург–Выборг, должно было занимать около 2 часов. От железнодорожной станции до мызы Культилла (современный посёлок Тарасово) около 12 вёрст (по современным дорогам около 13 км). Преодолеть это расстояние по грунтовым дорогам можно было примерно за 2,5 часа.

³¹ Князь Оболенский Алексей Васильевич (1819—1885) – тесть С. П. Боткина, отец его второй жены Е. А. Оболенской (Мордвиновой). В дневнике С. П. Боткина, который вёлся преимущественно в отношении его августейших пациентов, встречаются редкие записи, касающиеся особенно близких лиц. Среди них и запись о смерти князя А. В. Оболенского (сохранена пунктуация оригинала – Ред.): *«Декабря 1-го 1884 года в 5 часов пополудни скончался Князь Алексей Васильевич Оболенский на 66 году от рождения. Смерть была для нас всех совершенно неожиданна. Так Князь не считался больным, выходил и был за последние недели даже веселее обыкновенного... Ходил больной много и свободно входил по лестницы (sic!) без одышек и сердцебиения; по природе не жирный, за последний год под влиянием забот о больной дочери, Князь похудел и побледнел, но всё-таки ни на что не жаловался. 24 Ноября, сидя у нас за обедом, совершенно вскользь в разговоре он сказал, что по време-*

нам чувствует боль в стороне сердца, которая распространяется в левую руку, но очевидно жалоба была не тяжела и не мешала ему делать больших прогулок пешком... Накануне смерти Князь б<ыл> совершенно здоров и провёл вечер за картами... пил свой обычный чай и вернулся домой позднее обыкновенного, писал письма до трёх часов и утром, проснувшись жаловался камердинеру на нездоровье, ночью болели скулы, и утром ломила грудь». В дневнике С. П. Боткин сделал следующее заключение: «Смерть от паралича сердца вследствие стенокардии рефлекторного происхождения. Может быть, склероз венечных сосудов играл известную роль в этом параличе сердца» [ОР РНБ. Ф. 98. Д. 1 (Дневниковая тетрадь лейб-медика С. П. Боткина (1877–1889). Л. 192–194]. Очевидно, смерть наступила от нарушений ритма, возникших при развитии острого инфаркта миокарда.

- ³² Бубнов Николай Александрович (1854—1884) – один из последних учеников С. П. Боткина. Выпускник Императорской медико-хирургической академии (1875). Ординатор клиники С. П. Боткина. Был врачом одного из отрядов «Красного Креста», направленного в Сербию в 1876 году. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Защитил диссертацию о фармакологических свойствах Adonis vernalis. Последние дни Н. А. Бубнова подробно и с большим переживанием описаны С. П. Боткиным: «18 XII 84 г. умер от гангренозной формы дифтерита на 33-м году своей жизни Николай Александрович Бубнов» [ОР РНБ. Ф. 98. Д. 1 (Дневниковая тетрадь лейб-медика С. П. Боткина (1877–1889). Л. 194–195]. Заражение последовало от больного ребёнка, которого консультировал молодой врач. Смерть наступила на седьмой день болезни. Характерно, что вскрытия, на котором всегда настаивал у умерших пациентов Боткин, в данном случае не было.
- ³³ Скорее всего, С. П. Боткин имеет в виду своего старшего брата Павла Петровича Боткина (1826—1885). Личность этого Боткина не сравнима с другими братьями. И. М. Сеченов в своих воспоминаниях живо представляет портрет Павла Петровича, «который был совсем не похож на своего брата [Сергея]» (Сеченов И. М. Автобиографические записки. – М.: Изд. АМН СССР, 1952. – С. 128). «Он был похож на сытого католического священника средних лет и сам себя признавал старым холостяком. Был большой любитель театра, особенно балета, и ещё больший любитель женской красоты. Млея и соловел при виде красивого женского лица, и, если можно, выражал перед кумиром данной минуты свои сладостные восторги словами, глазами и телодвижениями... Враг всякого физического беспокойства... в Петербурге он держал лакея, который не только одевал его с головы до ног, но даже причёсывал ему голову...» [Сеченов И. М. Автобиографические записки... С. 127–131]. Павел Петрович Боткин умер 2 января 1885 года от разрыва аневризмы аорты.
- ³⁴ С. П. Боткин особенно выделял Н. Бубнова, по-отечески относясь к нему. Из дневника лейб-медика известно, что С. П. Боткин в 1879 году, консультируя членов императорского дома, в частности, герцогиню Терезию Петровну Лейхтенбергскую-Романовскую (урождённую Ольденбургскую), брал себе в ассистенты Бубнова [ОР РНБ. Ф. 98. Д. 1 (Дневниковая тетрадь лейб-медика С. П. Боткина (1877–1889). Л. 185]. С. П. Боткин посещал заболевшего ученика, давал назначения и, вероятно, оставался у его постели до момента смерти. Через два дня после трагической кончины Николая Бубнова 20 декабря 1884 года, на очередном заседании Общества русских врачей был зачитан некролог, составленный С. П. Боткиным. Самого Сергея Петровича на этом заседании не было. Некролог напечатан в кн.: Труды Общества русских врачей в СПб за 1884–1885 г. – 1886. – Вып. 2. – С. 86–89 и в «Еженедельной клини-

ческой газете» (№ 39; 23 декабрь 1884 года. – С. 609–612). Об отношении учителя к этому ученику указывает та деталь, что после этой трагедии в профессорском кабинете его клиники напротив портрета самого С. П. Боткина был повешен портрет Н. Бубнова [Куценко А. И. Исторический очерк Кафедры Академической терапевтической клиники Императорской Военно-медицинской (б. Медико-хирургической) академии. 1810–1898 гг.: Материалы для истории ИВМА: Дис. на степ. д-ра мед. А. И. Куценко, орд. Акад. терапевт. клиники. – СПб: типография князя В. П. Мещерского, 1898. – С. 251]. Могила врача Н. А. Бубнова находится на кладбище Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге, надгробие практически полностью разрушено.

- ³⁵ Кавелин Константин Дмитриевич (1818—1885) – русский историк, юрист, философ, публицист и либеральный общественный деятель. С Кавелиным, несмотря на разницу в возрасте, Боткин был знаком ещё с детства, поскольку Кавелин был одним из молодых выпускников университета, собиравшихся во флигеле дома брата Василия. Кавелин стал жить в Санкт-Петербурге с 1845 года. С 1857 года преподавал в Санкт-Петербургском университете на кафедре гражданского права. В это же время преподавал право наследнику престола, великому князю Николаю Александровичу. В 1878 году занимал должность профессора кафедры гражданского права в Военно-юридической академии. Автор уникальных сочинений по русской истории и культуре, крестьянскому вопросу и внутреннему положению России, по философии, вопросам гражданского права. Для Боткина могли быть особо интересны его «Мысли и заметки о русской истории» (напечатаны в журнале «Вестник Европы», 1866), где излагалось понимание исторического призвания «великорусского племени», неординарный взгляд на психологию в «Задачах психологии» (1872), где велась полемика с И. М. Сеченовым и Ю. Ф. Самариним. Любопытно, что в 1885 году, когда писалось представленное письмо, Кавелин был погружён в разработку вопросов этики, чему посвящался его последний труд «Задачи этики» (впервые вышел в журнале «Вестник Европы» 1884. Кн. 10–12 и затем отдельной книгой в 1885 году). Этих вопросов, возможно, касалась беседа Кавелина с Градовским, послужившая поводом для рокового события. Эта работа стала плодом всей его жизни, а её значение он оценивал так: *«С моей совести гора свалилась. Теперь я всё сделал, что мог сделать хорошего, и умри я завтра, нельзя было бы сказать, что я унёс с собою недосказанную мысль»* [Цит. по: Корсаков Д. А. Жизнь и деятельность К. Д. Кавелина // Собрание сочинений в 4-х т. – Т. I. – СПб., 1897. – С. xxx]. Его слова оказались пророческими. Умер 3 мая 1885 года.
- ³⁶ Градовский Александр Дмитриевич (1841—1889) – известный русский учёный-юрист, правовед. Ординарный профессор на юридическом факультете в Санкт-Петербургском университете (1869–1889). Автор уникального сочинения «Начала русского государственного права» в 3-х т. (1875, 1876, 1883) и др. Придерживался либеральных взглядов. Известен своими публицистическими произведениями, сотрудничал с «Голосом» и «Русской речью». Близкий приятель и, видимо, единомышленник С. П. Боткина по общественно-политическим вопросам.
- ³⁷ Румянцевский сквер располагается на углу пересечения Университетской набережной и 1-й линии Васильевского острова, у Академии художеств, откуда открывается вид на Неву.
- ³⁸ См. прим. 24.
- ³⁹ «Боткинские субботы».

- ⁴⁰ Лихачёв Владимир Иванович (1837—1906) – юрист, либеральный общественный деятель, близкий друг М. Е. Салтыкова-Щедрина. В 1876 году исполнял должность председателя Санкт-Петербургского окружного суда. В 1879 году избран Санкт-Петербургской думой в председатели городской Комиссии общественного здравия. В 1880 году избран представителем городского общества в Верховную распорядительную комиссию под председательством графа М. Т. Лорис-Меликова. В том же году назначен членом Санкт-Петербургской судебной палаты и избран председателем временной комиссии по удешевлению цен на хлеб. В 1881 году избран думой вторым кандидатом на должность городского главы. В 1885 году избран городским головою. Лихачёва Елена Иосифовна (1836—1904) – писательница и переводчица, председательница общества содействия высшим женским курсам в Санкт-Петербурге; корреспондент журнала «Отечественные записки»; жена В. И. Лихачёва.
- ⁴¹ Лермонтов Геннадий Васильевич (1836—1900) – юрист, мировой судья, гласный С.-Петербургской городской думы (третьего созыва 1881–1885), член думской исполнительной комиссии общественного здравия, сторонник демократических взглядов.
- ⁴² Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911) – историк, публицист, редактор и издатель популярнейшего в России либерального журнала «Вестник Европы», первый издатель полного собрания сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина. М. М. Стасюлевич был связан с С. П. Боткиным товарищескими и соседскими отношениями. Их семьи проживали на Галерной улице. Стасюлевичи более 10 лет пользовались врачебными советами С. П. Боткина [РО ИРЛИ РАН. Ф. 293. Оп. 1. № 262 (Письма и телеграмма С. П. Боткина к М. М. Стасюлевичу). 6 л.; РО ИРЛИ РАН. Ф. 293. Оп. 1. № 264 (Боткина Е. А. Письма к М. М. Стасюлевичу, 1886–1906 годы). Л. 1–1 об. (письмо от 21 марта 1886 года)]. Оба избирались гласными Санкт-Петербургской городской Думы, С. П. Боткин – по медицинскому комитету, М. М. Стасюлевич – по народному образованию.
- ⁴³ Скорее всего, речь идёт о Турунове Михаиле Николаевиче (1813—1890) – действительном тайном советнике, сенаторе, председателе Санкт-Петербургского цензурного комитета, члене Совета Главного управления по делам печати.
- ⁴⁴ См прим. 34.
- ⁴⁵ Грубер Венцеслав Леопольдович (1814—1890) – ординарный профессор кафедры практической анатомии ИМХА (1860–1887), член-корреспондент Российской Академии Наук (1866), академик Российской Академии Наук (1872), заслуженный профессор ИМХА (1877). Легендарная личность в истории ИМХА. Оказался в ИМХА по протекции Н. И. Пирогова, пригласившего профессора анатомии из Дерпского университета в 1847 году. Ввёл в учебный процесс обязательное препарирование. Очень плохо знал русский язык. На каком-то из боткинских вечеров в 1880-х годах произнёс забавную, ставшую крылатой, фразу об отсутствии различия между женщинами и мужчинами (в аспекте анатомирования): «Для анатомии, что панталон, что юбка – всё равно» [ОР РНБ. Ф. 699. Ед. хр. 44. Л. 2]. На вечерах у Боткина часто садился рядом с Сеченовым, который объяснял ему на немецком суть вопросов и русских шуток. Друг С. П. Боткина.
- ⁴⁶ Сеченов Иван Михайлович (1829—1905) – знаменитый русский физиолог; друг С. П. Боткина.
- ⁴⁷ Алышевский Владимир Ясонович (1845—1909) – ученик и последователь С. П. Боткина. В 1868 году окончил Санкт-Петербургскую ИМХА. Работал во 2-ом военно-су-

- хопутном госпитале. В 1871 году защитил докторскую диссертацию на тему «Материалы для изучения искусственного паралича диафрагмы у животных». В 1876 полгода стажировался в европейских клиниках. По протекции С. П. Боткина в 1880 году стал почётным лейб-медиком императрицы Марии Александровны. При поддержке С. П. Боткина стал в 1884 году главным врачом Мариинской больницы в Санкт-Петербурге (1884–1895). В эти годы молодые врачи, выпускники ИВМА, начинавшие свою практическую деятельность, стали называться «интернами».
- ⁴⁸ Головин Евграф Александрович (1842—1909) – один из первых учеников С. П. Боткина. Окончил ИМХА в 1865 году. В 1860-е годы был ассистентом на домашних приёмах С. П. Боткина. Разрабатывал вызывавший научный интерес Боткина вопрос клиники подвижной почки. В первом томе «Архива клиники внутренних болезней» (1869) Боткин опубликовал материалы этого исследования. По протекции учителя Головин стал в 1875 году почётным лейб-медиком императора Александра II.
- ⁴⁹ В рукописи описка: *так*.
- ⁵⁰ Вероятно, речь идёт о враче-акушере Сутугине Василии Васильевиче (1839—1900).
- ⁵¹ По дневникам лейб-медика видно, кто из представителей высшей знати и именных царедворцев был в том году пациентом Боткина: великий князь Константин Константинович, св. княжна Мария Черногорская, князь Н. М. Голицин, Ингано – камер-фурьер по хозяйственной части при обер-гофмаршале Э. Д. Нарышкине [ОР РНБ. Ф. 98. Д. 1 (Дневниковая тетрадь лейб-медика С. П. Боткина (1877–1889). Л. 197–202].
- ⁵² Нам не удалось установить, какова связь между посещениями Сутугиным боткинских суббот и консультациями С. П. Боткина столичной знати.
- ⁵³ Фраза, указывающая на то, что в 1880-х годах гости посещали субботние вечера Боткина, стремясь решить какие-то свои личные вопросы.
- ⁵⁴ На протяжении 1884 года в Совете при медицинском инспекторе Ведомства учреждений императрицы Марии проводились совещания по обсуждению устава Мариинской больницы. По сути, шла подковёрная борьба за власть. Конфронтация была вызвана столкновением интересов партии немецких и русских врачей в медицинской администрации. Сторону «русских» отстаивал ученик Боткина В. Я. Альшевский, сторону «немцев» – профессор Э. Э. Эйхвальд, давний недруг Боткина. На высочайшем уровне было принято предложение «немцев», и Альшевский подал рапорт об отставке. Однако он вскоре вернулся в больницу главным врачом после ухода Эйхвальда в руководство Клинического института имени Великой княгини Елены Павловны.
- ⁵⁵ Выборы в Санкт-Петербургскую городскую думу состоялись весной 1885 года. На заседаниях Городской думы в этот сезон неоднократно обсуждалась неудовлетворительная деятельность городского кредитного общества, в том числе из-за многочисленности собраний и отсутствия правил и регламента обсуждения (Журнал заседаний Городской Думы от 25 января 1885 г. // Известия С.-Петербургской Городской Думы. – 1885. – Январь. – С. 622).
- ⁵⁶ В комментарии С. П. Боткина чувствуются нотки пренебрежения к Е. А. Головину. Видимо, отношения между ними впервые обострились в 1880 году. Оба сопровождали своих пациентов в Ливадию. Этот конфликт – уникальная иллюстрация профессионального наследия Боткина, позволяющая увидеть этические взгляды Сергея Петровича, его интуитивные деонтологические представления. С. П. Боткин выразил своё недовольство тем, что Головин проявлял излишнюю «компанейскость»

и активность в неформальном общении со своими высокопоставленными пациентами (в частности, с графом А. В. Адлербергом). В дневнике Боткина есть следующая запись (сохранена орфография и пунктуация оригинала – *Ред.*): «Он высказывал, что ему надоело слушать мои постоянные замечания относительно того, за чем он не ходит (*sic!*), за чем он играет в карты, за чем он ходит к тому, к другому. Я ему высказал моё мнение, что не сочувствую его образу жизни, не подобающему молодому врачу, игра в карты с людьми не его общества, хождение на посиделки к различным высокопоставленным лицам, мне как человеку его рекомендовавшему – улыбаться не могут, если же он хочет, чтобы я не говорил об этом, то я должен сказать себе плевать мне на Головина, пусть делает, что знает. С тех пор я его никогда не спрашиваю, что он делал, как его здоровье, разговоры довольно натянутые и я охотно его не вижу; поставя на нём крест так, как пришлось его ставить к сожалению уже на многих. Размолвка эта подготавливалась давно, нрав Головина очевидно мещанского закала; с тех пор, как он почувствовал себя стоящим крепко у Графа, а, следовательно, и при дворе, он стал держать себя на столько иначе, что не раз [оскорблял] корбил меня. Впрочем, не хочу всё-таки высказать окончательный отодафе (*sic!*) и этому ученику [ОР РНБ. Ф. 98. Д. 1 (Дневниковая тетрадь лейб-медика С. П. Боткина (1877–1889). Л. 174–174 об.]. В фотоархиве И. В. Болдырева представлена фотокарточка 1878 года в Ливадийском дворце, где в неформальной обстановке, за общим столом в обществе графа А. В. Адлерберга, управляющего имением и др. находится доктор Е. А. Головин [ОЭ РНБ. Э. Ал. П–3–60/2 (Архив художника-любителя И. В. Болдырева. – Т. 2. – Л. 111)]. Со временем отношения Боткина и Головина наладились, но, очевидно, сохранили оттенок некоей отчуждённости.

⁵⁷ Военный инцидент на границе Российской империи и Афганистана в марте 1885 года. Подстрекаемые англичанами афганцы заняли спорную территорию с крепостью Кушка. Александр III отреагировал резко: «*Вызвать и проучить как следует!*». Столкнувшись с русской армией, афганцы бежали и были преследуемы казаками, стремившимися захватить английских инструкторов. Британский посол получил из Лондона предписание в жёсткой форме потребовать от русского правительства извинений. Вместо ответа Александр III наградил начальника пограничного отряда в Туркестане генерала А. В. Комарова орденом Св. Георгия 3-й степени и мобилизовал Балтийский флот. В момент, когда С. П. Боткиным писалось это письмо, сохранялась реальная опасность начала военных действий между Россией и Англией. Решительная позиция императора и неготовность Великобритании к войне заставили Лондон в конце лета 1885 года пойти на создание совместной комиссии для выработки приемлемого решения. 29 августа 1885 года был заключён англо-русский договор, определивший линию российско-афганской границы. Граница России вплотную подошла к Северной Индии в районе Памира. После этого события Великобритания вплоть до начала XX века не позволяла себе явных антироссийских действий [Алхазавили Д. История России. Режим доступа: <https://www.rusempire.ru/rossijskaya-imperiya/istoriya-rossijskoj-imperii/78-vneshnyaya-politika-rossii-v-kontse-xix-veka.html>].

⁵⁸ Речь, видимо, об осложнении хронической злокачественной (пернициозной) анемии.

- ⁵⁹ Соколов Нил Иванович (1844—1894) – доктор медицины, профессор ИМХА. Ближайший ученик и последователь С. П. Боткина. В это время главный врач Александровской барачной больницы.
- ⁶⁰ Сеченова-Бокова Мария Александровна (1839—1929) – жена И. М. Сеченова, врач-окулист, одна из первых женщин-врачей в России.
- ⁶¹ Сын М. Е. Салтыкова-Щедрина – Костя – будучи 13-летним мальчиком, заболел скарлатиной, осложнением которой стал острый суставной ревматизм. Боткин, лечивший ребёнка, опасался за его жизнь. Первые шесть недель 1885 года стали тяжелейшим испытанием для семьи М. Е. Салтыкова-Щедрина [Макашин С. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. Биография. – М.: Художественная литература, 1989. – С. 343].
- ⁶² Литературный журнал либерально-демократической направленности «Отечественные записки» был самым читаемым печатным органом в России (10 тысяч экземпляров ежемесячных номеров). Окончательное запрещение журнала «за распространение вредных идей» произошло в апреле 1884 году [Емельянов Н. «Отечественные записки» Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина (1868–1884). – Л.: Художественная литература, 1986. – С. 301–324].
- ⁶³ О семье М. Е. Салтыкова-Щедрина см. в кн.: Макашин С. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. – С. 404–431.
- ⁶⁴ М. Е. Салтыков-Щедрин по рекомендации С. П. Боткина планировал выехать для климатического лечения водами на европейский курорт. Летом 1885 года он в последний раз в своей жизни провёл четыре недели за границей в Висбадене в окружении семьи Н. А. Белоголового [Макашин С. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889. – С. 350–356].
- ⁶⁵ Заседания Комиссии городской думы по общественному здравью.
- ⁶⁶ См. прим. 55.
- ⁶⁷ Эта идея реформирования обсуждалась уже 15 лет. До 1884 года больницы Санкт-Петербурга относились к Министерству внутренних дел и управлялись попечительским советом, а с 1 сентября 1884 года перешли в городское управление и подчинение главного врача.
- ⁶⁸ В ближайшие годы в Санкт-Петербурге наблюдались вспышки скарлатины (1882–1883), кори (1884), дифтерии, холеры.
- ⁶⁹ Грессер Пётр Аполлонович (1833—1892) – генерал-адъютант, генерал-лейтенант русской императорской армии (1883), петербургский градоначальник (1882–1892).
- ⁷⁰ Городская Александровская в память 19 февраля 1861 года барачная больница для чернорабочих открылась в апреле 1882 года; была рассчитана на 300 коек. Главный врач – ученик и последователь С. П. Боткина – Н. И. Соколов (1882–1893). С. П. Боткин имел должность почётного попечителя барачной больницы.
- ⁷¹ С. П. Боткин сообщает официальную статистику, которая приводилась в его докладе на заседании соединённого присутствия городской Управы и Комиссии общественного здоровья после инспекции новой барачной больницы (Доклад на заседании 6 сентября 1884 г. // Известия С.Петербургской городской думы. – 1884. – С. 855–856). Низкая смертность объяснялась улучшенными условиями питания, содержания и медицинского обеспечения в новой больнице.
- ⁷² Александровская больница для рабочего населения в память 19 февраля 1861 года существовала с 1866 года. Основная часть больницы, начиная с 1870-х годов, располагалась на набережной реки Фонтанки, № 116, 118, 120, Больничный переу-

- лок и Троицкий переулок № 5, 7 и 9. В те годы её вместимость составляла около 700 коек. [Пацутин В. В. Путеводитель по учебным и санитарным учреждениям С.-Петербурга. – СПб.: типография Шредера, 1889]. В числе консультантов больницы в прошлом был Н. И. Пирогов. Современное здание больницы находится на новом месте (проспект Солидарности д. 4).
- 73 Ратимов Василий Александрович (1850—1904) – доктор медицины, приват-доцент военно-медицинской академии. Активный член Общества русских врачей. Личностные особенности этого деятельного, фанатично увлечённого своим делом хирурга демонстрирует курьёзный случай, представленный в воспоминаниях лейб-медика Александра III – Н. А. Вельяминова, со слов возмущённой императрицы Марии Фёдоровны. При посещении императором Александром III Женской Обуховской больницы «проф. Ратимов демонстрировал Государю на блюде «противный» препарат вырезанного им рака желудка, на которого Государь смотрел с отвращением, не понимая, зачем Ратимов его показывает» [Налепина Д. Воспоминания Н. А. Вельяминова об Императоре Александре III // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). – М.: Студия «ТРИТЭ» – «Российский Архив», 1994. – Вып. V. – С. 256]. Ратимов одним из первых в Российской империи произвёл успешную резекцию привратника при раке желудка, после которой пациентка прожила без рецидива 12 лет. Данное клиническое наблюдение изложено им в статье «К вопросу о резекции выходной части желудка при раковом нарушении её», опубликованной в 1887 году в «Еженедельной клинической газете» (1887. – № 1. – С. 10; № 2. – С. 25). Не исключено, что именно этот патологоанатомический препарат и был показан императору.
- 74 Богдановский Евстафий Иванович (1833—1888) – доктор медицины, профессор ИМХА, хирург. Имел колоссальный авторитет у студентов и молодых ординаторов, которые с любовью дали ему прозвище «наш Остап». Боткин знал его лично, был дружен с ним, лечил его и «в виду порока сердца, запретил ему оперировать и даже посещать клинику» [Павловский. Сборник биографий врачей выпуска 1881 года ИМХА (1881–1906). – СПб., 1906. – С. 160–161]. Умер у операционного стола, во время операции, которую он сам проводил.
- 75 Коломнин Сергей Петрович (1842—1886) – профессор хирургии в ИМХА. Летом 1876 года в Сербии руководил хирургической частью в походных лазаретах, будучи в составе санитарного отряда, снаряжённого С. П. Боткиным за счёт личных средств. В русско-турецкую войну 1877–1878 годов участвовал в качестве хирурга от общества Красного Креста. Одиннадцатого ноября 1886 года покончил жизнь самоубийством, глубоко переживая смерть своей пациентки, умершей после операции от передозировки кокаинового наркоза [о нём: Некролог Сергея Петровича Коломнина. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1886; Памяти профессора Сергея Петровича Коломнина. – СПб.: типография Департамента Уделов, 1886].
- 76 Пётр, 24-х лет (род. 1861), Александр, 19-ти лет (род. 1866).
- 77 Профессор Петербургского университета А. Д. Градовский, преподававший курс права, был известен своей чрезвычайной строгостью [Энциклопедия Брокгауза и Эфрона. – Т. IX^a. – 1903. – С. 491–492].
- 78 Биша – домашнее имя Сергея Сергеевича Боткина (1859—1910); от *la biche* (фр. яз.) – овечка (из-за белокурых волос мальчика).
- 79 Сергей Сергеевич Боткин в 1883 году поступил сразу на III курс ИВМА, получив образование на естественном отделении физико-математического факульте-

та Санкт-Петербургского университета, и уже имея степень кандидата естественных наук [цит. по: Будко А. А., Шабунин А. В. Великий Боткин. Сердце, отданное людям. – СПб.: ВММ МО РФ, 2006. – С. 170]. Отсюда его увлечённость химией, личное знакомство с профессором Д. И. Менделеевым и научный интерес увязать свойства химического вещества с его физиологическим действием. Сергей, будучи ещё студентом 4-го курса ИМХА, начал научное исследование по изучению влияния химических соединений на организм, исходя из положения в периодической таблице Менделеева. (Первая схема периодического закона Д. И. Менделеева была сформулирована за 15 лет до этого – в 1869 году.) Химические вещества для экспериментов С. С. Боткину были предоставлены профессором Д. И. Менделеевым, с которым С. П. Боткин имел приятельские отношения и оказывал ему медицинские советы. В этом же году через месяц в «Еженедельной клинической газете» (1885, № 23) будут опубликованы результаты («О связи между физиологическим действием и химическими свойствами щелочных металлов первой группы по Менделееву»). Материалы этого исследования войдут в его будущую докторскую диссертацию (*Боткин С. С.* Влияние солей рубидия и цезия на сердце и кровообращение в связи с законностью физиологического действия щелочных металлов. Дисс. на степень доктора медицины. – СПб., 1888).

- ⁸⁰ Суза – домашнее имя Евгения Сергеевича Боткина (1865–1918); от *la souris* (фр. яз.) – мышонок, действительное сходство с которым можно отметить на ранних снимках Евгения.
- ⁸¹ Боткин Виктор Сергеевич (1871–1922) – младший ребёнок С. П. Боткина от первого брака с А. А. Крыловой. В момент написания письма Виктору минуло 14 лет.
- ⁸² Боткина Мария Сергеевна (в замужестве Андреевская) – дочь С. П. Боткина и Екатерины Алексеевны; родилась 9 (20) января 1875 года, до брака своих родителей, воспитывалась в Ментоне, у матери Екатерины Алексеевны. Забрать её сложилось только год спустя после свадьбы, в 1877 году, когда стало ясно, что старшие дети свыклись с появлением новой хозяйки дома. Боткину было позволено удочерить ребёнка после возвращения Александра II с театра русско-турецкой войны в начале 1878 году. [РГИА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 1190 (Дело об узаконении дочери лейб-медика, Тайного Советника Сергея Боткина). 10 л.]. В момент написания письма Марии было 10 лет. В 1890-х годах М. С. Боткина общалась в кругах русских художников. Умерла 28 января 1960 года, похоронена в Хельсинки на русском кладбище. В литературе Мария (Маля) встречается в мемуарах И. А. Бунина, М. Горького.
- ⁸³ Годом ранее С. П. Боткин в письме к Н. А. Белоголовому рассказывал о дочери, что делает понятнее описание её в 10-летнем возрасте: она *«всё ещё не оставляет своих диких нравов кушать говядину не вилок, а руками и её лексикон слов всё ещё богат бранными словами, которые она щедро отпускает направо и налево»* [ОР РГБ. Ф. 22. Карг. 5. Ед. хр. 13 (Боткин С. П. Письмо к Н. А. Белоголовому от 19 мая 1884 года, Культилла). Л. 16–16 об.]. Неблагодарное поведение Марии (Мали) в семье объясняли тем, что в свои ранние годы она проживала с бабушкой, окружение которой состояло из эмигрантов и диссидентов, отличавшихся вульгарным, фрондирующим поведением.
- ⁸⁴ У Анастасии – дочери С. П. Боткина от первого брака – сложились с мачехой хорошие отношения. В письмах к М. А. Балакиреву Анастасия часто рассказывает о Екатерине Алексеевне, сообщает, что вместе музицируют, передаёт её просьбы

[РО ИРЛИ РАН. Ф. 162. Оп. 4. Д. 133 (Бородулина (урождённая Боткина) А. С. Письма к М. А. Балакиреву, 1883–1906 годы). 87 л.].

- ⁸⁵ В течение жизни Сергей Петрович Боткин имел избыточный вес и был курильщиком, болел желчекаменной болезнью; умер от хронической сердечной недостаточности, развившейся после рецидивирующих инфарктов миокарда.
- ⁸⁶ Куверт – разложенный на обеденном столе столовый набор тарелок, ложек, вилок и ножей на одну персону.
- ⁸⁷ Мустамяки – ближайшая железнодорожная станция по Выборгской железной дороге в 13 верстах от имения Культилла.
- ⁸⁸ Личность не установлена.
- ⁸⁹ Личность не установлена.
- ⁹⁰ «Общее дело» и его закулисный редактор» / Предисловие и публ. Макашина С. А. Литературное наследство. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860–1890. – Т. 87 – М.: Наука, 1977. – С. 429–441.

Е. В. БАКАЛДИНА

(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ВКЛАД М. П. БОТКИНА В СОЗДАНИЕ РУССКОГО МУЗЕЯ АЛЕКСАНДРА III

Аннотация. Имя М. П. Боткина прочно связано с Русским музеем, открытым в 1898 году. Во-первых, он стоял у истоков создания музея: был в комиссии по надзору за ремонтом и приспособлением Михайловского дворца для помещения музея и в комиссии по выбору картин для музея. В результате был награждён орденом Святого Станислава 1-й степени. Во-вторых, уже после открытия музея был в комиссии по покупке картин для Русского музея. В-третьих, большое количество предметов, некогда принадлежавших М. П. Боткину, впоследствии поступили в собрание музея.

Ключевые слова. М. П. Боткин, Русский музей, коллекция, Академия художеств.

E. V. BAKALDINA

(The Saint-Petersburg Roerich family Museum; Saint-Petersburg)

M. P. BOTKIN'S CONTRIBUTION TO THE CREATION OF THE RUSSIAN MUSEUM OF ALEXANDER III

Abstract. The name of M. P. Botkin is strongly associated with the Russian Museum, which was opened in 1898. Firstly, he stood at the origins of the Museum: Botkin was in the commission for overseeing the repair and adaptation of the Mikhailovsky Palace to house the Museum and in the commission for selecting paintings for the Museum. As a result, he was awarded the Order of St. Stanislav 1st degree. Secondly, after the opening of the museum M. P. Botkin was in the commission for the purchase of paintings for the Russian Museum. Thirdly, a large number of objects that once belonged to M. P. Botkin, later entered the museum's collection.

Keywords. M. P. Botkin, Russian Museum, collection, Academy of Arts.

Известный коллекционер, художник и общественный деятель Михаил Петрович Боткин (1839—1914) стоял у начала Русского музея, тогда называвшегося Русским музеем Александра III.

Первые разговоры о необходимости создания национального музея были ещё в 1869 году. В. В. Стасов пишет П. М. Третьякову 11 августа 1895 года: «Вы знаете, я первый заговорил о нём – устно и печатно¹ – ещё

в конце 70-х годов...»². Следующий раз интенсивно говорить о создании Русского музея стали в 1882 году – во время Первой Всероссийской художественно-промышленной выставки, когда была организована экспозиция, посвящённая русскому искусству последних 25-ти лет³. Распорядителем и устройтелем этой экспозиции как представитель Императорской Академии художеств был Михаил Петрович Боткин⁴, и он же проводил экскурсию для Императора Александра III. Как потом вспоминал М. П. Боткин, во время этой экскурсии «Его Величество выразил особенное удовольствие видеть впервые собранным такое количество русских произведений. Здесь я сказал Его Величеству: как было бы хорошо в Петербурге иметь отдельный музей русских произведений. Государь ответил: “да, необходимо”, надо собрать отовсюду»⁵.

Как рассказывал М. П. Боткин А. В. Прахову, в середине 1880-х годов «вопрос о русском музее был решён Императором в принципе, но пока не осуществлялся...»⁶. Шли разговоры о помещении для музея. Из письма А. А. Боголюбова видно, что сначала М. П. Боткин был согласен с теми, кто предлагал построить новое здание⁷. О другом адресе сам Михаил Петрович рассказал П. П. Воронцову-Дашкову, указав на возможность размещения музея «в доме министра государственных имуществ, в котором жил М. Н. Островский»; о чём говорил и Александр III⁸.

С этих пор мысль о музее витала в воздухе. В 1889 году А. П. Боголюбов пишет М. П. Боткину: «Думаете Вы о музее Русского искусства и хорошо делаете, – за Вами и я думаю и даже действую. Взгляды наши на осуществление этого дела расходятся в финансовой форме, Вы думаете строить новое здание около Академии в саду – с мастерскими и всякими угодьями, это очень хорошая мысль... но когда денег нет – так надо ходить другими подходами... ибо, ежели не действуешь лично с должным самоотвержением – то ведь люди не слушают Вас, и остаются холодными. Но, когда ломишь во всю мочь, так хоть и обругают – но делают. На что я и рассчитываю... Итак, вздумайтесь в музейное дело и содействуйте... Письма Ваши всегда мне отрадны, ибо всё-таки наши интересы честно-художественные»⁹. В своих записках Алексей Петрович Боголюбов также говорит о М. П. Боткине как о единственном из привлечённых великим князем Георгием Михайловичем для устройства Русского музея: «Великая заслуга ныне царствующего Государя, что исполнил волю своего августейшего родителя учреждением Русского музея в Петербурге в бывшем здании Михайловского дворца. Он призвал к этому серьёзному делу человека, хоть и не художника, но всё-таки просвещённого нумизмата в лице своего дяди великого князя Георгия Михайловича, который составил Комиссию по устройству художественного хранилища, куда ввёл действительного члена Академии Михаила Петровича Боткина, знатока древностей и живописи вообще, владельца прекрасного собрания редкостей, которо-

Ил. 1. Михаил Петрович Боткин. 1890-е
Фотографы – С. Сабин-Гуса и С. Савицкий
Воспроизведено по: Новое время. –
1899. – 21 апреля (3 мая). – № 8313. – С. 5

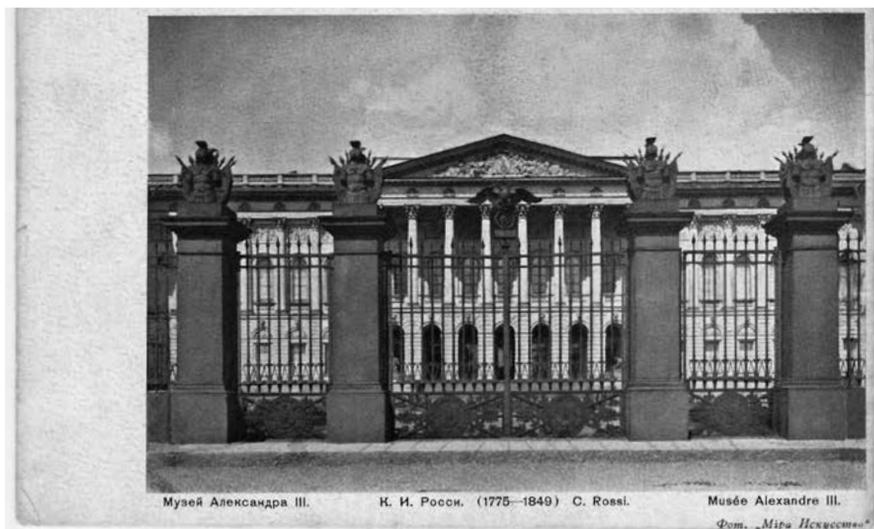
му он посвятил всю свою жизнь»¹⁰. Выбор пал на М. П. Боткина [ил. 1] не случайно. К 1890-му году он уже обладал большим опытом административной работы. Как уже было сказано выше, он являлся распорядителем Художественного отдела Всероссийской выставки 1882 года¹¹, принимал активное участие в реформе Императорской академии художеств 1893 года¹², был председателем или членом многочисленных комиссий в Академии художеств по проведению выставок 1886¹³, 1887¹⁴, 1888¹⁵, 1889¹⁶, 1890¹⁷, 1891¹⁸, 1896¹⁹ годов. Был членом комиссии для устройства Русского отдела на художественно-промышленной выставке в Копенгагене в 1888 году²⁰, членом комиссии по устройству Художественного отдела на Нижегородской выставке 1896 года²¹. Кроме того, был знаком с большим количеством художников, коллекционеров, государственных и общественных деятелей.

В 1890 году М. П. Боткин писал брату Петру, «я теперь окончательно запряжён в устройство музея и, верно так Богу угодно, исполнить волю покойного Государя»²². Слово «запряжён» очень подходит к объяснению занятости М. П. Боткина Русским музеем, поскольку он был и в комиссии по надзору за переоборудованием здания, и в комиссии по выбору произведений для будущего музея. В одном из писем В. В. Стасова к М. П. Боткину от 1 сентября 1895 года он передаёт последнему свой разговор с П. М. Третьяковым: «и при этом случае я рассказал ему, как Вы хлопчете с Александровским музеем... Он мне отвечает: “Что поручено устройство Музея М. П. Боткину, то лучшего выбора и быть не могло, лучше его никто это дело сделать не может”. И это сущая правда! Радуюсь»²³. Чтобы понять степень участия Боткина, можно посмотреть, как об этой его работе отзывались современники. И. К. Айвазовский писал Боткину 23 августа 1897 года о распределении своих картин: «одну из этих картин по выбору членов Академии подношу в память моего 60-ого юбилея Академии, другую в Ваш музей предоставляю выбрать Вам»²⁴,

называя Русский музей «музеем Боткина». То же выражение «Ваш музей» использует и Ф. А. Бронников²⁵.

Окончательно вопрос об учреждении Русского музея был решён в 1895 году. Николай II, «отвечая душевной потребности неотложно исполнять волю покойного Государя», 13 апреля 1895 года издал указ о создании «Русского музея императора Александра III»²⁶. Следующим указом был назначен управляющий музеем великий князь Георгий Михайлович. При управляющем учреждался «совет из определённого числа, увеличивающегося по мере увеличения отделов музея. Так, по художественному отделу могли бы присутствовать три представителя от Императорской Академии Художеств, по этнографическому – два представителя от Императорской Академии Наук и два от Министерства Финансов (по департаменту Торговли и Мануфактур)»²⁷. Таким образом, 10 мая 1895 года М. П. Боткин был назначен членом и председателем комиссии по надзору за ремонтом и приспособлением Михайловского дворца для помещения Русского Музея Императора Александра III; наравне с ним в комиссию²⁸ вошли профессор архитектуры А. Н. Померанцев²⁹ и инженер-механик А. А. Тевяшов³⁰.

В журнале «Всемирная иллюстрация» говорилось: «Выбор места для музея надо считать счастливым. Лучшего места нельзя было бы и придумать, как по центральному расположению Михайловского дворца [ил. 2]

Ил. 2. Музей Александра III. Открытое письмо
Санкт-Петербург. 1900–1914. Картон, типографская печать. 9,0 × 14,4
Собрание СПбГМИСР

в столице, так и благодаря величественному виду, который представляет этот дворец, замыкая обширным своим фасадом, в 55 сажень длины, Михайловскую площадь и улицу, а также благодаря чудной панораме, открывающейся со стороны парка на Марсово поле и Летний сад. Уже своим фасадом здание музея положительно поражает особенным величием и красотой»³¹.

Михайловский дворец нуждался и в приспособлении его под музей, и просто в ремонте. Как рассказывал в воспоминаниях С. Ю. Витте, занимавшийся покупкой Михайловского дворца у наследников великой княгини Екатерины Михайловны: «Я сказал, что когда принц получит деньги, то он должен через столько-то месяцев очистить дворец. Это происходило как раз летом. Дворец был очищен, причём оказалось, что при очистке дворца были сняты все ценные двери, каминь, вообще все украшения, которые, в сущности, у нас не признаются движимым имуществом, а считаются принадлежностями недвижимого имущества. Но, тем не менее, принц всё это ободрал, забрал все ценные двери, каминь и т. д.»³².

Комиссия по надзору за ремонтом и приспособлением Михайловского дворца для помещения Русского Музея рассматривала все планы работ архитектора Василия Фёдоровича Свиньина и расходование средств³³. Тем не менее, не всё проходило гладко. Например, были споры по поводу масштабов вентиляции. Из письма архитектора В. Ф. Свиньина вице-президенту Академии И. И. Толстому от 1 июня 1895 года: «Из членов её [комиссии по надзору за ремонтом и приспособлением Михайловского дворца для помещений музея] за устройство вентиляции в предлагаемых размерах г. Лукашевичем³⁴, высказался А. Н. Померанцев, М. П. Боткин же, как в этом вопросе, так и во всех последующих высказался и – надо ожидать – будет высказываться предложением: “в этом я совершенно согласен с мнением многоуважаемого Александра Никаноровича”, а в скобках (“нашего Микельанджело”!). Я же высказался, что устройство указанной вентиляции в таких размерах нахожу излишней, т. к. думаю, что никогда в Музее не будет больших скопищ народа продолжительное время, и предлагал способ простого протапливания испорченного воздуха с помощью существующих дымовых каналов, устроив в них подогревание... Сердечного участия Померанцева, как я ожидал, в этом деле ко мне нет, и кончается только казённым отношением, так что вне стен Музея и без членов комиссии у нас об этом разговоров нет. Остальные все с ним, по-прежнему. Боткин, видимо, загипнотизирован авторитетом “русского Микельанджело” и сам отказывается мыслить и, по-видимому, боится соглашаться с мнениями других. Тевяшов во многом отмалчивается, и кажется, стесняется говорить там, где он некомпетент»³⁵. Тем не менее, как показало время, «скопища народа» всё-таки сейчас приходят в Русский музей.

В одном из писем брату Петру от 17 августа 1895 года Михаил Петрович Боткин пишет: «С большим бы удовольствием поехал бы на яр-

марку, да скоро уезжает Великий Князь Георгий Михайлович, и я замещаю его в разных распоряжениях по перестройке Музея»³⁶. Осенью 1895 года М. П. Боткин в другом письме брату Петру сетует на недоделки: «Погода нас начинает обижать, дождь и холод наступает, у нас в Музее ещё нет топки, да и рамы не вставлены»³⁷.

Из-за увеличивающихся расходов на переустройство дворца была создана Межведомственная комиссия для выяснения размера всех необходимых ремонтных работ в Михайловском дворце; её председателем тоже стал М. П. Боткин³⁸.

О результате перестройки дворца писали в одном из журналов: «При-способление жилого дворца в музей – было дело очень трудное... Устроены круговой ход по залам, отопление, вентиляция, сделано новое покрытие на всей грандиозной лестнице, по всему музею снято с окон дерево, подоконники облицованы мрамором, деревянные широкие переплёты рам заменены железными... Под мраморными подоконниками скрыто отопление: оно – водяное низкого давления. Для устройства кругового хода, необходимого в музее, пришлось переделать почти все двери. Нигде нет бьющей в глаза роскоши, золота и блеска; во всём бесконечном разнообразии тонов и орнамента видно соединение богатой солидности с изяществом... Утварь музея, все скамейки, стулья – новые, сделаны по рисункам архитектора... Также все дверные ручки, все карнизники у дверей, на панелях – всё изготовлено по специальным рисункам, и бесконечное разнообразие их мотивов составляет богатство внутренней архитектурной отделки»³⁹.

Внучка архитектора В. Ф. Свиньина вспоминала, как Михаил Петрович Боткин защитил её деда, когда Л. Н. Бенуа сказал, что «Росси пострадал от Свиньина» при переделке Михайловского дворца: «Михаил Петрович Боткин, как всегда улыбаясь и в почтённом поклоне, уточняет: “Нет, Ваше Благородие, Росси «пострадал» не от архитектора (блестяще, кстати сказать, выполнившего задание), а от Высочайше-утверждённой комиссии, которая разработала это задание и в которую Вы, Леонтий Николаевич, входили. Комиссия приняла решение из Михайловского дворца делать музей, и честь и слава членам комиссии и вам в первую очередь, Леонтий Николаевич, за такое прогрессивное решение. Дворцов в столице много, а вот музей русского искусства теперь будет единственный в своём роде и на всю Россию!»»⁴⁰.

Юридические документы, в частности, Положение Русского музея императора Александра III были подписаны 1 февраля 1897 года. Наряду с подписями великого князя Георгия Михайловича, И. И. Толстого, П. А. Брюллова, А. И. Куинджи, В. А. Беклемишева и И. Е. Репина, стоит подпись М. П. Боткина⁴¹.

Кроме комиссии по переустройству дворца, Боткин входил в комиссию по выбору картин для Русского музея. Через четыре дня после под-

писания указа об учреждении Русского музея, 17 апреля 1895 года состоялось заседание совета Императорской академии художеств, в котором академики, в том числе и М. П. Боткин, выразили свою радость по это-

Ил. 3. Открытие Русского музея Императора Александра III. 7 марта 1898 года.

С натуры рисовал для «Всемирной иллюстрации» К. О. Брож

Автотипия Эл. Гоппе

Воспроизведено по: Всемирная иллюстрация. – 1898. – 21 марта. – № 1521. – С. 295

му поводу⁴². На том же заседании Михаил Петрович Боткин был выбран членом комиссии по выбору картин для Русского музея Александра III совместно с В. Е. Маковским и И. Е. Репиным, кандидатами к ним стали П. А. Брюллов, М. А. Чижов, В. А. Беклемишев и А. И. Кунджи⁴³.

Согласно предписаниям, «в Михайловском дворце сосредотачиваются все картины и статуи Русской школы: а) находящиеся в Императорском Эрмитаже, б) приобретённые в Бозе почившим Государем для музея и находящиеся в различных Дворцах (преимущественно в Зимнем и в Царскосельском), в) некоторые из находящихся в Москве замечательных картин Русской школы (как то “Явление Христа народу” А. А. Иванова, “Представление старшин Государю императору” И. Е. Репина), г) некоторые из картин Императорской академии художеств»⁴⁴. Известно, что М. П. Боткин лично просматривал коллекции дворцов. Так, например, 15 июня 1895 года ему было разрешено осмотреть Собственный дворец его императорского высочества на предмет картин и скульптурных произведений⁴⁵, а 24 августа он был «в Гатчинском дворце, осматривал все комнаты покойного Государя»⁴⁶, 24 сентября также в Аничковом дворце обходил комнаты молодого государя⁴⁷.

В. В. Стасов в письме П. М. Третьякову от 11 августа 1895 года рассказывает, что Боткин «просто утонул в делах будущего Музея в Михайловском дворце. Репина и Владимира Маковского нет, и потому он один всё делает; насчёт выбора картин, которые войдут в Музей, ездит по всем городским и загородным дворцам, особливо в Петергофский, – и везде отмечает, что брать. Насчёт перестройки и будущего устройства он один также всё делает – даже никуда не поехал: ни на дачу, ни за границу. Уверяет, что всё или почти всё будет готово к лету 96 года»⁴⁸.

Интересно, что перед официальным открытием, за пять дней до него, была произведена репетиция открытия, на которой присутствовал и сам император. Александр Бенуа, бывший на этом мероприятии, так его описывает: Николай II осмотрел музей «с особой тщательностью и вне обычной сутолоки церемониальных сборищ»; император «продвигался медленно, выслушивая объяснения, иногда довольно пространные, которые ему давали Альбер [Альберт Николаевич Бенуа], М. П. Боткин и П. А. Брюллов»⁴⁹.

Торжественное открытие [ил. 3] Русского музея состоялось 7 (19 – по новому стилю) марта 1898 года. На церемонии все должны были быть одеты соответственно: «форма для одежды военных обыкновенная, генералы в лентах, а гражданским праздничная» одежда⁵⁰. Официальное открытие было в средней зале мемориального отдела, посвящённого Александру III, в два часа дня, когда прибыли «Император Николай II и императрица Мария Фёдоровна с великим князем Михаилом Александровичем и великой княжной Ольгой Александровной. При входе их встречал Августейший управляющий музея великий князь Георгий

Михайлович». Потом был молебен и осмотрены все 37 залов. В 3 часа 45 минут Их величества уехали⁵¹. На самом деле, согласно рассказу М. П. Боткина, молебнов было два – в 10:00 и в 14:00 (во время царского приезда)⁵². Водил императора и его свиту по дворцу М. П. Боткин. [Скорее всего, это именно он стоит справа на иллюстрации из журнала «Всемирная иллюстрация»].

В письме брату Петру М. П. Боткин рассказывает об этом событии: «совершилось освящение музея, и я был обласкан и одарен милостями Государя и Великого Князя. Государь утром прислал свой портрет с подписью в великокопной раме и орден Станислава I звезду и ленту. Великий князь – тоже портрет и бриллиантовый жетон. Государь благодарил от всей души, был необыкновенно милостив также и Императрица Мария Фёдоровна»⁵³. Действительно, за труды в звании члена комиссии по переустройству Михайловского дворца для Русского музея 7 марта 1898 года М. П. Боткин был удостоен ордена Святого Станислава 1-й степени⁵⁴. Михаил Боткин заключает в письме к брату: «Так вчера для меня был день истинного торжества, который я никогда не забуду, теперь я могу сказать “ныне отпускаешь раба твоего Владыка по слову твоему с миром”. Я увидел олицетворение того, о чём мечтал, о создании русского музея, и вот пришлось его устроить и увидеть. Все были в восторге от здания и устройства. Приглашенных [билетов] было немного, только министры и высшие чины и все художники, которых работы находятся в Музее»⁵⁵.

В честь открытия Русского музея в журнале «Всемирная иллюстрация» появилась статья, в которой есть такие строки: «Не мало труда вложено в выполнение этой идеи... вице-председателем строительной комиссии М. П. Боткиным и хранителями музея А. Н. Бенуа и П. А. Брюлловым, в течение года с лишним изо дня в день лично руководившими всеми работами по внутреннему устройству музея и с большой любовью разбиравшими и систематизировавшими эту массу художественного материала за два последних столетия»⁵⁶.

Интересно, что не во всех изданиях говорилось о роли М. П. Боткина; так, например, в книге К. А. Военского «Русский музей Императора Александра III», выпущенной в 1898 году, Боткин не был упомянут вообще, хотя среди помощников великого князя Георгия Михайловича названы И. И. Толстой и В. Ф. Свиньин⁵⁷. То же было и в книге К. К. Случевского 1898 года издания⁵⁸.

Отдельно нужно сказать о работе Михаила Петровича Боткина в Отделении христианских древностей Русского музея Александра III, которое было открыто одновременно с музеем. Основными источниками для отделения были Музей христианских древностей, возникший ещё в 1856 году по инициативе вице-президента Академии художеств князя Г. Г. Гагарина⁵⁹, и коллекция В. А. Прохорова⁶⁰. О работе М. П. Боткина

в этом отделении сказано в одном из журналов: «Музей христианских древностей нашёл прекрасных толкователей в лице таких знатоков древнерусского искусства, какими являются М. П. Боткин и Н. П. Лихачёв⁶¹. Им удалось разобраться в этой массе древних икон и распределить их в строгой последовательности, что и составляло громадный труд уже потому, что показания наших летописцев о старинных русских мастерах разноречивы и сбивчивы»⁶². П. И. Нерадовский почему-то совсем не упоминает Н. П. Лихачёва, а говорит о Н. В. Покровском⁶³, с которым Боткин занимался устройством залов музея христианских древностей – «Все коллекции были включены в экспозицию музея, кроме значительного числа “христианских древностей”, которые поместили в запасники»⁶⁴.

В 1898 году, к открытию Русского музея, было выпущено, а затем переиздано в 1902 году «Обозрение отделения христианских древностей в Музее императора Александра III»⁶⁵.

С 12 августа 1909 года⁶⁶ Пётр Иванович Нерадовский стал хранителем в художественном отделе Русского музея и произвёл ревизию отделения христианских древностей, вынув из запасников некоторые шедевры, а также отметив отсутствие некоторых вещей как в экспозиции, так и в запасниках. «Во время моей работы в запаснике зашёл ко мне корреспондент газеты “Новое время” художник Магула⁶⁷, писавший заметки об искусстве. Я невольно рассказал ему о своих розысках, о пропавших итальянских иконах и прочее. Через несколько дней в “Новом времени” неожиданно появилась заметка под названием “Раскопки в Русском музее”. Министерство двора, в ведении которого находился Музей, поручил мне съездить к М. П. Боткину, который ведал развеской коллекций, и получить от него соответствующие объяснения. Боткин принял меня, выслушал, и, ничего не ответив, повёл показывать свои коллекции... Потом он подошёл к стенду, на котором мне прежде всего бросились в глаза итальянские примитивы с прилепленными к ним номерами Музея христианских ценностей, которых не хватало по каталогу в запаснике. При этом Боткин встал спиной к стенду и, продолжая что-то рассказывать, внимательно следил, какое впечатление произведут на меня эти примитивы. В результате я выслушал ряд рассказов, осмотрел музей, но никаких разъяснений по интересующему меня вопросу не получил. Вернувшись в музей, я сообщил о том, что видел у Боткина. Поскольку Боткин был “высокой” фигурой, министерство двора и музей постарались замять эту историю. Несомненно, что, когда Боткин поручил служителям Русского музея вывозить коллекции, часть наиболее понравившихся вещей он отбирал в своё собрание»⁶⁸. Однако, чем кончилась эта история, Нерадовский не рассказывает, были ли возвращены предметы на место, не понятно.

Ещё одну байку о М. П. Боткине рассказывал П. И. Нерадовский: «В то же моё посещение Боткина он показал мне в кабинете с этюдами Ивано-

ва древний хорос, висевший у него около окна. Указывая на него и как бы хвастаясь, он сказал мне: “Это – хорос, очень интересный хорос! Его предлагали Русскому музею, но музей не пожелал приобрести его. А вот я купил”. Боткин состоял в музее экспертом по памятникам древнего искусства, и все вещи, предназначенные для приобретения, в первую очередь показывались ему для заключения – нужно или не нужно их приобретать. По-видимому, Боткин все вещи, подходившие для его личной коллекции, отклонял от приобретения в музей, а потом сам покупал ценные вещи за пониженную цену»⁶⁹. Документальных подтверждений этой истории не найдено. Однако из статьи в газете «Биржевые ведомости» «Пятна на музее Александра III» И. Ясинского про подделки в музее известно, что и другие коллекционеры покупали то, что не было высоко оценено в Русском музее, например, С. С. Боткин купил «великолепный карандашный портрет Полины Виардо К. Брюллова, отвергнутый музеем за дороговизной», цена же была 50 рублей⁷⁰.

М. П. Боткин касался создания и другого отдела Русского музея – Этнографического. Он был в составе комиссии в Академии художеств по рассмотрению представляемых на заключение Академии памятников и других сооружаемых в России построек, которая 8 февраля 1903 года обсуждала проект здания Этнографического отдела⁷¹. В 1906 году, после выхода И. И. Толстого из состава Строительной комиссии по сооружению отделов – памяти императора Александра III и Этнографического, – председателем комиссии был назначен М. П. Боткин⁷², находившийся на посту вплоть до своей смерти 22 января 1914 года⁷³. Даже будучи очень больным человеком, Михаил Петрович успел провести одно заседание Строительной комиссии в 1914 году⁷⁴.

Заниматься отбором картин для Русского музея М. П. Боткин продолжил и после открытия Музея, в частности, он периодически выступал в качестве члена комиссии по покупке картин для Русского музея (30 сентября 1902 года)⁷⁵. О членах этой комиссии очень нелестно высказался И. Э. Грабарь: «В Петербургской комиссии из четырёх художников один Куинджи хочет что-нибудь сделать, но не может, ибо трое остальных вопиющих пошляка: старый, уже в юности бездарный академик Боткин, ректор Академии Беклемишев, ещё более позорный, ибо молодой, и Альберт Бенуа (не наш, а его брат – архитектор и акварелист). Что станет с Музеем Александра III, если они и дальше будут покупать такую дрянь! Из 10 вещей купленных только две достойны музея. Впрочем, теперь придумали хороший ход: в Музей поступают действительно только две, остальные остаются в так называемом Академическом музее, битком набитом всякой дрянью, которая постепенно сплавляется по разным провинциальным шлюзам»⁷⁶.

Ещё в 1899 и 1900 годах был выработан график осмотра и выбора предполагаемых к покупке для Русского музея картин: они стали произво-

дится в Собрании Академии художеств три раза в год – в октябре, в январе и в апреле, в исключительных случаях, «не терпящих отлагательства» комиссия по покупке приглашалась рассматривать художественные произведения в другое время⁷⁷. С 1903 года к комиссии из Академии художеств присоединялись представители Художественного отдела Русского музея⁷⁸. Боткин тоже отбирал картины из Императорской Академии художеств. По этому вопросу были заседания 25, 28 и 29 апреля, а также 2 мая 1897 года⁷⁹.

Говоря о комиссии по покупке картин, хотелось бы рассказать о попытке изменить устоявшийся порядок. Согласно статье № 5 Положения о Русском музее, «Академия должна выбирать и отыскивать художественные произведения», причём «выбор Академии подлежит одобрению и утверждению Управляющего Музеем». Попытка А. И. Куинджи даровать комиссии бóльшие полномочия провалилась. Он был не согласен с покупкой трёх картин с Дягелевской выставки без согласия Академии, которая не нашла там ни одной достойной картины, но совет Академии отказал ему, поскольку «Управляющий – начальник Русского музея, а не Академия»⁸⁰. В ответ Куинджи вышел из комиссии, сказав, что «Если судьба Русского музея, будущей славы и гордости национального искусства, обратится в частную галерею Великого Князя Георгия Михайловича... на то воля Божья»⁸¹.

Кроме того, для комплектования музея М. П. Боткин задействовал свои связи как коллекционер. Так, в комиссию по приобретению предметов поступило заявление от М. М. Мартьянова⁸², который предлагал принадлежавшие ему картины Р. Г. Судковского⁸³ («Ночь на Неве у островов» и «Вход в Керченский пролив») «по совету и рекомендации академика его превосходительства Михаила Петровича Боткина»⁸⁴. Со слов М. П. Боткина известно о желании Александра III купить несколько работ для музея у Третьякова, но «я ответил, – пишет Михаил Петрович, – что Третьяков обещал подарить городу свою галерею, вероятно, то же сделает и Солдатенков»⁸⁵.

Многие художники именно через Михаила Петровича Боткина передавали картины в Русский музей. Например, на заседании совета Академии художеств 27 октября 1897 года М. П. Боткин заявил о пожертвовании умершим А. П. Боголюбовым пяти картин в Русский Музей; один этюд было постановлено немедленно передать в Музей, а остальные оставить в Академии художеств. При этом высказано было мнение, принятое всеми, что в пейзажном классе Академии имеются вещи Боголюбова лучшие, чем ныне рассмотренные, и что из академических вещей могли бы быть переданы в Музей те, которые будут найдены достойными⁸⁶. Это решение вполне удовлетворяло статье № 7: «Жертвуемые произведения могут быть приняты в Музей лишь по одобрению их Императорской Академией Художеств и с утверждения Управляющего Музеем»⁸⁷.

Александр Николаевич Бенуа критикует Боткина за его настойчивость в проведении «русской линии» в Русском музее. В частности, он обвиняет Боткина в том, что именно последний смог убедить вице-президента Академии Художеств И. И. Толстого и великого князя Георгия Михайловича отказаться в принятии всего дара от княгини Марии Клавдиевны Тенишевой⁸⁸, взяв только «одни лишь русские вещи»⁸⁹. Однако здесь нужно сказать о том, что Музей и создавался ради русского искусства, а пассаж Бенуа о том, что «в верхнем этаже дворца» нашлось бы место иностранным вещам⁹⁰ – это его личное мнение, не имеющее отношения к общей концепции музея.

Семнадцатого марта 1903 года Боткин был назначен членом комиссии о пересмотре художественных произведений, переданных в Русский Музей, ввиду истечения пяти лет со времени открытия музея⁹¹. Пересмотр не был спонтанным решением, он был запланирован собранием Академии художеств ещё в 1898 году⁹².

Однако со временем Михаила Петровича постепенно стали оттеснять от участия в делах Русского музея. В письме С. М. Боткина матери от 6 марта 1911 года мы читаем: *«Папа сегодня грустен, так как вчера в Музее Александра III (на постройке) был государь, которого встречали вел. кн. Георгий, Дм. И. Толстой⁹³ и [В. Ф.] Свиньин, а папе они ничего не сказали, отчего от чувствовал себя обиженным и поговаривает о новой отставке. Я советовал папе это исполнить, но он колеблется, очевидно, жалеет бросить своё председательство»*⁹⁴.

Тем не менее, даже после смерти М. П. Боткин способствовал процветанию Русского музея: часть вещей, когда-то ему принадлежавших, теперь хранится в музее.

Первое поступление в Русский музей от М. П. Боткина было ещё при его создании. Это был бюст С. П. Боткина работы М. М. Антокольского⁹⁵. Надо сказать, что этот дар был преподнесён после того, как Музей запросил у Антокольского бюст С. П. Боткина, однако скульптор согласился не подарить, а продать его за 2 000 рублей. Комиссия по закупке назначила 1 000 рублей, сумма не устроила Антокольского, и он забрал свои работы обратно – *«Во всём этом я нисколько не виню Великого князя [Георгия Михайловича]. Но горе делу искусства, где вкрадываются политика и политики»*, – пишет Антокольский в ответ на это решение⁹⁶. М. П. Боткин, чтивший память своего брата, не хотел лишаться возможности таким образом увековечить память Сергея Петровича, поэтому отдал задаром свой экземпляр скульптуры: *«Я подарил в Музей бюст Сергули, и он поставлен теперь в Комнате памяти Государя, великолепно стоит, и Государь был очень доволен, что он так поставлен, также императрица Мария Фёдоровна. Я так рад, что нам пришла эта мысль, на века сохранить дорогой для нас портрет»*⁹⁷. Этот случай внёс некоторое охлаждение в отношения

Боткина и Антокольского, поскольку последний посчитал, что его лишили гарантированного заработка и решил, что Ботки продал бюст за 4 000 рублей⁹⁸, хотя он был пожертвован⁹⁹.

Известно, что М. П. Боткин делал и другие дары Русскому музею. В частности, в хронике «Золотого Руна» в 1907 году писали, что Боткин подарил, *«любопытный, хотя довольно плохой по живописи, акварельный портрет Белинского в молодости и отличный рисунок карандашом “Старушка” [“Голова старухи”¹⁰⁰] работы Чистякова¹⁰¹, 1853 года (дар М. П. Боткина)»*¹⁰².

В апреле 1917 года вдова М. П. Боткина Екатерина Никитична и его сын Сергей Михайлович отдали на хранение в музей Александра III часть коллекции. Согласно договору, поскольку после заключённого мира с Германией коллекция не была востребована владельцами¹⁰³, она осталась в музее. В 1920 году в Эрмитаж было перевезено 32 ящика¹⁰⁴. В Русском музее остался один ящик с предметами; по составленной в 1917 году описи содержимого ящика № 27 в нём находилось 472 предмета. В 1926 году на заседании Совета Художественного отдела Н. П. Сычёвым был представлен список на 870 предметов из этого ящика, подлежащих внесению в инвентарь. В этом списке многие одинаковые предметы, например, бусины, получили отдельный номер, что увеличило почти вдвое перечень находившихся в ящике предметов. В итоге в инвентари Отделения древнерусского искусства были внесены 599 произведений прикладного искусства и 3 иконы. Они и составляют основную часть хранящихся в Государственном Русском музее произведений из собрания М. П. Боткина¹⁰⁵. Некоторые вещи из боткинской коллекции, отданные некогда в Эрмитаж, были впоследствии возвращены в Русский музей, в частности, складень¹⁰⁶. Однако, были и обратные передачи¹⁰⁷.

В октябре 1917 года С. М. Боткин отдал на хранение в Русский музей 41 предмет мебели, которая в 1920 году была передана в Государственный Эрмитаж¹⁰⁸.

Также в Русский музей в апреле 1917 года была перевезена боткинская коллекция картин Александра Андреевича Иванова; она была сдана на хранение на тех же условиях, что и другие вещи его коллекции¹⁰⁹. Как вспоминает М. Н. Энден, внук М. П. Боткина, *«Этюды Иванова украшали собой стены кабинета [ил. 4] и соседней с ним гостиной, называвшейся “Ивановской”»*¹¹⁰. Всего у М. П. Боткина было 94 картины и этюда, которые были переданы на хранение в 1917 году в Русский музей¹¹¹, причём музей хотел навсегда сохранить вещи за собой и вёл переговоры о закупке. Согласно записке П. И. Нерадовского, *«М. П. Боткин сам высказывал неоднократно своё желание служащим музея, чтобы его собрание произведений А. А. Иванова поступило после него в Русский музей»*¹¹². Вопрос о закупке этой коллекции также

поднимался уже после смерти М. П. Боткина в журнале «Аполлон» за 1914 год¹¹³.

Ил. 4. Кабинет М. П. Боткина с картинами А. А. Иванова 1912–1913. Архив семьи Энден, потомков М. П. Боткина

Ещё до революции, в феврале 1916 года, Русский музей обратился к вдове коллекционера Екатерине Никитичне Боткиной с просьбой уступить музею собрание произведений А. А. Иванова¹¹⁴. Ответом было – возможность приобрести коллекцию за 500 тысяч рублей с условием, чтобы вся сумма была выплачена *«единовременно и немедленно по покупке собрания»*¹¹⁵. На заседании совета Художественного отдела Русского музея 25 июля 1917 года заведующий П. И. Нерадовский доложил о необходимости приобретения для музея собрания работ А. А. Иванова. Отдавая должное ценности собранной М. П. Боткиным коллекции, П. И. Нерадовский отмечал, что *«В государственной сокровищнице русского искусства, в Русском музее, останется навсегда зияющий пробел, если в нём не будет представлен замечательнейший из русских художников А. А. Иванов, который по своему значению должен занимать первое место среди художников XIX века в картинной галерее музея»*¹¹⁶.

Ещё немного рисунков А. А. Иванова осталось в семье, их впоследствии Е. М. Боткина отдала (или продала) С. П. Яремичу¹¹⁷.

В 1920 году из музея Императорского общества поощрения художеств поступила ещё одна часть собрания, некогда принадлежавшего М. П. Боткину. В частности, женское платье 1830-х годов, гипсовая маска, снятая с покойного А. А. Иванова, бюст А. А. Иванова из алебаstra, две папки гравюр и фотографий, рукописей и художественных произведений¹¹⁸.

В 1927 и 1928 годах из Государственного музейного фонда в Русский музей переданы две знаковые картины М. П. Боткина – «Антиквар» и «Старовер (Старик-начётчик)». Обе картины М. П. Боткин писал по несколько раз, с небольшими вариациями, поскольку они были востребованы среди коллекционеров. Поступившие в Русский музей картины были из коллекции П. А. Кочубея и К. Т. Солдатёнова соответственно¹¹⁹.

Когда в 1928 году дочерям М. П. Боткина потребовались доказательства передачи ценных вещей в музей Советского Союза¹²⁰, то сотрудники Русского музея Николай Петрович Сычѳв и Пѳтр Иванович Нерадовский написали справки о ценности боткинских коллекций. *«Поступившие из собрания М. П. Боткина в Отделение древнерусского искусства Художественного Отдела Гос[ударственного] Русского Музея – коллекция памятников искусства, найденная при раскопках в Черниговской земле, и собрание произведений финифти, чекана, литья, скатного и черного дела, резьбы по дереву, кости, камню и древней живописи (всего в количестве 870 предметов) состоят из редчайших произведений искусства и ювелирного дела средневековой Руси. Научная и художественная ценность этих произведений огромна. Хранитель г[осударственного] Русского Музея. Профессор Н. Сычѳв. 28 / 1-28 г.»* П. И. Нерадовский написал: *«М. П. Боткин при жизни принимал близкое участие в создании Русского Музея и состоял председателем строительной комиссии его. М. П. Боткин сам высказывал*

неоднократно своё желание служащим музея, чтобы его собрание произведений А. А. Иванова поступило после него в Русский Музей. После смерти М. П. Боткина 28 февраля 1916 года Русский Музей обратился к семье покойного с просьбой уступить указанное собрание Русскому Музею. Оно было оценено в то время Музеем в 500 000 рублей. В 1917 г. семья М. П. Боткина, не дожидаясь окончательного решения вопроса о приобретении, сдала всю коллекцию произведений А. А. Иванова на хранение в Музей. Эта замечательная коллекция выставлена с тех пор в отдельном зале Музея для общего пользования. Боткинское собрание произведений Иванова представляет исключительное значение для Музея, т. к. оно дало ему возможность представить творчество одного из замечательнейших русских художников XIX века, и если бы эта ценная коллекция миновала Гос[ударственный] Русский Музей, то в его собрании навсегда бы остался зияющий пробел. Признавая огромную важность этой коллекции М. П. Боткина для Русского Музея и большое художественное и культурно-историческое значение, в связи с задачами Музея, всемерно поддерживаю ходатайство дочери М. П. Боткина, изложенное в их заявлении. Заведующий Художественным Отделом Государственного Русского Музея. П. И. Нерадовский»¹²¹.

Последняя большая часть боткинских вещей поступила в Государственный Русский музей в 1964 году по завещанию Елены Михайловны Боткиной¹²². Согласно воспоминаниям Натальи Николаевны Немченко, жившей тогда с Е. М. Боткиной, сотрудники Русского Музея приехали и забрали из комнаты Елены Михайловны висевшие там картины¹²³.

На протяжении XX века в Русский музей поступали и другие картины кисти М. П. Боткина из Государственного музейного фонда и от разных лиц¹²⁴.

Таким образом, видна масштабная деятельность Михаила Петровича Боткина в комиссиях по переустройству Михайловского дворца под Русский музей, по выбору предметов для музея, по пересмотру перечня предметов. Помимо этого он входил в комиссии по устройству отделов памяти Александра III и Этнографического отдела. Кроме того, М. П. Боткин способствовал пополнению фондов Русского музея: некоторые вещи он подарил сам, другие вошли в состав фондов уже после революции, а третьи – по завещанию его дочери Е. М. Боткиной в 1964 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ Стасов В. В. Наши художественные дела // Собрание сочинений В. В. Стасова. 1847–1886. Т. 1: Художественные статьи. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1884. – Кол. 118–158, также опубликованы в газете Санкт-Петербургские ведомости. – 1869. – № 29, 36, 39 и 43.

- 2 Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова. 1874–1897 / Письма подгот. к печати и примеч. к ним сост. Н. Г. Галкиной и М. Н. Григорьевой. – М., Л.: Искусство, 1949. – С. 190.
- 3 *Стасов В. В.* Двадцать пять лет русского искусства. Наша живопись // Собрание сочинений В. В. Стасова. – Т. 1: Художественные статьи. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1894. – Кол. 493–494.
- 4 РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 102 Б. Л. 85. Отчёт Императорской Академии художеств с 4 ноября 1881 по 4 ноября 1882. – СПб., 1883. – С. 11.
- 5 *Прахов А. В.* Император Александр III как деятель русского художественного просвещения // Художественные сокровища России. – 1903. – № 4–8. – С. 166.
- 6 Там же. С. 168.
- 7 РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 8. Л. 5–6 об.
- 8 *Прахов А. В.* Указ. соч. – С. 166–168.
- 9 РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 8. Л. 5–6 об.
- 10 *Боголюбов А. П.* Записки моряка-художника. – Изд-2-е, исправленное и дополненное. Публикация, вступ. статья, комментарии Н. В. Огарёвой. – Самара: Издательский дом «Агни», 2006. (Волга. – № 2/3. – Спец. номер). – С. 186.
- 11 РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 102 Б. Л. 85. Отчёт Императорской Академии художеств с 4 ноября 1881 по 4 ноября 1882. – СПб., 1883. – С. 11.
- 12 Во главе Императорской Академии художеств... Граф И. И. Толстой и его корреспонденты. 1889–1898. – М.: Индрик, 2009. – С. 123, 653.
- 13 РГИА. Ф. 789. Оп. 11. 1886 г. Д. 182. Л. 47.
- 14 Там же. Оп. 19. Д. 1772. Л. 358 об.; Д. 1774. Л. 29 об.
- 15 Там же. Оп. 19. Д. 1775. Л. 9 об.; Оп. 11. 1889 г. Д. 16. Л. 14 об.
- 16 Там же. Оп. 11. 1889 г. Д. 16. Л. 15; Оп. 19. Д. 1776. Л. 6 об.
- 17 Там же. Оп. 11. 1890 г. Д. 188. Л. 170.
- 18 Там же. Оп. 19. Д. 1780. Л. 14 об.
- 19 Журналы и отчёт Императорской Академии художеств за 1896 год. – СПб., 1897. – С. 6.
- 20 РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 102 Б. Л. 86 об–87.
- 21 Там же. Оп. 12. 1894 г. Лит. 3. Д. 3 а; Оп. 19. Д. 1780. Л. 14.
- 22 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 173. Л. 137 об–138.
- 23 РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 54. Л. 18–19.
- 24 Там же. № 1. Л. 3 об.
- 25 РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 17. Л. 73.
- 26 РГИА. Ф. 789. Оп. 12. 1895 г. Лит. 3. Д. 14 а. Л. 13.
- 27 Там же. Л. 16 а об.
- 28 Там же. Л. 30.
- 29 Александр Никанорович Померанцев (1849—1918) – русский архитектор, преподаватель Императорской Академии художеств в 1899–1900 годах.
- 30 Александр Александрович Тевяшов – казначей конторы управления Двора его императорского высочества Великого князя Михаила Николаевича, член императорского технического общества. См.: *Весь Петербург: Адресная книга Санкт-Петербурга на 1898 год.* – СПб., [1898]. – Алфавитный указатель жителей. – С. 516. Секретарь управляющего Русским музеем (заведующий зданиями) до 1910 года – См.: РГИА. Ф. 789. Оп. 12. 1902 г. Лит. 3. Д. 9. Л. 252.

- 31 Всемирная иллюстрация: еженедельный иллюстрированный журнал. – 1898. – 21 марта. – № 1521. – С. 297.
- 32 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Детство. Царствование Александра II и Александра III (1849–1894). – Л.: Государственное издательство, 1924. – С. 365–366.
- 33 РГИА. Ф. 789. Оп. 12. 1895 г. Лит. З. Д. 14 а. Л. 30 об–32.
- 34 Товарищество по устройству отопления и вентиляции зданий «Лукашевич и Ко».
- 35 Во главе Императорской Академии художеств... Граф И.И. Толстой и его корреспонденты. 1889–1898. – М.: Индрик, 2009. – С. 421.
- 36 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 176. Л. 14.
- 37 Там же. Л. 31 об–32.
- 38 Во главе Императорской Академии художеств... – С. 449.
- 39 Всемирная иллюстрация: еженедельный иллюстрированный журнал. – 1898. – 11 апреля. – № 1524. – С. 359.
- 40 *Полухина А. Н.* Жёлтые листья клена: [Об архит. В.Ф. Свиньине, 1865—1939] / Послесл. В. Г. Исаченко. – СПб.: Ольга, 1997. – С. 95.
- 41 РГИА. Ф. 789. Оп. 12. 1895 г. Лит. З. Д. 14 а. Л. 127 а об, 183.
- 42 Там же. Л. 13 а.
- 43 Журналы Императорской Академии художеств за 1895 год. – СПб., 1896. – С. 57.
- 44 РГИА. Ф. 789. Оп. 12. 1895 г. Лит. З. Д. 14 а. Л. 15.
- 45 Там же. Ф. 1340. Оп. 1. Д. 559. Л. 56.
- 46 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 176. Л. 16 об.
- 47 Там же. Л. 28.
- 48 Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова. 1874–1897 / Письма подгот. к печати и примеч. к ним сост. Н. Г. Галкиной и М. Н. Григорьевой. – М., Л.: Искусство, 1949. – С. 190.
- 49 *Бенуа А. Н.* Мои воспоминания. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. – С. 202–203.
- 50 РГИА. Ф. 789. Оп. 12. 1895 г. Лит. З. Д. 14 а. Л. 249.
- 51 Русский музей Императора Александра III // Нива. – 1898. – 21 марта. – № 12. – С. 240.
- 52 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 177. Л. 75.
- 53 Там же. Л. 74 об.
- 54 РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 102 Б. Л. 88 об.
- 55 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 177. Л. 75–75 об.
- 56 Всемирная иллюстрация: еженедельный иллюстрированный журнал. – 1898. – 21 марта. – № 1521. – С. 297.
- 57 *Военский К. А.* Русский музей императора Александра III. – СПб.: типография Министерства внутренних дел, 1898.
- 58 *Случевский К. К.* Возникающая сокровищница. Русский музей Императора Александра III. – СПб., типография Министерства внутренних дел, 1898.
- 59 Григорий Григорьевич Гагарин (1810—1893) – вице-президент Императорской академии художеств.
- 60 *Шалина И. А.* Этапы формирования отделения христианских древностей Русского музея Императора Александра III // Коллекции и коллекционеры. Сборник статей по материалам научной конференции (Русский музей, С.-Петербург, 2008). – СПб.: Palace Editions, 2009. – С. 7, 12. Василий Александрович Прохоров (1818—1882) – археолог и этнограф.
- 61 Николай Петрович Лихачёв (1862—1936) – историк, искусствовед, коллекционер.

- 62 Всемирная иллюстрация: еженедельный иллюстрированный журнал. – 1898. – 21 марта. – № 1521. – С. 297.
- 63 Николай Васильевич Покровский (1848—1917) – археолог и общественный деятель.
- 64 *Нерадовский П. И.* Из жизни художника. – Л., Художник РСФСР, 1965. – С. 109.
- 65 Обзорение отделения христианских древностей в музее императора Александра III. Краткое описание зал XVIII–XXI. С приложением одной фототипической таблицы / Составлено М. П. Боткиным и Н. П. Лихачёвым. – СПб., 1898; Обзорение христианских древностей в музее Александра III. Краткое обозрение икон, составлено Н. П. Лихачёвым. Обзорение вещественных памятников, составлено М. П. Боткиным. – СПб., – 1902.
- 66 РГИА. Ф. 789. Оп. 12. 1902 г. Лит. 3. Д. 9. Л. 203; Отчёт о деятельности русского Музея императора Александра III за 1909 год. – СПб., 1910. – С. 3.
- 67 Герасим Афанасьевич Магула (1873—1923) – художник, искусствовед.
- 68 *Нерадовский П. И.* Указ. соч. – С. 109, 111.
- 69 Там же. С. 111–112.
- 70 РГИА. Ф. 789. Оп. 12. 1902 г. Лит. 3. Д. 9. Л. 288.
- 71 Там же. Л. 65– 65 об.
- 72 Отчёт о деятельности русского Музея императора Александра III за 1906 год. – Б. г. – С. 2.
- 73 Отчёт о деятельности русского Музея императора Александра III за 1911 год. – СПб., 1914. – С. 80.; Отчёт о деятельности русского Музея императора Александра III за 1912 год. – СПб., 1914. – С. 96.; Отчёт о деятельности русского Музея императора Александра III за 1913 год. – СПб., 1915. – С. 65.; Отчёт о деятельности русского Музея императора Александра III за 1914 год. – СПб., 1915. – С. 68.
- 74 Отчёт о деятельности русского Музея императора Александра III за 1914 год. – СПб., 1915. – С. 68.
- 75 Петербургские известия // Хроника журнала «Искусство и художественная промышленность». – 1900. – № 11. – С. 245; Журналы Императорской Академии художеств в 1902 году. – СПб., 1903. – С. 98.
- 76 *Грабарь И. Э.* Письма, 1891–1917. [Ред.-сост., авт. введ. и коммент. Л. В. Андреева и Т. П. Каждан]; АН СССР. Ин-т истории искусств М-ва культуры СССР. – М.: Наука, 1974. – С. 138.
- 77 РГИА. Ф. 789. Оп. 12. 1902 г. Лит. 3. Д. 9. Л. 12.
- 78 Там же. Л. 38–40.
- 79 РГИА. Ф. 789. Оп. 12. 1895 г. Лит. 3. Д. 14 а. Л. 187, 188, 191, 194.
- 80 Журналы Императорской Академии художеств в 1902 году. – СПб., 1903. – С. 93–96.
- 81 РГИА. Ф. 789. Оп. 12. 1902 г. Лит. 3. Д. 9. Л. 12; Журналы Императорской Академии художеств в 1902 году. – СПб., 1903. – С. 98.
- 82 Михаил Миронович Мартьянов.
- 83 Руфин Гаврилович Судковский (1850—1885) – русский художник.
- 84 РГИА. Ф. 789. Оп. 12. 1895 г. Лит. 3. Д. 14 б. Л. 41.
- 85 *Прахов А. В.* Указ. соч. – С. 168.
- 86 Журналы и отчёт Императорской Академии художеств за 1897 год. – СПб., 1898. – С. 94.
- 87 Журналы Императорской Академии художеств в 1902 году. – СПб., 1903. – С. 97.
- 88 Мария Клавдиевна Тенишева (1858—1928) – общественный деятель, меценат, коллекционер.

- ⁸⁹ Бенуа А. Н. Мои воспоминания. – М.: Наука, 1980. – Т. 2. – С. 198.
- ⁹⁰ Там же. С. 198.
- ⁹¹ РГИА. Ф. 789. Оп. 12. 1902 г. Лит. 3. Д. 9. Л. 66; Журналы Императорской Академии художеств в 1903 году. – СПб., 1904. – С. 52.
- ⁹² РГИА. Ф. 789. Оп. 12. 1902 г. Лит. 3. Д. 9. Л. 68.
- ⁹³ Дмитрий Иванович Толстой (1860—1941) – коллекционер, общественный деятель, директор Эрмитажа, товарищ управляющего Русским музеем великого князя Георгия Михайловича.
- ⁹⁴ ОР РНБ. Ф. 99. № 52. Л. 3–3 об.
- ⁹⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 12. 1895 г. Лит. 3. Д. 14 а. Л. 286.
- ⁹⁶ Во главе Императорской Академии художеств... – С. 574, 582.
- ⁹⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 177. Л. 74 об–75.
- ⁹⁸ Во главе Императорской Академии художеств... – С. 582.
- ⁹⁹ РГИА. Ф. 789. Оп. 12. 1895 г. Лит. 3. Д. 14 а. Л. 286; Отчёт о деятельности Русского музея императора Александра III за 1898 год. – Б. г. – С. 3; Отчёт о деятельности Русского музея императора Александра III за 1900 год. – Б. г. – С. 1.
- ¹⁰⁰ Отчёт о деятельности русского Музея императора Александра III за 1907 год. – Б. г. – Список № 3. – С. 5.
- ¹⁰¹ Павел Петрович Чистяков (1832—1919) – русских художник, педагог.
- ¹⁰² Русский музей императора Александра III // Золотое Руно. –1907. – № 10. – С. 73.
- ¹⁰³ Условия договора предполагали, что «если собрание не будет взято обратно владелицею или её наследниками из Музея в течение года после заключения мира с Германией, собрание или не востребованная его часть переходит в собственность Музея». См. ст.: *Новаковская-Бухман С. М.* Михаил Петрович Боткин – человек и коллекционер // Коллекции Михаила и Сергея Боткиных. (Не корысти ради...): Коллекции и коллекционеры Русского музея). СПб., 2011. – Вып. 316. – С. 7.
- ¹⁰⁴ АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. № 163. Л. 18.
- ¹⁰⁵ *Новаковская-Бухман С. М.* Михаил Петрович Боткин – человек и коллекционер. – С. 8; *Новаковская-Бухман С. М.* М. П. Боткин и его коллекция // Исторические Боткинские чтения. – СПб.: Издание СПбГМИСР, 2017. – Вып. 1. – С. 24–37.
- ¹⁰⁶ АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. № 202.
- ¹⁰⁷ Там же. Э. Ф. 1. Оп. 5. № 155. Л. 1–3.
- ¹⁰⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 1. № 1490. Л. 22.
- ¹⁰⁹ *Столбова Е. И.* Живописные произведения А. А. Иванова из коллекции М. П. Боткина в собрании Русского музея // Коллекции и коллекционеры. Сборник статей по материалам научной конференции (Русский музей, Санкт-Петербург, 2008). – СПб.: Palace Editions, 2009. – С. 93; *Новаковская-Бухман С. М.* Михаил Петрович Боткин – человек и коллекционер. – С. 7.
- ¹¹⁰ *Рюмин А. А.* На острове воспоминаний // Наше наследие. –1991. – № 5. – С. 150.
- ¹¹¹ АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. № 1490. Л. 22.
- ¹¹² РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 146. Л. 7 об.
- ¹¹³ Выставки и художественные дела // Аполлон. – 1914. – № 8. – С. 64.
- ¹¹⁴ РГИА. Ф. 472. Оп. 50. Д. 1663. Л. 37.
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ Там же. Л. 37 об.
- ¹¹⁷ *Уварова Н. И.* История поступления графики А. А. Иванова из коллекции М. П. Боткина в Русский музей // Судьбы музейных коллекций. Материалы VI

- Царскосельской научной конференции / Государственный Музей-заповедник «Царское Село». – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. – С. 246, 251, сн. 17.
- ¹¹⁸ ЦГИА СПб. Ф. 448. Оп. 1. Д. 1809. Л. 139, 137, 140, 143. «Из семьи М. П. Боткина. Из Императорского общества поощрения художеств в историко-бытовой отдел Государственного Русского музея. 11 августа 1920 года».
- ¹¹⁹ Живопись: Вторая половина XIX века. Каталог А–И. – СПб.: Palace editions, 2014. – Т. 5. – С. 70, 69.
- ¹²⁰ Бакалдина Е. В. Борьба Е. М. Боткиной за сохранение после революции родительского дома (Васильевский остров, 18-я линия, д. 1) // X Анциферовские краеведческие чтения: 2017, Санкт-Петербург / С.-Петербургский союз краеведов, С.-Петербургский городской Дворец творчества юных, Фонд им. Д. С. Лихачёва. – СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2018. – С. 55–63.
- ¹²¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 146. Л. 7 об.
- ¹²² Архив Н. Н. Немченко. Завещание Е. М. Боткиной от 9 мая 1962 года.
- ¹²³ О жизни Н. Н. Немченко с Е. М. Боткиной см. ст. Немченко Н. Н. «Елена Михайловна Боткина – наша Бабуся» в настоящем издании.
- ¹²⁴ Живопись: Вторая половина XIX века. Каталог А–И. – С. 69–75.

С. М. НОВАКОВСКАЯ-БУХМАН

(Государственный Русский музей; Санкт-Петербург)

**ПАМЯТНИК УКРАИНСКОЙ РЕЗЬБЫ
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МИХАИЛА ПЕТРОВИЧА БОТКИНА¹**

Аннотация. В собрании Русского музея хранится значительная часть коллекции М. П. Боткина, поступившей в 1917 году. Особое место в ней принадлежит небольшому двустворчатому складню из кипариса, исполненному украинским мастером на рубеже XVII–XVIII веков в традициях афонской ажурной резьбы на проём. Он пополняет свод наиболее искусной украинской резьбы по дереву середины XVII–XVIII веков. Драгоценный оклад складня украшен многоцветными эмальями по скани. Это настоящий шедевр ювелирного искусства, он сделан московским ювелиром в мастерских Кремля на рубеже XVII–XVIII веков.

Ключевые слова. Мелкая пластика, украинская резьба, эмалевый оклад, резьба Афона.

S. M. NOVAKOVSKAYA-BUCHMAN

(The State Russian Museum; Saint-Petersburg)

**MONUMENT OF UKRAINIAN CARVINGS FROM THE
COLLECTION OF MIKHAIL PETROVICH BOTKIN**

Abstract. The collection of the Russian museum contains a significant part of Mikhail P. Botkin collection, which came to the museum in 1917. A special place in it takes a small diptych of cypress, performed by the Ukrainian master at the turn of the 17th–18th century in the traditions of the Athos openwork carving on the opening. It supplements the collection of the most skillful Ukrainian woodcarving of the mid 17th–18th centuries. The precious salary of the folding is decorated with multi-colored enamel of the filigree. This is a real masterpiece of jewelry art, it was made by a Moscow jeweler in the workshops of the Kremlin at the turn of the 17th–18th centuries.

Keywords. Small plastic, Ukrainian carving, enamel salary, Athos carving.

Коллекция произведений из собрания М. П. Боткина, хранящаяся в Русском музее и впервые представленная на выставке музея «Коллекции Михаила и Сергея Боткиных» в 2011–2012 годах, насчитывает более 600 экспонатов². В их числе среди замечательных произведений русской, а также зарубежной культуры имеются и памятники древнерусской, византийской, афонской и украинской мелкой пластики: резанные на камне, кости и дереве наперсные образки, а также складни и панагии. Эти изде-

лия насчитывают более тридцати экспонатов и значительно пополняют наследие древнерусской и зарубежной средневековой мелкой пластики.

Особое место среди них занимает небольшой двухстворчатый складень [ил. 1]. Судя по ажурной резьбе по дереву на проём, по подложенным под неё шелковым тканям и особенностям резных обронных надписей, складень резал украинский мастер. В момент собирания коллекции М. П. Боткиным украинская резьба ещё не была выявлена из числа известных произведений средневековой мелкой пластики: эта работа предпринимается исследователями в последние 90 лет и началась уже после кончины знаменитого коллекционера. Да и художественные вкусы М. П. Боткина – любителя эмалей – позволяют предположить, что маленький резной складень явно привлёк внимание собирателя ярким многоцветным эмалевым окладом – настоящим шедевром ювелирного искусства.

Вместе с тем складень имеет немалое значение для истории украинской резьбы по дереву, так как в музейных собраниях Украины хранятся исключительно деревянные резные кресты, но нет резных икон, образков и складней³. Зато последние присутствуют в музеях России⁴. В середине XVII века многие украинские монахи, учёные, иконописцы, резчики по дереву были переселены в Московское государство; белорусские, а также украинские мастера трудились над созданием резьбы много-

Ил. 1. «Христос Великий Архидиакон»; избранные святые
Складень. Украина (?), конец XVII – начало XVIII века
Из собрания М. П. Боткина. Собрание ГРМ

ярусных иконостасов храмов; патриарх Никон покровительствовал им: белорусские резчики украшали резьбой монастыри, в том числе Воскресенский собор в Ново-Иерусалимском монастыре, создавали изразцовые иконостасы, вместе с московскими мастерами украинские и белорусские резчики украшали дворцы и терема Московского Кремля, патриаршие палаты и дворец царя Алексея Михайловича в Коломенском⁵. С этими мастерами в последней трети XVII века связывают появление на Руси горельефной резьбы на проём, украшенной узором из виноградных ветвей и гроздьев⁶. Известны и факты подношения резных деревянных складней и икон из Киева первым лицам древнерусского государства⁷. Этим, вероятно, и объясняется присутствие большого числа памятников украинской резьбы по дереву именно в России и, соответственно, в собраниях российских музеев.

Ряд украинских памятников в 1934 году издал Н. Н. Соболев⁸. В последние десятилетия стали появляться новые публикации⁹, благодаря которым постепенно собирается свод украинской деревянной резьбы. Своё место в эволюции этой резьбы по дереву должен занять и складень из собрания М. П. Боткина.

Для резьбы, развивавшейся на территории Украины, характерны разные стилистические направления. Так, для большинства известных деревянных крестов типичен геометрический орнамент, который окаймляет очертания ветвей креста¹⁰.

Особняком в украинской резьбе по дереву стоят немногочисленные кресты и складни, украшенные сложным многоплановым ажурным рельефом на прорезном фоне с подложенными цветными тканями. Яркими образцами таких памятников являются экспонаты Музеев Московского Кремля: складень середины XVII века, вероятно, принадлежавший патриарху Никону, складень царя Фёдора Алексеевича 1680 года и складень 1693 года, созданный резчиком Петром Ефремовичем¹¹.

Традиция миниатюрной резьбы на проём ввиду своей сложности не была широко распространена в средневековье. В украинском искусстве это явление связывают с влиянием творчества мастеров Афона (в свою очередь в XVI веке восходящим к резьбе по дереву и кости на алтарях времени поздней готики¹²), для которых в XVI–XVIII веках характерна ажурная техника резьбы, а с середины XVII века – и узор виноградной лозы¹³. Памятники этого направления на Украине признают образцами тонкой художественной резьбы, созданной в высоких традициях поствизантийского стиля, и относят к наиболее яркому явлению в резьбе Украины середины XVII–XVIII веков¹⁴. К нему следует отнести и резьбу двустворчатого складня из собрания М. П. Боткина.

Складень резан из слегка тонированного кипариса, с композицией Деисуса на одной створке и с изображением избранных святых – святой

великомученицы Улианы, Архистратига Михаила и Николая Мирликийского – на другой¹⁵. Обе композиции заключены в овальные обрамления с декоративными утолщениями рамы сверху и снизу и отходящими от них виноградными ветвями с гроздьями. Подобные круглые и овальные барочные рамы восходят к изображению переплетающихся виноградных стеблей, служащих обрамлением резных композиций на крестах, складнях и образках, происходящих со Святой Горы Афон¹⁶. Влиянием резьбы Афона на складне объясняются и витые колонки, а также дробные орнаменты по контуру образков складня¹⁷. Под ажурную «на проём» резьбу подложены шёлковые ткани двух оттенков – жёлтого и зелёного цвета – с рельефным ткачеством, с репсовым переплетением с ягодками, придающие резьбе празднично-нарядный вид. Этот приём – отличительная черта украинской резьбы.

Размер складня невелик: 9,3 × 6,7 (в закрытом виде). На его торцах сверху по центру створок вмонтировано по кольцевидной петле. В закрытом виде сквозь совмещённые петли можно было пропустить цепочку или шнурок, то есть складень мог использоваться как воротный наперсный образец, чему не противоречит его небольшой размер. В боковых торцах закреплены прямоугольная петля (на левой створке) и стержень-заклёпка для насаживания крючка (на правой), а также ограничитель движения крючка. Сам крючок утрачен.

На левой створке представлена композиция «Деисус» с тронным образом «Христа Великого Архиерея» и стоящими по сторонам от него Богоматерью и Иоанном Предтечей. За спинкой трона парят фигуры архангелов с зеркалами в руках. В подножии трона Спасителя изображён херувим¹⁸. Трон имеет своеобразное барочное завершение в виде двух расходящихся вверх под углом брусков с волютами на концах. Композиция отличается чёткой построенностью и уравновешенностью. Все фигуры торжественно неподвижны, при всём совершенстве резьбы им присущи самобытность и архаизм как черты стиля.

Изображение херувима в подножии трона Христа указывает на связь символики образа с темой Его Второго Пришествия. По текстам теофанических видений Слава Спасителя пребывает на херувимах. В тексте прокимна на литургической службе звучат слова: «Седяя на херувимех, явися и спаси нас». А в тексте «Херувимской песни», звучащей на службе, ангельские чины славят Господа на троне: «Иже на Престоле Херувимсте носимый, Иже Серафимов Господь и Царь Израилев...».

На загибающихся по-барочному лентах рядом с персонажами вырезаны именующие их обронные надписи: над архангелами «МИХАИЛ», «ГАВРИ(ил)», на зеркалах в их руках: резанные вглубь надписи «ΙΣ», «ΧΣ». Греческая «Σ» на месте буквы «С» в них – характерная черта палеографии украинских надписей, начиная с XVI и на протяжении всего XVII века¹⁹,

возникшая, очевидно, под влиянием греческого текста афонских образцов резьбы²⁰.

По верхнему полю левой створки оброном резана надпись: «МРΘ...» (Богоматерь); над Христом – «АРХИЕРЕИ ВЕЛИК ПРОШЕД НЕБЕС», в конце строки – «ЮАН» (Иоанн). Надпись над Христом раскрывает вложенный в резные изображения замысел. Эти слова звучат в тексте «Акафиста» на праздник «Вознесения Господня»: «Великий Архiereю грядущих благ, в Вознесение Свое прошедый небеса... егда вознесл ся еси со славою на небеса, зане прошед небеса с Плотию, и возшедый не в рукотворенный храм, но в самое небо, да Лику Божию от нас предстанеши. ...». В этих словах – свидетельство Воскресения Христа, искупления грехов человечества и Спасения. В полной связи с этим замыслом находится и надпись на открытой книге в руке Христа: «ПРИИДИТЕ». Более пространно эта цитата из Евангелия от Матфея представлена на Евангелии того же образа «Христа Великого Архiereя» на киевском резном складне царя Фёдора Алексеевича 1680 года из Музеев Московского Кремля: «Придите благословенные Отца Моего и наследуйте уготованное вам царство» (Мф. 25:34). Эти слова свидетельствуют об уготованном для праведников Воскресении и Спасении – о царстве будущего века.

На правой створке в овальной раме представлены прямолично стоящие фигуры святой великомученицы Улианы с крестом, архистратига Михаила с мечом и святителя Николая Мирликийского с благословляющей правой рукой и Евангелием в левой. Между фигурами последних – реалистично переданная церковь-колокольня с рядами прямоугольных окон и арочной колоннадой под куполом, с вознесённым над куполом барабаном с фигурной главкой в духе украинского барокко. Вверху образка – парящий херувим и Дух Святой в виде голубя, слетающего к главе церкви из сегмента неба. Изображения избранных святых по сторонам от церкви могут быть связаны с именами семьи заказчика складня. Архангел Михаил, возможно, выступает здесь в роли ангела-хранителя, а сам складень мог быть «поминальным».

Над фигурами святых на загибающихся резных лентах оброном представлены надписи: «УЛИАНА», «МИХ АИ(л)», «НИКОЛАЄ»; по верхнему контуру створки: «В М» (великомученица) / СВ(я)Т)ЫИ (имеется в виду Улиана) / АРХИ Σ(Т)РА(Т)ИГ (архистратиг) (относится к «МИХАИ(л)») Σ(святой) (относится к «НИКОЛАЄ»).

Особенный интерес вызывает здание церкви. Оно достоверно передаёт черты архитектуры Киево-Печерского монастыря с прямоугольными и арочными окнами, с отдельно обозначенными листами покрытия купола, представленного так в произведениях украинской резьбы на складнях патриарха Никона и царя Фёдора Алексеевича (1680 года)²¹ и на гравюрах Печерской типографии²². Для атрибуции складня Рус-

ского музея важен нисходящий на главу церкви Святой Дух в виде голубя – характерная черта памятников, созданных в Киеве и связанных с Киево-Печерским монастырём. Эта особенность также присутствует как на резных складнях, исполненных в Печерской Лавре, так и на гравюрах Киево-Печерской типографии²³. И. М. Соколова связывает эту иконографическую особенность с местной легендой, зафиксированной в тексте Киево-Печерского патерика, повествующей о голубе, вылетевшем из образа Богородицы в алтаре храма и влетевшем в образ Спаса²⁴. Таким образом, иконография изображений на створках складня из собрания М. П. Боткина связывает его с памятниками мастерской деревянной резьбы Киево-Печерского монастыря и с его гравюрами. И там, и здесь налицо традиция прославления святого места, почитаемых святых и святынь Киева и Киево-Печерской лавры, известная по произведениям XVII–XVIII веков²⁵. К числу таких святынь относится и образ «Христа Великого Архиерея». Этот образ – центральная часть «апостольских деисусов», получивших распространение в древнерусских иконостасах по аналогии с иконостасами Греции и Балкан²⁶. На Украине композиция «Христос Великий Архиерей» восходит к центральному образу иконостаса XVI века Успенского собора Киево-Печерского монастыря, вероятно, зафиксированного на литой модели иконостаса Лавры в XVII веке²⁷. Эта иконография сохранялась на Украине на протяжении столетий²⁸. Известна она и в резьбе по дереву Святой Горы Афон²⁹.

Резьба складня многоплановая. Отдельные её детали намного отстоят от фона, отбрасывают на него тень, создавая впечатление глубины пространства. Таковы боковые стенки трона Христа в виде витых колонок на фигурных основаниях, аркатура подножия трона Христа, проёмы окон церкви-колокольни. Эти особенности подобны резьбе украинского складня середины XVII века из Музеев Московского Кремля, предположительно связываемого с патриархом Никоном³⁰. Исследователь О. Т. Степанова признавала этот приём украинской резьбы по дереву технически наиболее сложным: он требовал подклейки с оборота деревянных брусочков, с помощью которых рельеф соединялся с фоном³¹. Эта особенность резьбы, согласно реставрационному заключению, составленному при подготовке складня к выставке Русского музея «Осень древнерусского искусства» (февраль – апрель 2019 года), имеет место и в резьбе складня из собрания М. П. Боткина.

Мастер складня стремился к пластической проработке объёма: глаза персонажей и губы отмечены глубокими впадинами, на фоне которых в высоком рельефе выступают губы и веки с горизонтальными прорезами глаз, валиками поднимаются брови, носы и подбородки. Поверхность рельефа сглажена, хотя мастер местами не избежал некоторой угловатости порезок резцом.

Благодаря полному отсутствию фона (фоном, как упоминалось, служат цветные шёлковые ткани), композиции створок складня полны изящества. Далеко отстоящие от фона детали резьбы наполняют композицию «воздухом». Впечатление изящества усиливает дробная орнаментальность резьбы одежд персонажей, характерная для украинских резчиков: разного вида цветы и косые «сетки» ромбической штриховки, полосы сдвоенных штрихов-врезов, своеобразный край одежд в виде складок-зигзагов, обозначенных скруглёнными выемками. Характерной чертой почерка мастера является передача тяжёлых негнущихся тканей одежд, лишённых вертикальных складок, иногда с особым фигурным изломом края (на фигуре Иоанна Предтечи).

Все эти особенности почерка мастера позволяют утверждать, что его же резьба вероятна и на небольшом трёхстворчатом складне из бывшего Художественно-промышленного музея Москвы³². На трёхстворчатом складне полностью повторяется композиция Деисус с «Христом Великим Архиереем» в центре, а также присутствуют створки с Распятием с предстоящими и, что важно для атрибуции складня из коллекции Боткина, как произведения киевского резчика, – с тронным образом Богоматери с Младенцем и предстоящими преподобными Антонием и Феодосием Печерскими (тип Богоматери Печерской, «наместной» иконы Печерского монастыря в Киеве³³). Важной иконографической деталью, характерной для резчиков этого региона, является виноградная лоза, произрастающая из креста в сцене «Распятия» – символ Крови Христовой³⁴.

Состав изображений на створках и все перечисленные иконографические детали повторяют центральные композиции двух больших украинских складней из Музеев Московского Кремля, принадлежавших патриарху Никону и царю Фёдору Алексеевичу, и таким образом составляют с ними единую группу. На маленьких складнях воспроизведены и орнаменты полей больших складней. В сценах «Христос Великий Архиерей» одинакова даже форма трона с поднимающимися вверх под углом сторонами спинки. Всё это указывает на восхождение композиций больших и маленьких складней к одному и тому же прототипу, а связанных с Печерским монастырём образов (образ «Богоматери Печерской», колокольни Успенского собора Печерского монастыря) – к резьбе в традициях мастерской резьбы по дереву Печерского монастыря. Однако маленькие складни отличает от больших самобытный стиль резьбы: особый тип ликов, отсутствие отвесных линейных складок одежд, типичных для резьбы крупных складней. «Христос Великий Архиерей» из «Деисуса» на обоих маленьких складнях, вопреки именуящим композицию резным надписям, изображён без митры и не в одежде священника.

По верхнему полю маленького трёхстворчатого складня резаны оброном именующие персонажей всех сцен надписи, включая «.....ВЕЛНК/ АРХІЕРЕИ/ ПРОШЕД/ НЕБЕС», что также сближает его со складнем Русского музея. На нижнем поле, возможно, резная дата создания складня и имя его владельца, прочитанные Н. Н. Соболевым: «1718 г. сия икона Андрея Николаевича Дунина, месяца ноембрия 30 числа»³⁵. Однако на помещённой в книгу фотографии складня дата выглядит иначе: «1695 (?)Р» (року?).

Исключительно важно, что манера резьбы и индивидуальная орнаментика мастера маленьких складней, особенно происходящего из бывшего Художественно-промышленного музея Москвы, аналогичны резьбе на третьем большом складне из Музеев Московского Кремля, имеющем дату – 1693 год – и имя мастера Петра Ефремовича, резавшего его в г. Харькове³⁶. Это говорит об устойчивой иконографической и стилистической традиции исполнения подобных складней украинскими резчиками, о следовании мастеров определённым общим образцам. (На маленьком трёхстворчатом складне и большом 1693 года повторяется, например, и характерное для рубежа XVII–XVIII века почти вертикальное расположение рук Христа в композиции «Распятия», восходящее к западноевропейской иконографической традиции, близко на них и пластическое исполнение рельефа с хорошо проработанными, скруглёнными формами черт лиц святых и складок их одеяний). Но говорить об их принадлежности одному или разным мастерам можно будет только при реальном сравнении их друг с другом.

Резьба большого подписного складня, исполненного мастером Петром Ефремовичем, отнесена И. М. Соколовой к выдающимся памятникам украинской резьбы XVII века³⁷. То же можно сказать и о резьбе двустворчатого складня из собрания М. П. Боткина.

Говоря об истории его создания, необходимо обратить особое внимание на драгоценный оклад двустворчатого складня, позволяющий, благодаря недавним публикациям аналогичных по исполнению эмалей, судить о месте и времени его исполнения. Для роскошного узора из эмалей по сканному орнаменту складня характерны все особенности московской эмали по скани рубежа XVII–XVIII века: это выпуклые белые и голубые «горошинки», белая, голубая и зелёная глухая эмаль, положенная тонким слоем изумрудная прозрачная эмаль, появившаяся в Москве во второй половине XVII века, а также впавленные в лепестки эмали золочёные детали в виде цветков, звёздочек, трилистников и птичек. Для эмалей рубежа столетий типичен и приём организации композиции эмалевого узора по скани с помощью крупных завитков толстой скани, в которые вписаны мелкие сканные орнаменты с эмалью. Эти черты характерны для полихром-

ных эмалей Оружейной палаты конца XVII – начала XVIII века, в том числе для оклада иконного образа «Успение Богоматери», исполненного жалованным мастером Серебряной палаты Кириллом Улановым, работавшим в Кремле в это время (икона датируется 1702 годом)³⁸. Среди памятников украинского золотарства подобных эмальерных произведений нет³⁹. Для названных кремлёвских памятников, как и для оклада двустворчатого складня из собрания М. П. Боткина, характерна и расширенная цветовая гамма эмалей по сравнению с эмальями второй половины XVII века. На складне из Русского музея – это эмаль лилового цвета, а также ярко-жёлтая эмаль, заполняющая вытянутые сегменты, напоминающие по форме морковь, общие для указанных аналогий среди московских эмалей рубежа XVII–XVIII века. Всё это указывает на возможность работы украинского резчика в Москве в числе мастеров, приехавших с Украины, или на исполнение оклада для складня в Москве, а также на возможное поступление памятников украинской резьбы к М. П. Боткину из Москвы. Любопытно, что роскошный оклад на украинской резной иконе в Троице-Сергиевой Лавре по исполнению и орнаментам, по цветам эмали абсолютно идентичен окладу складня из собрания М. П. Боткина⁴⁰. Судя по аналогичному исполнению оклада упомянутой иконы Кирилла Уланова, маленький складень из собрания М. П. Боткина также принадлежит к рубежу XVII–XVIII веков. Свидетельством работы эмальера складня не ранее конца XVII века является и его крайне редко встречающаяся в это время особенность: буквы «ІТ», нанесённые белой эмалью на изумрудно-зелёную эмаль в каплевидном элементе орнамента внизу на окладе левой створки складня. Вероятно, это первые буквы имени и фамилии мастера, исполнившего оклад, своего рода его именованное клеймо. (Именные клейма мастеров были введены специальным указом Петра I только в 1700 году).

Таким образом, в коллекции Государственного Русского музея присутствует выдающееся произведение работы украинского резчика. Это произведение не только представляет наиболее яркое явление в истории украинской мелкой пластики, но и является ещё одним свидетельством украино-русских связей на рубеже XVII–XVIII веков*.

---

* Редакционная коллегия считает исторически и научно более обоснованной терминологию начала XX в., см.: *Петров Н. И. Южно-русские иконы // Искусство в Южной России. Январь–декабрь 1913 г. Живопись, графика, художественная печать.* – Киев: типография Школы печатного дела, 1913.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В сокращённом варианте статья опубликована: *Новаковская-Бухман С.М.* Украинский складень из коллекции М.П. Боткина // *Seminarium Bulkinianum*. III: К 75-летию со дня рождения Валентина Александровича Булкина. – СПб.: Каламос, 2012. – С. 231–241.
- ² *Новаковская-Бухман С.М.* М.П. Боткин – человек и коллекционер. // Коллекции Михаила и Сергея Боткиных. Из серии «Не корысти ради». Коллекции и коллекционеры Русского музея. Выпуск 2 / Альманах 316. – СПб.: Palace Editions, 2011. – С. 6–65; Электронный каталог «Коллекции Михаила и Сергея Боткиных»: www.rusmuseum.ru/images/cms/data/rusmus/fiv/exib/botkin252.pdf – С. 1–252, 485–493.
- ³ На это указывает И. М. Соколова. См.: *Соколова И.М.* Резной складень царя Феодора Алексеевича – памятник русско-украинских связей второй половины XVII века // Искусство христианского мира. Сборник статей. Вып. 8. – М.: Издательство Православного Свято-Тихоновского Богословского Института, 2004. – С. 198, сн. 8, 9; О деревянных резных крестах Украины см.: *Степанова О.Т.* Материяли до вивчення української дерев'яної різьби. Дерев'яні різьбовані напрестольні хрести // Мистецтвознавство. Збірник I. – Харків: Пролетарий, 1928–1929. – С. 107–127; *Пак Н.И.* Два образца киевской деревянной резьбы XVIII века // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1986. – Л.: Наука, 1987. – С. 420–423; *Свенцицка В.* Різьблені ручні хрести XVII–XVIII вв. – Львів, 1939. – Ч. 1, 2; *Соколова И.М.* Украинские резные иконы и кресты XVII–XVIII веков. Каталог / Федер. Гос. Бюджет. Учреждение культуры «Гос. Историко-культур. Музей-заповедник «Моск. Кремль». – М.: типография «Первый издательско-полиграфический холдинг» (СПб.), 2013.
- ⁴ *Соболев Н.Н.* Русская народная резьба по дереву. – М.: Сварог и К, 2000. – С. 418–424; *Николаева Т.В.* Произведения мелкой пластики XIII–XVII веков в собрании Загорского музея. – Загорск: Типография ЦБТИ Мособлсбоснархоза, 1960. – С. 86–87, 334–337, ил. 160; *Соколова И.М.* Резной складень царя Феодора Алексеевича...; *Соколова И.М.* Украинские резные иконы и кресты в собрании Московского Кремля // Древнерусская скульптура. Научный сборник. V. Запад – Россия – Восток. Диалог культур. – М., «Бурганов-Центр», 2008. – С. 123–135. – Ил. 123–124; *Новаковская-Бухман С.М.* Украинский складень из коллекции М.П. Боткина. – С. 231–241; *Соколова И.М.* Украинские резные иконы и кресты XVII–XVIII веков. Каталог; *Клюканова О.В.* Феодор Стратилат в житии, с праздниками и святыми. Складень-кузов // Осень русского средневековья. Искусство XVI века в собрании Русского музея. Памяти Валентина Александровича Булкина (1937–2016), учителя и друга / Альманах. Вып. 535. – СПб: Palace Editions, 2018. – Кат. № 107. – С. 110–111. Большой трёхстворчатый складень 1702 года хранится в Музее истории религии в Санкт-Петербурге. См.: *Соколова И.М.* Украинские резные иконы и кресты XVII–XVIII веков. Каталог. – С. 15. Обзор украинских резных икон и складней см.: *Соколова И.М.* Украинские резные иконы и кресты XVII–XVIII веков. Каталог. – С. 7–47 (Украинская церковная мелкая пластика и её образцы в российских музейных собраниях).
- ⁵ История русского искусства. –Т. IV. – М.: Издательство АН СССР, 1959. – С. 24–25, 31, 245, 283–286, 305, 306–308, 319–320; *Соколова И.М.* Украинские резные иконы

- и кресты в собрании Московского Кремля – С. 133, 134; *Соколова И.М.* Украинские резные иконы и кресты XVII–XVIII веков. Каталог. – С. 10.
- ⁶ История русского искусства. – Т. IV. – С. 245, 306, 312–313.
- ⁷ *Соколова И.М.* Резной складень царя Феодора Алексеевича... – С. 196, 198, 207; *Соколова И.М.* Украинские резные иконы и кресты в собрании Московского Кремля... – С. 125, 126.
- ⁸ *Соболев Н.Н.* Русская народная резьба по дереву. – С. 418–424.
- ⁹ *Николаева Т.В.* Произведения мелкой пластики XIII–XVII веков в собрании Загорского музея. – С. 86–87, 334–337, № 160; *Драган Михайло.* Українська декоративна різьба XVI–XVIII ст. – Київ: Наукова думка, 1970; *Пак Н.И.* Два образца киевской деревянной резьбы XVIII века – С. 420–423; Церковні старожитності XVI–XVII століть у зібранні Національного Києво-Печерського історико-культурного заповідника. Каталог виставки. – Київ: Акцент, 1999; *Станкевич М.* Українське художнє дерево XVI–XX ст. – Львів: Афіша, 2002; «Угодно в очах Божиих дело сие...». Сокровища Церковно-археологического кабинета Московской Православной Духовной Академии. – Сергиев Посад: Патриарший издательско-полиграфический центр, 2004. – С. 264–265; *Соколова И.М.* Резной складень царя Феодора Алексеевича... – С. 196–213; *Соколова И.М.* Украинские резные иконы и кресты в собрании Московского Кремля... – С. 134; Складень, вероятно, принадлежавший патриарху Никону, в цвете опубликован: Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон. «Премудрая двоица». – М.: Художник и книга, 2005. – С. 92–93. – Кат. 111; *Соколова И.М.* Украинские резные иконы и кресты XVII–XVIII веков. Каталог. – № 1.
- ¹⁰ Типология орнамента крестов представлена в статье О.Т. Степановой. *Степанова О.Т.* Матеріяли до вивчення української дерев'яної різьби. – С. 110. Табл. LXVI–LXIX; Мистецтво другої половини XVII–XVIII століття // Історія українського мистецтва в шести томах. – Том третій. – Київ: Укр. Рад. енциклопедія, 1968. – С. 355–356. – Ил. 263; *Станкевич М.* Українське художнє дерево XVI–XX ст...
- ¹¹ *Соколова И.М.* Резной складень царя Феодора Алексеевича...; *Соколова И.М.* Украинские резные иконы и кресты в собрании Московского Кремля. – Ил. 123, 124; *Соколова И.М.* Украинские резные иконы и кресты XVII–XVIII веков. Каталог. – № 1, 3, 6.
- ¹² *Залеская В.Н.* Резьба по дереву // Афонские древности. Каталог выставки фондов Эрмитажа. – СПб., 1992. – С. 38.
- ¹³ См. *Залеская В.Н.* Резьба по дереву. – С. 38, 42.; *Соколова И.М.* Резной складень царя Феодора Алексеевича... – С. 207; *Соколова И.М.* Украинские резные иконы и кресты в Музеях Московского Кремля... – С. 129; *Новаковская-Бухман С.М.* Украинский складень из коллекции М.П. Боткина. Ср. с афонской резьбой: *Chatzidakis Manolis.* Byzantine Museum. – Athens: Ekdotike Athenon S. A., 1994. (The Greek Museums). – P. 34–35. № 26.; Athos: Monastic Life on the Holy Mountain. – Helsinki: Maahenki Ltd, 2006. – № 4.9–4.15; *Соколова И.М.* Украинские резные иконы и кресты XVII–XVIII веков. Каталог. – С. 7, 8, 14.
- ¹⁴ *Степанова О.Т.* Матеріяли до вивчення української дерев'яної різьби...
- ¹⁵ ГРМ. Инв. № БК 2962. Складень двустворчатый. Кипарис, шёлковые ткани; резьба. Оклад: серебро; золочение, скань, эмаль по скани, роспись по эмали. 9,3 × 6,7 (в закрытом виде). См. Электронный каталог «Коллекции Михаила и Сергея Ботки-

- ных». – Кат. № 185. – С. 135–136. Благодарю реставраторов Русского музея Н. К. Шебеко и В. Я. Чмеленко за консультации по тканям и дереву, использованным мастером при создании складня.
- 16 *Залеская В.Н.* Резьба по дереву... – Ил. 96; Athos: Monastic Life on The holy Mountain. – P. 287, 288.
- 17 См.: *Залеская В.Н.* Резьба по дереву... – Ил. LXII; Athos: Monastic Life on The holy Mountain. – P. 291, 303, 307.
- 18 Та же иконография представлена на композициях «Христос Великий Архиерей» на двух крупных складнях Музеев Московского Кремля, принадлежавших патриарху Никону (середина XVII века) и царю Фёдору Алексеевичу (1680 год). См.: *Соколова И.М.* Резной складень царя Феодора Алексеевича... – С. 204; Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон. – М., 2005. – С. 93.
- 19 *Соболевский А.И.* Славяно-русская палеография. Издание пятое. – М.: URSS, 2007. – С. 41.
- 20 В конце XVII века из полуустава юго-западных книг Руси в полуулав севернорусских переходит употребление греческого «Σ» вместо крупного «С». См.: *Соболевский А.И.* Славяно-русская палеография. Издание пятое. – М.: URSS, 2007. – С. 41. Греческая «Σ» – частая деталь надписей на иконах, вышедших из Оружейной Палаты Московского Кремля, где она могла появиться, благодаря активным связям Руси с Афоном. Нельзя забывать, что приезжавшие с Украины и из Белоруссии мастера «поступали «под начало» жалованных иконописцев и живописцев Оружейной Палаты, которые стояли во главе «Мастерской палаты резных и столярских дел», где «они осваивали московские образцы и мотивы композиций мастеров». См.: История русского искусства. – Т. 4. – С. 305. Здесь «Σ» украинских надписей также могла оказать воздействие на надписи на иконах мастеров Оружейной Палаты. За сведения по палеографии надписей на складне музея благодарю А. А. Макарову.
- 21 Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон. – С. 93; *Соколова И.М.* Резной складень царя Феодора Алексеевича... – Ил. 6.
- 22 *Степовик Д.В.* Українська графіка XVI–XVIII століть. Еволюція образної системи. – Київ: Наукова думка, 1982. – Ил. на С. 152.
- 23 Там же. – Ил. на с. 152, 245, 246.
- 24 *Соколова И.М.* Резной складень царя Феодора Алексеевича... – С. 129–130.
- 25 *Соколова И.М.* Резной складень царя Феодора Алексеевича... – С. 197, 199, 205, 207–208; *Пак Н.И.* Два образца киевской деревянной резьбы XVIII века. – С. 420–423.
- 26 *Осташенко Е.Я.* Главный иконостас Успенского собора Московского Кремля // Художественные памятники Московского Кремля. – М.: ИПП «КУНА», 2003. (Материалы и исследования / Федеральное государственное Учреждение «Гос. ист.-культур. Музей-заповедник «Московский Кремль»; 16). – С. 21; *Соколова И.М.* Резной складень царя Феодора Алексеевича... – С. 202.
- 27 См. *Драган Михайло.* Українська декоративна різьба XVI–XVIII ст. – Ил. 9. Модель предположительно связывалась с желанием патриарха Никона иметь её в качестве образца для иконостаса Воскресенского собора монастыря в Новом Иерусалиме. *Петров Н.И.* Южно-русские иконы // Искусство в Южной России. Январь–декабрь 1913 г. Живопись, графика, художественная печать. – Киев: типография Школы печатного дела, 1913. – С. 487–488; *Соколова И.М.* Резной складень царя Феодора Алексеевича... – С. 200–201.

- ²⁸ См. икону «Деисус» из иконостаса Церкви Вознесения села Березни (около 1761 года). *Білецький П. О.* Нариси з історії українського мистецтва / Українське мистецтво другої половини XVII–XVIII століть. – Київ: Мистецтво, 1981. – С. 144.
- ²⁹ Athos. Monastic Life on The holy Mountain. – P. 287–288.
- ³⁰ См. сн. 8, 10; *Соколова И. М.* Украинские резные иконы и кресты XVII–XVIII веков. Каталог. – № 1.
- ³¹ *Степанова О. Т.* Матеріјали до вивчення української дерев'яної різьби. – С. 108–109.
- ³² *Соболев Н. Н.* Русская народная резьба по дереву. – С. 418, Ил. 301 (вверху).
- ³³ *Карабинов И.* «Наместная» икона древнего Киево-Печерского монастыря // Известия ГАИМК. – Т. 5. – Л.: Ленинград, 1927. – С. 102–113. *Соколова И. М.* Резной складень царя Феодора Алексеевича... – С. 199.
- ³⁴ Именно так трактует эту иконографическую деталь И. М. Соколова. См.: *Соколова И. М.* Резной складень царя Феодора Алексеевича... – С. 204; см. также: *Соколова И. М.* Украинские резные иконы и кресты XVII–XVIII веков. Каталог. – № 1, 6, 7.
- ³⁵ *Соболев Н. Н.* Русская народная резьба по дереву. – С. 418, 422, ил. 301 (вверху).
- ³⁶ ГМЗМК. Инв. № С 70 / 1–3. Размер 58,8 × 32,0. *Соколова И. М.* Резной складень царя Феодора Алексеевича... – С. 198–199. *Соколова И. М.* Украинские резные иконы и кресты в собрании Московского Кремля... – С. 132–133, ил. на с. 211.
- ³⁷ *Соколова И. М.* Украинские резные иконы и кресты в собрании Московского Кремля... – С. 132.
- ³⁸ Об эмалях Москвы рубежа XVII–XVIII веков см.: *Ковтырева Л. В.* Сокровища Третьяковской галереи. – М.: Государственная Третьяковская галерея, Отпечатано в ООО «Лайт», 2011. – С. 8–9, 30–33. – Ил. 10–11.
- ³⁹ Об искусстве украинских мастеров золотого дела: *Петренко М. З.* Українське золотарство XVI–XVIII ст. – Київ: Наукова думка, 1970.
- ⁴⁰ Ср.: *Николаева Т. В.* Произведения мелкой пластики XIII–XVII веков в собрании Загорского музея. – Кат. № 60. – Ил. 336.

И. Б. ВЕРХОВСКАЯ

(Государственный Русский музей; Санкт-Петербург)

ПИСЬМА С. С. БОТКИНА ЖЕНЕ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ЕГО КОЛЛЕКЦИИ

Аннотация. В статье цитируются и комментируются письма Сергея Сергеевича Боткина жене Александре Павловне, урождённой Третьяковой, рассказывающие о приобретениях в коллекцию (1893–1903). С помощью документов из архива Государственного Эрмитажа три упомянутые в письмах скульптурные работы соотнесены с поступившими впоследствии в Эрмитаж. Названные в письмах имена коллекционеров, у которых С. С. Боткин приобретал произведения, расширяют представление о провенансе этих скульптур, а также одной живописной картины и ряда рисунков, хранящихся ныне в Государственном Русском музее и, частично, в Государственной Третьяковской галерее.

Ключевые слова. Коллекция С. С. Боткина, петербургские коллекционеры рубежа XIX–XX веков.

I. B. VERCHOVSKAYA

(The State Russian Museum; Saint-Petersburg)

S. S. BOTKIN'S LETTERS TO HIS WIFE AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT HIS COLLECTION

Abstract. Letters telling about purchases to this collection made in 1893–1903, from S. S. Botkin to his wife, are quoted and commented on in this article. Three sculptures that were mentioned in the letters were identified using documents archived at the State Hermitage, and recognised as the ones received by the State Hermitage later. Collectors names mentioned in the letters, who sold S. S. Botkin these pieces of art, will expand the view on provenance of these sculptures, as well as one painting and several drawings, which are now kept at the State Russian Museum and the State Tretyakovsky Gallery.

Keywords. S. S. Botkin's collection, Petersburg collections of the end of the XXth and the beginning of the XX th century.

Описание жизни и деятельности Сергея Сергеевича Боткина [ил. 1] (1859—1910), одного из самых ярких представителей знаменитого рода, достойно отдельной книги, которая, хочется надеяться, когда-нибудь будет написана. Будущие исследователи соберут по крупницам свидетельства современников, изучат архивные документы. И в первую оче-

редь – комплект писем Сергея Сергеевича жене, хранящийся в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве. Вот о нём и пойдёт речь в статье.

История возникновения этого комплекта писем сама по себе очень интересна. Вкратце она такова: года два спустя после смерти мужа Александра Павловна Боткина задумала издать альбом, посвящённый его коллекции. При этом немаловажную роль, по-видимому, сыграло появление на свет в 1911 году увража «Собрание Михаила Петровича Боткина». К 1912 году относятся первые упоминания о работе над изданием в переписке А.П. Боткиной с А.Н. Бенуа. За два года все материалы были подготовлены к печати. Но началась война,

потом революция, гражданская война. Несмотря на титанические усилия Александры Павловны преодолеть обрушившиеся на её плечи трудности, несмотря на активную помощь соратников – А.Н. Бенуа, В.Н. Аргутинского-Долгорукова, П.И. Нерадовского, И.Э. Грабаря, – замысел не был реализован. Мы не знаем, как выглядела бы книга, но на издание о коллекции М.П. Боткина она не походила: обложка предполагалась белой с синим кожаным корешком, а главное – планировалось разместить материал в двух томах. Весь второй том целиком отводился главному детищу Сергея Сергеевича – собранию русского рисунка (напомним, что оно в полном составе после революции стало собственностью Русского музея). А первый том должен был содержать статьи о коллекции и коллекционере, фотографии интерьеров дома и наполнявших их произведений искусства, а также подборку писем С.С. Боткина, адресованных жене.

Возможно, на решение Александры Павловны о приобщении к изданию писем повлияло то, что именно в эти годы готовилась монография об её отце, П.М. Третьякове, и при этом много сил было направлено на поиск его писем, находившихся у многочисленных адресатов¹. Как бы то ни было, она смогла осознать ценность материала, который не прошёл

Ил. 1. Сергей Сергеевич Боткин
1890–1892
Собрание ВММ МО РФ

проверки временем: описываемые С. С. Боткиным события были свежи в памяти, по их прошествии минуло 10–15 лет, они не приобрели статуса исторических, их значение в культуре ещё не определилось.

Итак, А. П. Боткина отобрала ряд писем, сгруппировала их в две части, сделала необходимые купюры и осуществила перепечатку на машинке. И именно в таком машинописном виде эти письма, вместе с другими документами по подготовке издания, оказались впоследствии в архиве Третьяковской галереи в составе фонда П. И. Нерадовского², откуда по акту от 22 августа 1941 года перекочевали в Российский государственный архив литературы и искусства³, где и хранятся в настоящее время, не будучи по сей день опубликованными⁴. О местонахождении оригиналов писем нам ничего не известно.

Всего было выбрано 44 письма, которые показались Александре Павловне уместными для публикации в подобном издании. Она целенаправленно составила две подборки, призванные дополнить книгу о боткинской коллекции. Первая подборка писем включает в себе только короткие выдержки, посвящённые коллекционерской страсти С. С. Боткина, охватывая период протяжённостью в десятилетие: 1893–1903. Вторая подборка представлена письмами почти без купюр, они относятся также к десятилетнему промежутку, но более позднему – 1899–1909 годам, и в них уже не встречается упоминаний о приобретении рисунков, зато гораздо шире отражены деятельность С. С. Боткина в кругу мирискусников, общение с актёрами Московского художественного театра, заботы о создании в доме обстановки разных эпох XVIII века.

За всю, пусть и не очень длинную, жизнь Сергея Сергеевича (он прожил 50 лет, а в браке – 19) такое количество писем может показаться слишком малым. Однако, следует иметь в виду, что переписка происходила лишь в те периоды, когда Александра Павловна с детьми уезжала на дачу в Куракино под Москвой или за границу, а также в тех случаях, когда за границей оказывался Сергей Сергеевич. Приходится лишь сожалеть, что супруги редко находились в разлуке, иначе мы узнали бы гораздо больше об обстоятельствах приобретений в коллекцию и тех чувствах, которые испытывал при этом собиратель.

Конечно, канва биографии такого знаменитого человека, как С. С. Боткин, оставившего след и в истории медицинской науки, и в истории искусства, достаточно хорошо известна. Отличаясь невероятной общительностью, энергичностью, он запечатлелся в памяти многих своих выдающихся современников, упомянувших о нём в воспоминаниях. Но даже на столь богатом биографическом фоне эпистолярное наследие Боткина сохраняет приоритетную значимость. Письма насыщены ценнейшими деталями и подробностями, которые почерпнуть больше неоткуда.

Первые два письма относятся к 1893 году. К этому времени уже завершился этап получения образования, в 1892 году Сергей Сергеевич вернулся вместе со своей молодой семьёй из Германии, где он после окончания Военно-медицинской академии проходил трёхгодичную стажировку и где в 1891 году родилась старшая из дочерей, Александра, а по возвращении, в Петербурге в 1892 году родилась младшая – Анастасия. И вот в такой обстановке семейного счастья и увлечённой работы в больнице имени своего отца он с воодушевлением и мягким юмором описывает переживания по поводу доставки купленных за границей скульптур.

«...Днём сделал кое-какие дела для нашего хозяйства, а именно съездил к комиссионеру, через которого мы должны получить наши деревянные статуи. Оказывается Нюрнбергский епископ ещё вовсе не приехал, а Карлсбадский ангел отправлен в духовную цензуру. Я просто был поражён этим известием, но, по-видимому, с Ангелами всегда так поступают...»

Спустя четыре дня продолжение этой же истории: *«...Сегодня доставили мне на дом нашего Карлсбадского Ангела; он в полном порядке, ничего не поломано и право, очень мил. За духовную цензуру и доставку на дом пришлось заплатить ещё около 4-х рублей, так что всё вместе вышло около 33-х рублей; ужасно дорого, но не жаль, ибо, повторяю, ужасно он мил...».*

Покупки называются «нашими», из чего можно заключить, что выбрали они молодыми супругами совместно. Очевидно, в силу громоздкости эти деревянные скульптуры были отправлены отдельно, возможно, морем. Радуюсь в 1893 году своим приобретениям, оправдываясь перед супругой за неумеренные расходы, Сергей Сергеевич не мог предвидеть, какая судьба уготована этим произведениям искусства. Ему не довелось узнать, что спустя четверть века, в 1918 году всё его собрание будет национализировано, а обе скульптуры, признанные экспертами как высокохудожественные и имеющие музейное значение, удостоятся чести пополнить фонды Эрмитажа. При поступлении они значились в акте приёма как «Фигура деревянная резная (Епископ), пальцы отбиты» и «Фигура деревянная резная “Ангел” с двумя гербами»⁵ [ил. 2], то есть об их происхождении – одной из Нюрнберга, а другой – из Карлсбада – известно не было. Думается, что нынешних хранителей этих скульптур обрадуют сведения, уточняющие их провенанс.

Следующее письмо, датированное маем 1894 года, содержит очень важные сведения.

«Грустно провёл я вечер вашего отъезда. На другой день, в воскресенье, готовил себе праздник – отправиться к Гоффету, рассматривать его альбомы, картины и т.д. <...> в три ровно был в желанном месте. Рисунков у него не Бог весть сколько, но есть прекрасные, редкие и во всяком случае годятся для меня, например, несколько Кипренских, Брюлловых,

Ил. 2. Ангел с гербами. Западная Европа. Дерево, резьба. 121,0 × 90,0 × 17,0
Собрание Музея прикладного искусства им. А. Л. Штиглица

Бруни, Капковых и т.д. Подробно ещё раз рассматривал этюды и портреты: многие прелестны и драгоценны. Просидел до 6 часов и в результате взял на 65 р. (для первого раза); сюда вошло: блюдо, о котором тебе уже говорил, чудесное, ужасно интересное и, наверное, настоящее, прекрасный эскиз Ломтева – Нагорная проповедь⁶, вечернее поэтическое настроение, интересные переливы тонов, синих и жёлтых; довольно большой эскиз (больше нашего Шебуева)⁷ и в третьих взял ещё маленького египетского фараона в голубых тонах, такого, какого тебе всегда хотелось иметь; лицо у этой мумийки чрезвычайно симпатичное, вещь несомненно настоящая. Возвратился домой в полном восторге от своих покупок, на которые долго не мог наглядеться».

Внимательно вчитываясь в эти строчки, мы находим массу полезных сведений. Прежде всего поражает страстность, с какой Боткин предаётся своему увлечению, а также воодушевлённость, с которой описывает впечатления жене. Далее, большую ценность для нас представляет замечание о рисунках как таковых: из письма ясно следует, что уже в 1894 году они были для Боткина предметом специального интереса. Опираясь на сведения из письма, мы можем констатировать, что коллекция создана в течение приблизительно полутора десятков лет (1893–1909). Нет никаких оснований предполагать, что интерес к коллекционированию русско-го рисунка мог возникнуть прежде завершения образования, женитьбы

на дочери П. М. Третьякова (1890) и возвращения из-за границы. Конечная же дата формирования собрания – это 1909 год (в январе 1910 года Боткина не стало). Как для всякого культурного явления, для коллекции также весьма значимы её хронологические границы. Они определяются с достаточной точностью в силу того, что после смерти мужа Александра Павловна, несмотря на свою высокую компетентность, оставила коллекцию русского рисунка в неприкосновенности, не пополняла её. И хотя благодаря своим связям в некоторых случаях она способствовала мужу в приобретении каких-то рисунков, например, Ф. Малявина, она и всё окружение считали коллекцию рисунка безусловным детищем С. С. Боткина. Хранилась она в специально изготовленных пронумерованных папках размером 55,0 × 46,0 см, на них золотом было вытеснено: «Собрание рисунковъ русскихъ художниковъ С. С. Боткина». Рисунки были прикреплены на паспарту из бристольского картона. Несколько таких папок дошло до нашего времени.

Но вернёмся к письму. Сетую на то, что рисунков у Гоффета мало, Боткин всё же что-то у него приобрёл. Из письма, датированного июнем следующего, 1895 года, узнаём о «брюлловской голове», которую он восторженно характеризует как «шедевр». Однако в собрании Государственного Русского музея её ни с чем отождествить не удалось. Зато известно о двух других рисунках «от Гоффета» благодаря надписям на их оборотах⁸. Боткин, как заботливый и предусмотрительный хранитель, делал иногда на оборотах рисунков или на паспарту собственноручные надписи, указывающие, от кого и когда он их приобрёл или получил в дар.

Оба рисунка, несмотря на скромный вид, представляют значительный интерес. Но поскольку к теме сообщения они не относятся, обратим внимание лишь на надписи на их оборотах. В них фамилия владельца рукой С. С. Боткина написана с одним «ф» (в отличие от её написания в письме с двумя «ф»), что значительно облегчило идентификацию. В справочниках никакого подходящего для нас «Гоффета» не обнаружилось, зато имеется «Гофет». С большой долей вероятности, Боткин имел дело с Василием Павловичем (Иоганном-Вильгельмом) Гофетом (1823/1822—1906). О нём известно немного: закончил Императорскую академию художеств со званием некласного художника, писал исторические картины, портреты, реставрировал иконы. Таким образом, если наше предположение верно, биографию В. П. Гоффета можно дополнить сведениями о его коллекционерстве.

Что касается упомянутого в письме блюда, то о его судьбе трудно сказать что-либо определённое⁹. Зато «мумийка» по всей вероятности впоследствии оказалась в Эрмитаже, во всяком случае в документах архива Государственного Эрмитажа указано, что 8 древнеегипетских предметов в 1923 году переданы в дар Анастасией Сергеевной Боткиной¹⁰.

В следующем письме появляется имя ещё одного коллекционера. В краткой выдержке из пяти строк содержится любопытная информация: *«Вечером пошёл опять к Пальчикову показать своего Ломтева; Пальчиков от него в восторге, да и действительно он очень хорош. Провёл вечер в очень полезной беседе о русских художниках, о гравюрах и т.д. Конечно, не сказал, где я достал Ломтева, и ты также, пожалуйста, не говори папе ничего о Гоффете».*

Здесь всё заслуживает внимания, но прежде всего – замечание о «полезной беседе». Анатолий Евграфович Пальчиков, чиновник, статский советник, столоначальник в Петербургском лесном департаменте, был коллекционером¹¹, библиофилом, издателем, автором известного «Перечня печатных листов И. И. Шишкина» (СПб., 1885). В 1893 году от него в Эрмитаж поступили 40 с лишним гравюр¹², в Государственной Третьяковской галерее имеются рисунки, происходящие из коллекции А. Е. Пальчикова¹³. Заметим, что визит к Пальчикову далеко не первый («пошёл опять»), и что «пошёл», а не поехал, значит, Пальчиков жил неподалёку. Действительно, расстояние между Знаменской, 43 (адрес Боткина на 1894 год) и Литейным, 55, где жил Пальчиков, не составляло труда пройти пешком. Обратим внимание также и на то, как ревниво оберегал Боткин источник обретения Ломтева и от Пальчикова, и от своего тестя. Это очень характерное замечание – «не говори папе ничего о Гоффете». Оно показывает, каким охотничьим азартом сопровождался поиск, как велика была конкуренция и как нелегко было, даже в то время, найти в Петербурге стоящие произведения.

Спустя несколько дней Боткин снова пишет о Ломтеве: *«...Сегодня приходил реставратор Сидоров, которого я пригласил, чтобы посоветоваться с ним относительно того, что мне делать с эскизом Ломтева, написанного на бумаге и наклеенного на холст (sic!); <... > Ломтева дал ему подправить за 12 р.».* Для истории бытования произведения, безусловно, представляет интерес, что картина в 1894 году побывала в руках у опытного реставратора, каким был Сидоров¹⁴, а также, что её основа не просто холст, а бумага на холсте.

Летом следующего, 1895 года Александра Павловна с детьми снова отправляется на дачу в Куракино, а Сергей Сергеевич, оставаясь до июля работать в городе, пишет ей о своих насыщенных событиями днях. В письмах появляется имя ещё одного коллекционера, о котором он отзывается с симпатией: *«...Помнишь, зимой я познакомился у Сомова с одним коллекционером рисунков – Ваулиным: на днях вечером зашёл к нему. Это очень милый и типичный старикашка – страстный коллекционер. У него есть очень хорошие и интересные вещи, особенно Брюллова, но ты не бойся, он ни за что не уступит. Интересно и поучительно провел у него вечер».*

Иван Иванович Ваулин (? – 1912) был художником, закончившим Императорскую академию художеств и работавшим преподавателем рисунка в Смольном институте. Год его рождения выяснить не удалось, но «старикашка» в 1895 году был отцом всего лишь восьмилетнего сына, который впоследствии тоже станёт достаточно известным ленинградским художником¹⁵.

Благодаря надписям, сделанным Боткиным на оборотах рисунков или на паспарту, мы знаем, что от Ваулина были приобретены шесть листов¹⁶. Все они весьма примечательны.

Нельзя не обратить внимания на шутивную реплику («но ты не бойся»). К этому обороту Боткин в письмах прибегал не раз, позволяя нам узнать о репутации транжиры, какую он имел, надо полагать, в глазах Александры Павловны.

К встречам с такими коллекционерами, как А.Е. Пальчиков, И.И. Ваулин или В.П. Гофет, Боткин стремился, по-видимому, не только ради приобретения очередного экспоната, а прежде всего – ради обогащения знаниями. Беседы с ними были для него своего рода «университетами», удовлетворявшими его запросы и целеустремленность.

Знакомясь с собранной Боткиным коллекцией рисунка, не устаёшь поражаться тому, как врач смог за столь короткое время стать знатоком этого вида искусства, даже принимая во внимание ближайшее окружение в лице таких маститых коллекционеров, как тесть Павел Михайлович Третьяков, дяди Михаил Петрович Боткин и Дмитрий Петрович Боткин, соратник и родственник Илья Семёнович Остроухов, а также друзей из общества «Мир искусства». Поэтому столь существенно, что в письмах обозначен один из способов, благодаря которым копились знания – общение с опытными коллекционерами.

В то же лето 1895 года коллекция русского рисунка пополнилась ещё четырьмя произведениями: *«На днях получил записку от архитектора Бруни, что его тетка Бонафедде, у которой Пав[ел] Мих[айлович] купил чудные рисунки Бруни, охотно бы продала ещё кое-что. Еду к ней; на стенах висят все вещи, которые мне не очень нравятся; да помнится и Пав[ел] Мих[айлович] говорил, что оставшиеся вещи слабоваты. Уж я было хотел уходить, как вдруг она говорит, что у неё есть папка, в которой хранятся несколько, по её мнению, незначительных акварелей Бруни <...>... ; прелесть что за вещи, я их непременно приеду в Москву показать Павлу Мих[айловичу]».*

(В скобках заметим, что к созданию особняка М.П. Боткина, в котором проходит конференция, носители обеих фамилий – и Бруни, и Бонафедде – имеют самое непосредственное отношение¹⁷).

Акварели эти¹⁸ очень примечательны. Они были исполнены Ф.А. Бруни в качестве эскизов фриза Большого (двусветного) зала Старого Эрми-

тажа в 1858–1860 годах, в нём ныне экспонируются произведения Леонардо да Винчи. Упомянутая «тётка архитектора Бруни» – это Луиза Фёдоровна Бонафеде – дочь знаменитого художника Ф.А. Бруни и вдова мозаичиста Леопольда Бонафеде. Хотя со степенью родства, указанного С. С. Боткиным, остаётся неясность: «архитектора Бруни», который приходился бы родным племянником Л. Ф. Бонафеде, при всей разветвлённости рода Бруни и обилия в нём архитекторов, подобрать не удаётся. Но как бы то ни было, благодаря этому письму выстраивается цепочка владельцев: от автора – к его дочери, от неё – к С. С. Боткину, затем к А. П. Боткиной и, наконец, в Государственный Русский музей.

Июнем 1895 года датировано ещё одно письмо, имеющее отношение к той же владелице: *«Предстоит, может быть, сделать маленькую неприятность Мих[аилу] Петр[овичу]. У Бонафеде чудный бюст старика древней итальянской майолики. Мих[аил] Петр[ович] давно его торгует, но она ему не уступает. Может быть, удастся отбить. Вещь действительно капитальная и весьма красивая»*. В письмах этот сюжет продолжения не имел, вероятно, он разворачивался в тот период, когда супруги не были в разлуке. Это скульптурное произведение можно отождествить с «Бюстом старика Руанского фаянса (полива местами отбита)», поступившего в Эрмитаж в 1923 году от Анастасии Сергеевны Боткиной¹⁹. Удивительно, как Сергею Сергеевичу, не располагавшему средствами, которыми обладал его дядя Михаил Петрович Боткин, удалось уговорить Луизу Фёдоровну Бонафеде продать ему этот бюст. Скульптура ныне находится на постоянной экспозиции Эрмитажа (зал № 293). Сведения из письма Сергея Сергеевича обогатят каталожные данные такого почтенного экспоната по части провенанса. Учитывая род деятельности Леопольда Бонафеде²⁰, можно предположить, что происхождение скульптуры, возможно, связано с его именем.

Значительный интерес представляет следующее письмо, относящееся уже к 1896 году: *«Сегодня купил весь альбом Федотовский от Беггровой; стоило очень дорого, но думаю, что всё-таки эта операция выгодная. Во-первых, если тебе это покажется дорого, то по этой цене я его всегда могу перепродать; но мне кажется, делать это не стоит <...> Рисунки, действительно, великолепные, я думаю, что лучшие рисунки Федотова [ил. 3], лучше тех семи, которые у папы. Ну вот, детка моя, не сердись на меня, теперь буду сидеть смиренно целую зиму. А дело это капитальное...»*.

Речь идёт о большой группе (около 50) листов П. А. Федотова, относящихся к так называемой «нравственно-критической серии». Это, действительно, очень важная часть наследия художника, и Русский музей должен быть благодарен коллекционеру за то, что тот в своё время решился на столь дорогое приобретение. Боткин дипломатично не называет жене стоимость. Во сколько оно ему обошлось – удалось узнать случайно, бла-

Ил. 3. П. А. Федотов
Неосторожная невеста. 1849–1851
Бумага, графитный карандаш. 30,8 × 21,8
Собрание ГРМ

это слишком много». И Тенишева вынуждена была отступить от своего желания приобрести рисунки П. А. Федотова, согласившись с Бенуа, что 3000 рублей – это слишком дорого. Так, даже не подозревая об этом, С. С. Боткин перебежал дорогу именитой и вполне состоятельной (благодаря мужу) княгине. Насколько дорогую покупку он совершил, показывает такое сравнение: ежегодная плата за квартиру на Знаменской, 43 (12 комнат с отоплением) составляла 2400 рублей²¹. Спустя два года Боткин познакомится с Бенуа и станет полноправным членом возглавляемого им и С. П. Дягилевым общества «Мир искусства». Но в 1896 году, когда писалось это письмо жене, Боткин и Бенуа не были знакомы. Среди многих петербургских Боткиных для Бенуа в то время был известным, по-видимому, только Михаил Петрович, поэтому его инициалы он вставил карандашом в письме Тенишевой.

Следующим в подборке идёт послание без даты, помещённое между письмами, датированными 1896 и 1899 годами. Оно важно для нас тем, что в нём впервые появляется слово «коллекция»: «...Опять встретился

годаря изучению материалов по коллекции княгини Марии Клавдиевны Тенишевой. Дело в том, что большая часть графического наследия Федотова сосредоточилось у А. И. Беггрова и у А. И. Сомова. В то самое время, когда Боткин приобрёл рисунки Федотова у Беггровой, кн. Тенишева намеревалась купить большую группу рисунков у А. И. Сомова.

Переговоры вёл А. Н. Бенуа. Вот что он писал Тенишевой: «...С рисунками Федотова что-то не устраивается; недавно Боткин купил Беггровскую коллекцию Федотова за 3000 р. (я хлопотал, чтоб она досталась нам, но Боткин подкопался (?) [неразборчиво], будучи хорошо знаком с сестрой покойного); этот казус подействовал на Сомова и он теперь уже просит не 1500, а тоже 3000 р. Я думаю, что

с К. Маковским, и он мне подарил своих рисунков и акварелей, а также акварель своего брата Николая. Последняя прибавка к коллекции». Из письма ясно, что коллекция приобрела не только форму, но и авторитет, если маститый художник, каким был Константин Егорович Маковский, столь благосклонно к ней отнёсся. Можно считать, что это была начальная стадия процесса превращения коллекции в социально значимую ценность, каковой она стала, приблизительно, с 1902 года, когда фамилия С. С. Боткина (а иногда – А. П. Боткиной) как владельца предоставленных на выставки произведений стала появляться в каталогах, и число таких упоминаний очень быстро росло.

Нуждается в комментарии и письмо, датированное октябрём 1899 года: «Вчера, воскресенье утром был в клинике, а затем большую часть дня просидел дома и занимался готовясь к лекции. – Вдруг звонок и появился свинья Остроухов, которого я накануне вечером задаром прождал; оставался недолго, но обедал вечером с ним вместе у Кюба. <...> Хочется мне с ним устроить одну мену; он заполучил в Москве, где их вообще много, две прекрасных акварели Тропинина; одну он, конечно, удержал себе, а другую предлагает мне за Щедрина старого (один из храмов). Мне это сделать хочется, который только из храмов тебе менее жаль...».

Это один из примеров того, как собрание рисунков пополнялось посредством обмена с коллекционерами. Сведения из письма позволяют несколько расширить историю бытования акварели В. А. Тропинина («Портрет неизвестной с девочкой». ГРМ, Р-13192). А упоминаемый в письме «один из храмов» украшает теперь собрание Государственной Третьяковской галереи, куда он попал из коллекции И. С. Остроухова²².

Последнее письмо из первой подборки относится к 1903 году: «...Перед обедом зашёл к Дягилеву, т.к. имел записку от Д. Владимировича с приглашением посмотреть и, может быть, приобрести пастель Венецианова, изображающую художника Бугаевского-Благодарного. Конечно, я взял эту чудную и редчайшую пастель. Скажи об этом И[лье] Сем[ёновичу], он порадует за мою коллекцию...»

Судьба этой пастели оказалась неожиданной. Очевидно, она хранилась у С. С. Боткина не в папке вместе с другими рисунками, а отдельно, под стеклом, и потому не попала в 1917 году в Русский музей. В 1921 году она поступила от его дочери, А. С. Хохловой, в Третьяковскую галерею. Безусловно, сведения о том, что предшественником С. С. Боткина был С. П. Дягилев, обогатят провенанс и, может быть, укажут сотрудникам Государственной Третьяковской галереи направление, по которому можно найти первоначального владельца.

Этим письмом завершается первая подборка. 1903 год в судьбе С. С. Боткина имел большое значение, он был связан с приобретением дома. Семья въехала в его стены после возвращения Боткина с русско-

японской войны (1905). С этого времени приоритетными становятся приобретения для дома, о покупке новых рисунков в письмах из второй подборки уже не упоминается, хотя коллекция, конечно, продолжала пополняться, о чём известно из других источников. Рамки сообщения вынуждают ограничиться только первой подборкой писем.

Подведём итоги. Рассмотренные короткие выдержки из писем можно сравнить с хаотичным блужданием луча прожектора, высвечивающего то один, то другой временной эпизод. Рассчитывать на то, что мы найдём в них последовательно разворачивающуюся историю создания коллекции русского рисунка – не приходится. За пределами переписки остались подробности приобретения самых главных, самых значимых произведений боткинской коллекции рисунка, таких, например, как «Натурщики» А. Е. Егорова, «Натурщик на фоне красной драпировки» О. А. Кипренского и его карандашные портреты, акварельные портреты работы П. Ф. Соколова, виды Петербурга М. Н. Воробьева, работы А. Г. Венецианова, портретные рисунки К. П. Брюллова, пейзажи Ф. А. Васильева и И. И. Шишкина, репинские рисунки, акварели В. И. Сурикова, шедевры В. А. Серова и многое-многое другое. Нам ничего не известно о том, когда и как С. С. Боткину посчастливилось приобрести эти вещи. Те же листы, которым «повезло» быть не только упомянутыми, но о приобретении которых подробно рассказано собирателем, кажется, получили некое преимущество перед другими: их «родство» с коллекционером чудится более прочным, а потому и престиж – выше. В этом смысле представляется драгоценным всякое, даже мимолетное, упоминание в письмах об экспонатах коллекции, ставшей, наряду с медицинскими заслугами, самым крупным жизненным достижением С. С. Боткина. Так её воспринимали и современники, и сам собиратель. И всё же, справедливости ради, сделаем оговорку: значение коллекции рисунка столь очевидно ещё и потому, что она сохранилась в полном объёме. Находясь в Государственном Русском музее, она поддаётся изучению, оценке, сравнению с другими собраниями рисунка, возникшими на рубеже XIX–XX веков. А вот созданный Боткиным дом-музей на Потёмкинской, 9 с его блистательными интерьерами в петровском, елизаветинском, екатерининском стилях, наполненный высокохудожественными произведениями искусства – не сохранился²³. До нашего времени дошли лишь снимки, восторженные воспоминания современников²⁴ да вот эти письма (особенно из второй подборки). Перестроив дом в стиле петровского барокко, Боткин стремился и его интерьерам придать черты эпохи XVIII века. Эта задача требовала совершенствования знаний в истории разных видов прикладного искусства. Поэтому даже в отсутствие самого памятника, каким были интерьеры дома, нельзя умалять значение этой существенной стороны коллекционерской деятельности

Боткина. Думается, что специалисты по разным видам и эпохам декоративно-прикладного искусства найдут в эпистолярном наследии Боткина материал для исследований и атрибуций.

Знакомство с письмами показывает, каким неисчерпаемым источником знаний о формировании коллекции, о самом коллекционере и о его времени они являются. Продолжение их изучения, а также публикация целиком, остаются актуальными задачами.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. ст. *Кафтанова Т.* «Письма эти мы должны знать, как катехизис». Из истории комплектования и изучения архива П. М. Третьякова // Русское искусство. – 2009. – № 3 (23). – С. 36–45.
- ² Почему письма оказались в фонде П. И. Нерадовского, а не в фонде А. П. Боткиной, объясняется тем, что на самом последнем этапе эпопеи по изданию двухтомника надежды возлагались на издательские возможности Русского музея, где Нерадовский заведовал Художественным отделом и куда поступила боткинская коллекция рисунка, и потому в конце 1920-х годов все материалы сосредоточились в его руках.
- ³ РГАЛИ. Ф. 815. Оп. 1. Ед. хр. 316. Выражаю благодарность Н. А. Молотовой, специалисту группы учёта РГАЛИ, за справку о дате поступления в архив фонда П. И. Нерадовского.
- ⁴ Необходимо отметить, что некоторые цитаты из писем автор настоящей статьи приводила в ряде публикаций (см. ст. *Верховская И. Б.* Судьба коллекции русского рисунка С. С. Боткина // Страницы истории отечественного искусства. XVIII–XX века. – СПб., 2002. – Вып. 9. – С. 161, 163; *Верховская И. Б.* «Их сближали интересы к искусству». Сергей Боткин // Русское искусство. – 2008. – № 1. – С. 79; *Верховская И. Б.* Коллекционер и меценат Сергей Сергеевич Боткин // Подмосковный летописец. – 2011. – № 2(28). – С. 43, 45; *Верховская И. Б.* Коллекция Сергея Сергеевича Боткина // Коллекции Михаила и Сергея Боткиных. (Не корысти ради...): Коллекции и коллекционеры Русского музея). СПб., 2011. – Вып. 316. – С. 76, 78, 79, 84.
- ⁵ АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. № 1488. Л. 38. С помощью сотрудников Эрмитажа удалось выяснить, что одно из произведений («Епископ») хранится в фонде западноевропейской скульптуры (Инв. № Н.ск. 686. Дерево, роспись. Выс. 126,0 см), а другое («Ангел с двумя гербами») до 1946 года находилось в отделе западно-европейского прикладного искусства, а затем было передано в Мухинское училище. Выражаю благодарность сотрудникам Эрмитажа Елене Ивановне Карчёвой и Кириллу Романову (ОНД) за эти сведения. Хранящееся ныне в Музее прикладного искусства им. А. Л. Штиглица наддверное панно «Ангел с гербами» (Западная Европа. Дерево, резьба. Инв. № Р6-138. 121,0 × 90,0 × 17,0 см) находится на постоянной экспозиции.
- ⁶ Ломтев Николай Петрович (1817—1859). Нагорная проповедь (Проповедь Христа на горе Елеонской о втором пришествии). 1841. Эскиз. Холст, масло. 49,0 × 62,5. Ж-3801. См. кн.: Русский музей. Живопись. Первая половина XIX века. Каталог. Том 3: К–Я. – СПб., 2007. – С. 57.
- ⁷ Речь идёт о живописном произведении, которое в описи, составленной в 1918 году комиссией по охране памятников искусства и старины, значится как «Этюд

- проф. Шебуева «Аполлон»» (АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. № 1488. Л. 15). В 1925 году Александра Павловна Боткина получила согласие властей на продажу этой картины в музей Тбилиси (см. АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. № 1489. Л. 26).
- ⁸ С. С. Боткин приобрёл от Гофета два рисунка: Лавров Н. А. Портреты художников Я. Ф. Капкова и Р. К. Шведе (ГРМ, Р- 6058) и Турин В. С. Дом гражданского губернатора в Казани (ГРМ, Р-6816).
- ⁹ В описи дома, составленной комиссией по охране памятников искусства и старины в 1918 году, фигурирует «Старое фаянсовое блюдо (французское)» (АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. № 1488. Л. 14 об). Однако списки по разделу «Фаянс, стекло» велики, и вероятность точной идентификации слишком мала.
- ¹⁰ Речь идёт, по-видимому, о «Статуетке бога Анубиса из синего фаянса». (См. список в экспертном документе от 22.06.1920, пор. № 4 – АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. № 1488. Л. 31). В 1929 году эта вещь в числе восьми древнеегипетских предметов была приобретена Эрмитажем у А. П. Боткиной. (АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. № 8. 1928–1929 г. Л. 53).
- ¹¹ Некоторые полезные сведения об А. Е. Пальчикове можно найти в неопубликованной рукописи казанского художника К. К. Чеботарёва «Следы», которая хранится в Отдел рукописей ГРМ. Ф. 145. Ед. хр. 4. Л. 57–59.
- ¹² АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. № 8. Л. 58 – документ о приёме в Эрмитаж от Анатолия Евграфовича Пальчикова, статского советника, 42-х гравюр.
- ¹³ См.кн.: Государственная Третьяковская Галерея. Каталог собрания. Серия Рисунок XVIII–XX веков. – М., 1996. – Т. 1. – №№ 192, 278; Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Рисунок XIX века. – М., 2007. – Т. 2. Книга первая. А–В. – №№ 33, 214, 278.
- ¹⁴ В Эрмитаже работала целая династия реставраторов Сидоровых: Александр Исидорович (1835—1906), Николай Александрович (1866—1923) и многие другие (См.: АГЭ. Ф. 1. Оп. 12 л/с Д. 59; Ф. 1. Оп. 13, № 779). Предположительно, С. С. Боткин имел дело с Н. А. Сидоровым.
- ¹⁵ См. ст.: *Ромм М.* Петербург Ваулина // Художник. – 1983. – № 2. – С. 58–59. В статье, посвящённой Ваулину-младшему, приведены важные сведения и о Ваулине-старшем.
- ¹⁶ Р-1773 Пименов Н. С. Николай I раздаёт награды. Р-3406 Уланов. Шлиссельбург. Р-3458 Чернецов Н. Г. Дача Нарышкиных на Петербургской стороне. Р-12277 Галлактионов С. Ф. Женские платья. Р-6839 Уткин П. П. Суд Париса. Р-13109 Брюллов К. П. Последний день Помпеи. Эскиз.
- ¹⁷ См.ст.: *Бакалдина Е. В.* Из истории особняка М. П. Боткина // Дом-музей. Из истории особняка М. П. Боткина. – СПб.: СПбГМИСР, 2017. – С. 16, 20–22.
- ¹⁸ Темы четырёх акварелей Ф. А. Бруни – Амур и Амфитрита на дельфинах; Амфитрита и тритон (бумага, акварель. ГРМ, Р-75–77, Р-13058).
- ¹⁹ АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. № 297. Л. 71.
- ²⁰ *Лихолат К. В., Роденков А. И.* Керамическая мастерская Леопольда Бонафедо. – СПб.: Коллекция, 2012.
- ²¹ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3369-а. Л. 78.
- ²² В описи коллекции С. С. Боткина акварель «Tempio della Concordia. Agrigento» значилась с авторством Сем. Щедрина (см. Отдел рукописей ГРМ. Ф. ГРМ (1) Оп. КПХО. Ед. хр. 14, пор. № 5). В процессе переинвентаризации фонда в 1950-х годах рисунок (Р-3705) переатрибутирован, теперь числится как работа Неизвестного художника. Хранящийся в ГТГ «Храм Сегеста в Сицилии» значится как Щедрин (?) Семён Фё-

- дорович (См.кн.: Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Рисунок XVIII века. – М., 1996. – С. 217.
- ²³ Дом на Потёмкинской, 9, как таковой, сохранился. Памяти о его интерьерах много способствует житель этого дома Андрей Глебович Булах, выступая по радио, проводя экскурсии. См. кн: Мир искусства в доме на Потёмкинской / А. Г. Булах, Т. Д. Булах-Гардина, К. Г. Булах, В. К. Шуйский. – М., СПб.: Центрполиграф Русская тройка – СПб, 2011.
- ²⁴ См.: Записка А. Н. Бенуа, члена комиссии по обследованию дворцов-музеев и особняков, от 17.07.1922. См.: ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1157. Л. 74–76 (записка А. Н. Бенуа полностью приведена в статье В. Ю. Гессена настоящего издания); *Бенуа А. Н.* Памяти С. С. Боткина // Александр Бенуа размышляет... [Статьи, письма, высказывания] / Подгот. изд., вступ. статья и коммент. И. С. Зильберштейна и А. Н. Савинова. – М.: Советский художник, 1968. – С. 168–175; Серебряный век в фотографиях А. П. Боткиной [фотоальбом] / Автор-составитель Е. С. Хохлова. – М.: Наше наследие, 1998.

В. Ю. ГЕССЕН¹
(Санкт-Петербург²)

**О КОЛЛЕКЦИЯХ ИЗ ОСОБНЯКА С. С. БОТКИНА
В ПЕТРОГРАДЕ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЦГАЛИ СПБ)**

Аннотация. В данной статье, на основе использования не опубликованных до настоящего времени архивных документов, приведены результаты исследования по истории создания большевиками после переворота в октябре 1917 года в Петрограде дворцов-музеев. В определённой мере это затронуло и особняк Боткиных с квартирой Олив. Показано, что это не препятствовало с 1918 года постепенному изъятию имевшихся там ценностей с передачей их преимущественно в Русский музей и Эрмитаж. Отмечена роль жены С. С. Боткина Александры Павловны Боткиной и А. Н. Бенуа в попытках сохранения музейного имущества от расхищения.

Ключевые слова. Боткины, Олив, А. Н. Бенуа, Потёмкинская улица, Отдел охраны, коллекция.

V. Y. GESSEN
(Saint-Petersburg)

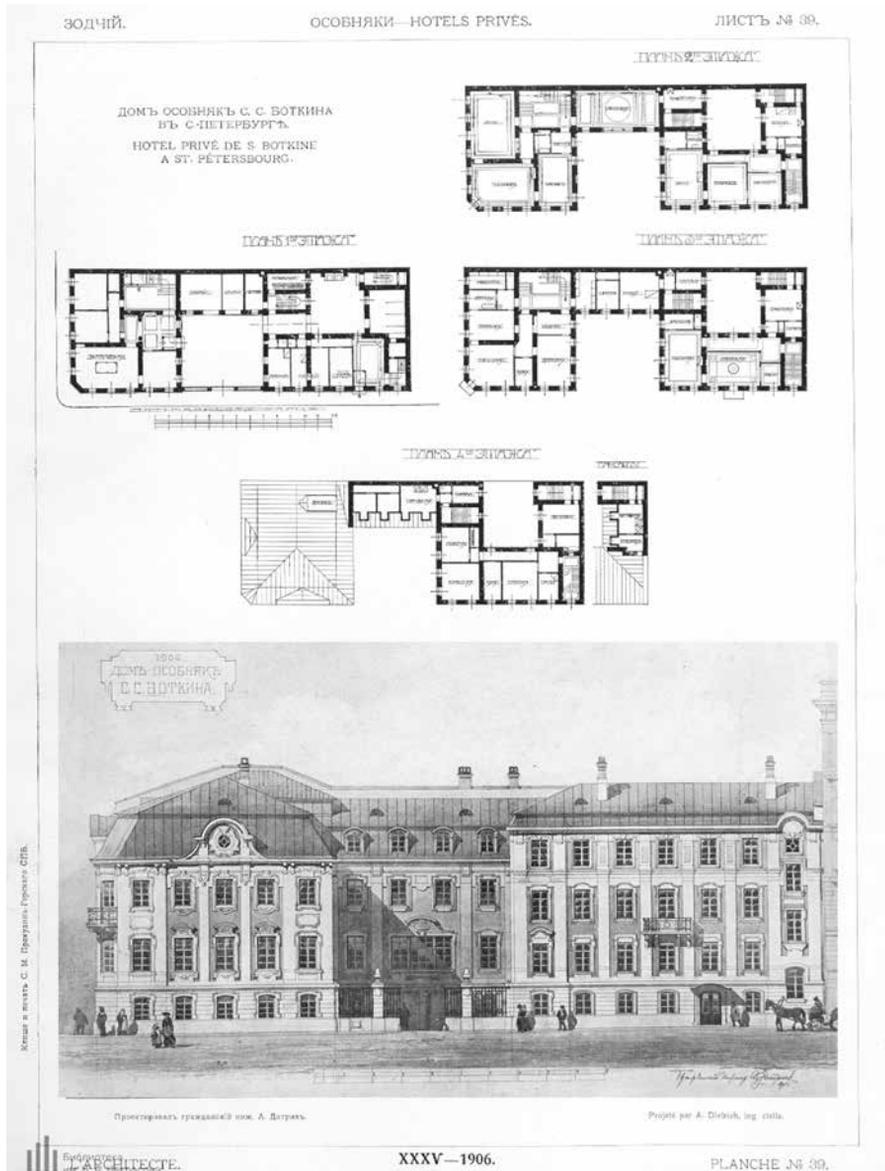
**ABOUT COLLECTIONS FROM S. S. BOTKIN'S HOUSE
IN PETROGRADE
(ACCORDING TO TSGALI OF SAINT-PETERSBURG)**

Abstract. In this article, which is based on the unpublished archival documents, there are results of the study on the history of the creation of palace museums after the October 1917 revolution in Petrograd. This process affected the S. S. Botkin's house with Olive's apartment. But it did not prevent the gradual withdrawal of the valuables that were located there from the transfer to the Russian Museum and the Hermitage in 1918. The role of S. S. Botkin's wife of Alexandra Pavlovna Botkina and A. N. Benois is clear, they attempted to preserve museum property from theft.

Keywords. Botkin, A. N. Benois, Olive, Potemkinskaya Street, Department of protection, collection.

Здание в Санкт-Петербурге, называвшееся «Дом С.С. Боткина» [ил. 1], расположено на углу улиц Потёмкинской и Фурштатской и имеет двойной номер 9/62. В 1903 году этот земельный участок был куплен

старшим сыном знаменитого врача С. П. Боткина – Сергеем Сергеевичем Боткиным (1859—1910), лейб-медиком, профессором Военно-медицинской академии, и его женой Александрой Павловной (1867—1959), урож-

Ил. 1. Дом-особняк С. С. Боткина. Воспроизведено по: Приложение к журналу «Зодчий». – 1906. – 6 августа. – №32. – Л. 39

дённой Третьяковой. Для новых хозяев в 1903–1906 годах по проекту А. И. Дитриха здесь был построен новый особняк. По желанию заказчиков здание было создано в стиле петровского барокко. С. С. Боткин был известен как коллекционер; за свою деятельность в области коллекционирования он был принят в действительные члены Императорской Академии Художеств. Каталоги начала XX века пестрели ссылками на его собрание. Его знаменитый в то время особняк называли «домом-музеем», так как он был наполнен всевозможными произведениями искусства, главным образом, произведениями русских художников XVIII–XX веков.

Жена Сергея Сергеевича Александра Павловна была дочерью П. М. Третьякова, основателя картинной галереи в Москве, была женщиной талантливой, знатоком искусства, увлекалась фотографией; состояла членом Попечительского совета Третьяковской галереи. После смерти С. С. Боткина коллекция картин перешла в её владение, и она сохраняла её неприкосновенной вплоть до конца 1917 года, когда передала большую часть коллекции на временное хранение в Русский музей. В 1925 году власти приняли окончательное решение о переводе этого собрания в собственность музея.

В семье росли две дочери: Александра Сергеевна (1891—1985), киноактриса и режиссёр, и Анастасия Сергеевна (1892—1942), бывшая женой коллекционера и издателя Ф. Ф. Нотгафта (1886—1942); погибла в блокаду.

В доме Боткиных проживали их близкие знакомые – семья Олив. Они также владели большой художественной коллекцией. В столице наиболее известен был Сергей Васильевич (Вильгельмович) Олив (1844—1909), генерал от кавалерии, главноуправляющий Ведомством учреждений императрицы Марии, почётный опекун, член Государственного совета, собиратель большей части имевшихся у семьи ценностей. Его дети: сын Михаил Сергеевич Олив (1881—1956, Мюнхен), кавалергард, в звании камер-юнкера Высочайшего Двора, и дочь Елизавета Сергеевна Олив² (1880—1937). Женой М. С. Олива была Елена Павловна Олив, урождённая Харитоненко (1879—1948, Париж), в первом браке княгиня Урусова.

В декабре 1918 года на заседании Совета Отдела по охране, учёту и регистрации памятников искусства и старины Наркомпроса РСФСР (далее Отдел охраны) говорилось о желательности проведения национализации «дома Боткина ввиду его высокой художественной ценности и имеющихся в нём собраний произведений искусства, как в квартире Боткина, так и Олив», что должно препятствовать их расхищению³. На необходимость ускорения его национализации указывали и в августе 1919 года, отмечая его «крупное художественное значение»⁴.

Принадлежавшее в прошлом Боткину здание новые власти относили к домам (особнякам)-музеям, что было подтверждено соответствующими распоряжениями Наркомпроса. Однако сведений о его музейной деятель-

ности сохранилось весьма немного. Так, в июле 1920 года сообщили, что «закончены работы по организации выставки в квартире Олив и её можно открыть в ближайшие дни»⁵. В начале 1921 года в квартирах Боткиных и Олив была открыта выставка художественных произведений XVIII века с картинами Робера, Буше, Левицкого, Щукина и других. В 1924 году музей был закрыт, имущество передано в Эрмитаж⁶.

Отметим, что 26 ноября 1923 года за подписью заведующего Государственного музейным фондом В. И. Ерыкалова в Петроградское отделение Главнауки было направлено следующее письмо: *«По ликвидации помещавшегося в доме Боткина собрания Олив и передаче этого дома в ведение Управления недвижимости Наркомпроса (теперь Управление дворцов-музеев) было предложено оставить одну небольшую квартиру, занятую состоящим с 1918 года на учёте и под охраной Отдела музеев собранием Боткиных, в безвозмездное пользование Анастасии Сергеевны Боткиной с матерью, принесшей в дар Эрмитажа и Русского музея лучшие вещи собрания, и принявшей на себя в течение четырёх лет значительную часть расходов по содержанию дома. Однако при передаче указанного дома Отделу коммунального хозяйства выполнить предложение о предоставлении А. С. Боткиной в бесплатное пользование квартирой оказалось невозможным. И она обратилась в Управление Музейного фонда с просьбой о предоставлении ей работы в одном из его учреждений, которая дала бы ей возможность дальнейшего содержания её собрания. Ввиду изложенного Управление Музейного фонда просит разрешения зачислить А. С. Боткину сверхштатной сотрудницей с зарплатой по 11-му разряду, что даст ей возможность оплачивать квартиру по тарифу для рабочих и служащих, а также утвердить прилагаемую ведомость на выдачу ей заработной платы за ноябрь месяц. При этом Управление Музейного фонда считает необходимым пояснить, что А. С. Боткина фактически работает в Управлении фонда с 15 октября по учёту и вывозу Придворно-служительской библиотеки, а также по исполнению других поручений, и её работа является весьма плодотворной. На этом документе имеется резолюция: «О зачислении А. С. Боткиной сотрудницей сверх штата»⁷.*

Имелось ещё одно письмо по данному вопросу, которое было написано, видимо, за несколько дней до указанного выше. Оно тоже было адресовано в Петроградское отделение Главнауки. В нём также излагается просьба оставить А. С. Боткиной одну небольшую квартиру в безвозмездном пользовании, «так как собрание б. Олив как музей ликвидировано и она остается без работы». Говорится о том, что она передала значительные ценности в Эрмитаж и Русский Музей, осуществляла охрану собрания и покрывала значительную часть расходов и т. д. «Если безвозмездно квартиру дать ей нельзя, то надо принять её на работу с оплатой»⁸. Автор этого письма или его проекта неизвестен. Но по духу его можно предпо-

ложить, что написал его А. Н. Бенуа. Во всяком случае, это, видимо, была как бы основа для указанного выше официального письма В. И. Ерыкалова.

Отметим, что в ряде последующих документов А. С. Боткина, действительно, упоминается в качестве сотрудницы, например, 12 января 1924 года⁹. Но, сколько времени ей что-то платили, сказать трудно.

Квартира Боткина

В отчёте о работе Совета Отдела охраны за декабрь 1918 года отмечалось, что произведена опись художественных ценностей, находившихся в доме Боткина¹⁰. И в дополнении к нему указывалось, что «зарегистрировано художественных предметов, находившихся в этом доме: картин 214, рисунков и гравюр 553, скульптур 20, ценной мебели 77»¹¹.

Сотрудник Отдела охраны В. Г. Мейен в начале 1919 года, «посетил особняк вдовы проф. С. С. Боткина по поводу перспектив изъятия её имущества»¹². В середине 1919 года сотрудниками Отдела охраны была произведена, как указывалось в документе, «опись вещей вдовы проф. С. С. Боткина (Потёмкинская ул., 9/62)»¹³. В связи с попытками кражи ценностей не раз обсуждался вопрос об «усилении наблюдения за сохранностью вещей в доме Боткина»¹⁴. Однако, число сторожей не увеличивалось.

В 1920 году поступило ходатайство Российской академии истории материальной культуры о передаче ей античных предметов дома С. С. Боткина, «составляющих ядро его коллекции»¹⁵. Решили эту просьбу удовлетворить, хотя и за несколько приёмов. В другом документе эта Академия просила предоставить ей несколько подобных предметов. На это ответили «что, так как и Эрмитаж желал их получить, то ещё предстоит выяснить, кому они являются более необходимы»¹⁶. Тогда же сообщили о «перевозке в Русский музей четырёх скульптур работы Трубецкого из дома Боткина»¹⁷.

В квартире Боткиной 24 июля 1922 года сотрудниками Отдела охраны было произведено новое обследование имущества. Взятые на учёт 24 картины, археологическая коллекция, три предмета мебели¹⁸. 18 августа этого года картины доставлены в Русский музей. «Остальное пока оставлено на месте под охраной управдома»¹⁹. Одиннадцатого мая 1923 года было вывезено по описи 54 номера имущества на склад Отдела охраны²⁰. Известно, что том же году имели место и многие другие перевозки «от Боткина» различных художественных ценностей. Так, 19 июля в Русский музей было доставлено неизвестное число предметов²¹, тогда же и в Эрмитаж какое-то их количество²²; 20 июля 1923 года состоялась перевозка в Эрмитаж примерно 20 предметов. Туда же перевозка 1 августа восьми предметов и шести в Русский музей; 28 июля доставка в Русский музей

«семи художественных предметов от А. С. Боткиной»²³. Двадцать первого июля 1924 года производилась оттуда же перевозка изразцов²⁴.

Заметим, что в составленном 3 августа 1927 года перечне лиц, вещи которых состояли на учёте Ленинградского отделения Государственного музейного фонда (всего 101 человек), была упомянута и А. П. Боткина по адресу Потёмкинская улица, 9²⁵.

Квартира Олив

Заметим, что имелся перечень иностранных представи-тельств в Петрограде в 1919 году, в котором среди помещений, относящихся к Бельгии, указывалась и «Потёмкинская ул., 9 (собрание Олив)»²⁶.

В начале 1919 года сотрудник Отдела охраны В. Г. Мейен вёл переговоры с комиссаром дома Боткиной «о передаче части помещений Бельгийскому посольству»²⁷. Позднее в том же году из Отдела было направлено письмо в ЧК, в котором отмечалось, что его представители наложили печати на помещения, в которых сотрудники указанного отдела должны производить обследования. И, в частности, указывалась квартира Олив на Потёмкинской ул., 9²⁸. Видимо это не нашло должного ответа. И тогда снова писали в Чрезвычайную комиссию 21 июня 1919 года в уже более пространном виде. В нём указывалось, что «на основании общего декрета об учёте имущества, имеющего художественно-историческое значение, а также в силу постановления Петроградского Исполкома от 2 июня 1919 года, предметы искусства и старины, находящиеся в помещениях под иностранными флагами, подлежат регистрации, учёту и охране нашим Отделом. Поэтому обращаемся в Чрезвычайную комиссию с просьбой об открытии нашим сотрудникам доступа в те квартиры для осмотра, которые были опечатаны сотрудниками ЧК. Необходимость для Отдела с особым вниманием отнестись к указанным помещениям обосновывается тем, что в некоторых из них, например, в квартире Олив (Бельгийское консульство), находятся весьма ценные предметы, требующие особого тщательного подхода»²⁹. В середине 1919 года снова обращались в Чрезвычайную комиссию с просьбой о снятии печатей, теперь уже не со всей квартиры Олив, но только с некоторых помещений³⁰, в которых находятся «наиболее уникальные художественные предметы»³¹.

Позднее, но также в 1919 году, было направлено письмо из Отдела охраны в Центральную комиссию по жилищным делам (Караванная ул., 9), в котором писалось что «помещения, находящиеся под иностранными флагами, от ЧК переданы в ведение Вашей комиссии». В связи с этим просили разрешить осмотр помещений в ряде домов, в том числе по «Потёмкинской улице, 9, где находится квартира Олив»³².

На ряде заседаний Совета Отдела охраны говорили о трудных условиях существования культурных ценностей в этой квартире, что особен-

но отражалось на собрании картин. В связи с этим указывали на необходимость реставрации одной из них³³. В середине 1920 года на заседании этого Совета указывалось на необходимость усиленной охраны имущества квартиры Олив ввиду его особой художественной ценности «в связи с имевшими место попытками покушения на его целостность»³⁴. В 1921 году в перечне перевозок изымаемых вещей была упомянута и квартира Олив³⁵. В мае 1923 года было принято решение приступить к ускоренному вывозу её художественного собрания в Русский музей, Эрмитаж и на склад Государственного музейного фонда³⁶.

Имеются сведения об интенсивных перевозках изъятых ценностей в тот период. В отношении квартиры Олив это выглядит следующим образом: в 1922 году между 20 и 26 июля два дня на подводах возили в Эрмитаж неизвестное число предметов³⁷, между 10 и 16 августа так же перевозили вещи в Эрмитаж³⁸, между 18 и 24 октября – перевозки на склад Государственного музейного фонда³⁹. В 1923 году 4 и 15 мая доставляли вещи в Эрмитаж, 16 мая в Русский музей⁴⁰, 18, 22 и 23 мая в Эрмитаж⁴¹. При этом поступило заявление сотрудника Отдела о том, что «при перевозке 18 мая вещей из квартиры Олив по дороге потеряна приклеенная рука к статуе работы Буазо. И, несмотря на все розыски, таковой не нашли»⁴². Затем, в том же году, были перевозки в Эрмитаж: 5 и 6 июня⁴³, 7, 8 и 9 июня⁴⁴. Сообщалось, что «20 июля 1923 года была произведена перевозка в Эрмитаж 81 предмета из собрания Олив»⁴⁵. Указывалось в отчёте, «что сотрудница Отдела С. Е. Лурье с 15 июня по 15 июля 1923 года руководила работой по переноске художественных предметов из дома Олив»⁴⁶.

В целом, наиболее крупные перевозки предметов из этого собрания отмечались в период с 1 марта по 1 сентября 1923 года⁴⁷. Так, по сообщению сотрудника Государственного музейного фонда, в 1923 году передано непосредственно, минуя склад Отдела охраны, из собрания Олив в Эрмитаж 1171 предметов, на склады Государственного музейного фонда 100, в Русский музей 34, во дворец Строганова 7 предметов⁴⁸.

В 1923 году поступила просьба музея общества «Старый Петербург» о передаче ему четырёх картин с видами столицы «из дома Олив». Её рассмотрели на заседании Совета Отдела охраны и решили удовлетворить⁴⁹. Но при этом сообщили, что данные картины к собранию Олив не относятся, только среди его предметов находятся, а входят в состав собрания Горчакова⁵⁰. Выходит, что были поступления со стороны, хотя об этом больше сведений нет.

Доклад А. Н. Бенуа

В заключение этой статьи полностью приведём текст доклада А. Н. Бенуа на заседании Совета Отдела охраны. В нём художник предста-

ёт не только как глубокий знаток искусства, но и как борец за сохранение имущества дворцов-музеев в Петрограде, в данном случае, «Собрания Олив».

«На заседании 1 июля 1922 года Комиссией по обследованию дворцов музеев и особняков мне было поручено составить характеристику собрания Олив, находящегося в этом доме, где имеются коллекции С. С. и А. П. Боткиных. Оба собрания имеют то общее, что они отражают художественные увлечения, типичные для наиболее культурного общества Петербурга первых десятилетий XX века. Хотя оба собрания содержат целый ряд первоклассных произведений искусства, однако они отличаются ещё и тем, что это не столько собрания коллекций, сколько обстановки. Предметы приобретались не с целью составить поучительный комплекс однородных вещей и иллюстрировать то или иное явление художественного творчества в подборе психологических явлений, а с тем, чтобы приобретаемое составляло одно прекрасное целое, в котором можно было жить.

Оба собрания имеют ещё и то общее, что они отражают не только личные вкусы владельцев, но и вкусы целого кружка лиц: художников, учёных знатоков и любителей, группировавшихся вокруг редакций «Мира искусств» и «Старых годов». Почти каждая вещь приобреталась как бы сообща всем кружком по обстоятельному обсуждению того, насколько оно является добавлением к уже существующему ансамблю, а не нарушает его гармонии. Таким образом и создавались целые коллекции: прелестная столовая в духе Петровского времени, крошечный будуар, целиком перевезённый из какой-то Екатерининской усадьбы, другая столовая, в которой особую ноту даёт трельяж XVIII века (это три комнаты на половине Боткиных), столовая, украшенная громадными перспективами Канальетто⁵¹, кабинет, дубовые стены которого вывезены из Франции, малиновая гостиная с её роскошным потолком, со шпалерой XVII века и драгоценной штофной обивкой, белая гостиная, украшенная по одной стене шпалерой по картону Вернанзеса (?), по другой Гюбер Робера (четыре последних комнаты из половины Олив). Вся обстановка в этих помещениях: мебель, картины, малейшие подробности убранства сопоставлены в строгом соответствии со стилем избранной эпохи. И можно смело утверждать, что по сгармонизованности своих частей, обе эти квартиры, Боткиных и Олив, не имеют себе равных в России, да и немного таких найдётся на Западе.

В свою очередь, то обстоятельство, что здесь созидалось из старого всё вновь, и к тому же должно было служить жизненным потребностям, что здесь люди не только удовлетворяли свою коллекционерскую фантазию, но заботились, чтобы вся эта отжившая «красота» снова стала бы служить жизни (это стремление в равной степени сказывалось и у Олив,

и у Боткиных), что на этих стульях и за этим столом действительно протекала жизнь в высшей степени культурных и страстно заинтересованных прошлым людей – всё это наложило особую печать на обе обстановки и дало им ту теплоту, ту целостность, которых нельзя добиться в условиях музейного строительства.

Отметив аналоги, не надо забывать и об оттенках, отличавших эти два столь близких по духу собрания. В собрании Боткиных имеются, наряду с русскими вещами и иностранные, наряду со старыми и новые (собственно, хозяева были слишком живыми людьми, чтобы ограничивать себя одной эпохой или одним интересом к отечественному). С другой стороны, у Олив на фоне иностранного характера вещей, попадаетея немало русских первоклассных, а рядом с Буше и Левицким, мы находим и Серова. Всё же, если общей формулировкой характеризовать соседствующие и прикрываемые одной кровлей собрания, то можно сказать, что Боткинская [коллекция] является преимущественно русской, тогда же как собрание Олив – преимущественно западным.

Может быть, следовало бы, руководствуясь предназначениями бывших владельцев, произвести некоторые реформы в пределах обоих собраний. Так, например, является соблазн в случае объединения обеих частей в одно музейное хозяйство, произвести некоторые перестановки, благодаря которым была бы достигнута большая стилистическая выдержанность. Так, картины Левицкого и Никитина могли бы быть переданы в Боткинскую половину, а, наоборот, можно было бы перенести в половину Олив всё, что носит определённо западный характер, например, монументальную голову Баунского портрета [?]. Но какие бы ни проводились детальные изменения этих собраний, необходимо сохранить их в целостности и на том месте, где они находятся. К этому обязывает уже вся недвижимая часть ансамбля, специально для них созданные «рамки» – а, именно, конечно, потолки, обивки названных выше комнат. Одна из них является первоклассным сама по себе памятником европейского декоративного искусства в один из периодов его наивысшего расцвета. Но и «движимые» предметы этих собраний, будучи ценны сами по себе, ценны ещё в своей совокупности и, конечно, расположенные в том самом порядке, в котором они представлены. Самый этот порядок отражает в высшей степени изощрённый вкус русского общества, если и замкнутого, то всё же являющегося не последним в ряду культурных факторов. Художественными произведениями полны обе эти квартиры. Но и сами они представляют из себя художественные и культурно-исторические памятники, вообще не поддающиеся переносу без ущерба для целостности сложившегося ансамбля. А в настоящее время и самые лёгкие операции этого порядка не выполнимы в силу одних только технически непреодолимых трудностей. В частности, снятие со стен кабинета Олив барельефов и гобеленов и пе-

ренос их в другое место были бы сопряжены с неминуемой порчей этого выдающегося европейского памятника и обошлись бы в такую громадную сумму, по сравнению с которой расходы по охране обеих собраний при их оставлении на месте покажутся совершенно незначительными. О том, как эту охрану организовать, должен высказаться Н. Е. Лансере. Член Комиссии Александр Бенуа. 17 июля 1922 г.»⁵².

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Интересно, что автор данной статьи не раз бывал в этом здании в 1960–1970-х годах, так как там жила его двоюродная сестра Надежда Михайловна Гессен, мужем которой был известный в своё время экономгеограф Марк Борисович Вольф. Но, напуганный арестом в 1938 году, пытками в застенках НКВД и фактической высылкой из Ленинграда в 1948 году в Красноярск, из которой он вернулся только в 1953 году, он, на всякий случай, потом боялся всяких «опасных» тем, никогда не говорил о прошлом здания в котором жил, и, которое, несомненно, хорошо знал, о том, как он получил в нём свою квартиру и т. д.
- ² Весь Петроград на 1917 год. – Пг., 1917. – С. 503/3; Незабываемые могилы. – 2004. – Т. 5. – С. 221, 222. Другие представители этой фамилии в Петрограде жили на Фурштатской ул., 12 и на Миллионной, 27.
- ³ ЦГАЛИ СПб. Ф. 36. Оп. 1. Д. 37. Л. 60.
- ⁴ Там же. Д. 36. Л. 21.
- ⁵ Там же. Д. 65. Л. 39. О созданных большевиками дворцах (особняках)-музеев и о судьбе их имущества см. В. Ю. Гессен. Культурная революция по-большевистски в Петрограде–Ленинграде (октябрь 1917 – 1929) // Клио. – 2014. – № 4. – С. 88–92; № 5. – С. 77–94.
- ⁶ Режим доступа: Электронный ресурс <http://walkspb.ru/zd/potem9.html>.
- ⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 134. Л. 60.
- ⁸ Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 134. Л. 61.
- ⁹ Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 379а. Л. 55.
- ¹⁰ Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 397. Л. 5.
- ¹¹ Там же. Л. 12.
- ¹² Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 269. Л. 9.
- ¹³ Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 8. Л. 50.
- ¹⁴ Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 81. Л. 32.
- ¹⁵ Там же. Л. 48.
- ¹⁶ Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 65. Л. 44.
- ¹⁷ Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 379 а. Л. 268.
- ¹⁸ Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 363 а. Л. 549.
- ¹⁹ Там же. Л. 551.
- ²⁰ Там же. Л. 550.
- ²¹ Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 160. Л. 46.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 160. Л. 48; Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 379 а. Л. 22.
- ²⁴ Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 379а. Л. 268.

- 25 Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 374. Л. 29.
26 Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 339. Л. 6.
27 Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 269. Л. 15.
28 Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 339. Л. 4. Отметим, что Чрезвычайная комиссия накладывала свои печати на помещения всех иностранных представительств в Петрограде.
29 Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 339. Л. 8.
30 Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 160. Л. 48; Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 379 а. Л. 22.
31 Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 37. Л. 58.
32 Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 339. Л. 5.
33 Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 36. Л. 31.
34 Там же. Л. 41.
35 Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 379 в. Л. 21.
36 Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 156. Л. 5.
37 Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 125. Л. 36.
38 Там же. Л. 42.
39 Там же. Л. 59.
40 Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 160. Л. 29.
41 Там же. Л. 31.
42 Там же. Л. 33.
43 Там же. Л. 35.
44 Там же. Л. 36.
45 Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 379 а. Л. 22.
46 Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 379 а. Л. 29.
47 Там же. Л. 33.
48 Там же. Л. 7.
49 Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 81. Л. 41.
50 Там же. Ф. Р-36. Оп. 1. Д. 65. Л. 37.
51 Джованни Антонио Каналь, известный также под именем Каналетто (1697—1768) – итальянский художник, глава венецианской школы ведутистов.
52 ЦГА СПб. Ф. 2555. Д. 157. Л. 74.

Т. И. ГАНФ

(Петровская академия наук и искусств; Санкт-Петербург)

В. С. НИКИФОРОВ

(ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова» Минздрава России; Санкт-Петербург)

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ И ВЫСТУПЛЕНИЯ ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВИЧА БОТКИНА

Аннотация. Впервые в историографии произведена попытка собрать все научные выступления и публикации выдающегося врача, лейб-медика семьи последнего российского императора Евгения Сергеевича Боткина (1865—1918). Научные публикации представлены в хронологическом порядке до 1910 года включительно, с указанием повторных изданий.

Ключевые слова. Е. С. Боткин, история медицины, клиническая медицина, научные публикации.

T. I. GANF

(Peter's Academy of Sciences and Arts; Saint Petersburg)

V. S. NIKIFOROV

(North-western State Medical University named after I. I. Mechnikov; Saint Petersburg)

SCIENTIFIC PUBLICATIONS AND SPEECHES OF EVGENY SERGEEVICH BOTKIN

Abstract. At first time in historiography, there was an attempt to collect all the scientific speeches and publications of Evgeny Sergeevich Botkin (1865—1918), which was an outstanding doctor and a court physician of the family of the last Russian Emperor. The scientific publications are presented in chronological order until 1910, inclusive, with the indication of re-publications.

Keywords. E. S. Botkin, history of medicine, clinical medicine, scientific publications.

Жизнь Евгения Сергеевича Боткина (1865—1918) – лейб-медика последнего российского императора, была чрезвычайно насыщенной событиями. Талантливый врач, по примеру своего отца (Сергея Петровича Боткина) и старшего брата (Сергея Сергеевича Боткина), Е. С. Боткин вёл активную научную и общественную деятельность.

В 1900 году Евгений Сергеевич стал одним из основателей (членом-учредителем) Санкт-Петербургского врачебного Общества взаимной помощи. В дальнейшем он неоднократно избирался в Совет Общества, был его секретарём, председателем и казначеем. 31 декабря 1914 года Е. С. Боткин был избран членом Совета Императорского Человеколюбивого общества и руководителем Медико-филантропического комитета, а в сентябре 1915 года – вошёл в число учредителей Общества здравниц в память войны 1914–1915¹.

Важными научными публикациями Е. С. Боткина, позволяющими достаточно полно судить о сфере его научных интересов, являются диссертация на степень доктора медицины «К вопросу о влиянии альбумоз и пентонов на некоторые функции животного организма», которую он успешно защитил в 1893 году и посвятил своему отцу – Сергею Петровичу Боткину, а также ряд опубликованных статей-докладов на Больничном совещании врачей Мариинской больницы и Обществе русских врачей в память Н. И. Пирогова². Кроме того, в этот период Евгением Сергеевичем были опубликованы отчёты о его заграничной командировке в медицинские учреждения Германии, так же доложенные на Больничном совещании врачей Мариинской больницы.

Помимо научных заседаний, Е. С. Боткин, наряду с его братом С. С. Боткиным, принимал активное участие в съездах научных обществ.

На V Съезде Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова, проходившем в Петербурге, Е. С. Боткин выступил 31 декабря 1893 года в ходе дискуссии по докладу приват-доцента В. Ф. Якубовича «К учению о посмертной температуре и сущности лихорадки у детей». Его корректное дополнение по «весьма интересному сообщению» вопроса «чрезвычайной важности» позволило разъяснить позицию докладчика³.

Е. С. Боткин был в числе участников XII Международного съезда врачей, проходившего в Москве 7–14 августа 1897 года⁴. Съезд показал успехи, достигнутые российской медициной, её высокий научный потенциал и способствовал укреплению научных связей между отечественными и зарубежными учёными. Присутствовавший на этом съезде выдающийся учёный-патолог Рудольф Вирхов обратился к присутствующим: «Учитесь у русских!».

Е. С. Боткиным был сделан доклад на XI съезде русских естествоиспытателей и врачей, проходившем в Петербурге 20–30 декабря 1901 года. Дневник съезда, изданный под редакцией Б. К. Поленова в 1902 году, сохранил тезисы этого выступления: «Е. С. Боткин изложил ход исследований по морфологии белого шарика крови за последние десятилетия и описывал изменения, претерпевавшиеся белым шариком после его смерти: полное растворение шарика в плазме крови и последовательные измене-

ния сыворотки её, требующие тонких химических исследований и сочетанной работы химиков и гистологов»⁵.

Доклад на тему «Красный Крест на русско-японской войне 1905–1905 годов в районе Действующей армии» Е. С. Боткин сделал 12 декабря 1906 года на торжественном заседании Общества русских врачей, посвящённом памяти С. П. Боткина. Им было проанализировано оказание медицинской помощи в ходе русско-японской войны, что имело важное значение для военной медицины того времени. Особую ценность в его выступлении имел взгляд непосредственного участника боевых действий. Текст доклада, напоминающий стенографическую запись, был опубликован в «Известиях Императорской Военно-медицинской академии» в разделе «Хроника» в 1907 году⁶. Публикацию этого выступления Е. С. Боткина можно рассматривать в качестве важного дополнения к его книге «Свет и тени русско-японской войны». И хотя последняя по своему жанру, скорее, относится к художественно-публицистической литературе, тем не менее, наряду с опубликованными письмами с фронта русско-турецкой войны (1877–1878) его отца С. П. Боткина («Письма из Болгарии»)⁷, книга Е. С. Боткина «Свет и тени русско-японской войны» является важным документом эпохи, отражающим не только гражданскую позицию, но и научно-практические взгляды автора как военного врача.

После утверждения Е. С. Боткина в должности приват-доцента Военно-медицинской академии, в его научной деятельности важное место заняла работа с молодыми учёными в качестве цензора диссертаций: А. Л. Степанова (1900 год), В. В. Преображенского (1900 год), А. Н. Сиротина (1904 год), В. Ф. Симоновича (1904 год), Г. П. Гладина (1905 год), К. Ю. Бергмана (1905 год), В. А. Барыкина (1906 год) и других. Один из диссертантов, И. И. Манухин, рассказал об участии в разработке темы о роли лейкоцитоза в иммунной системе старшего брата – профессора Сергея Сергеевича Боткина, а после его безвременной скоропостижной кончины в январе 1910 года – Евгения Сергеевича Боткина⁸. Следует отметить, что Е. С. Боткин активно поддерживал научные исследования И. И. Манухина. На одном из заседаний Общества русских врачей в Санкт-Петербурге, где был представлен доклад И. И. Манухина «Лечение заболевания заразных болезней лейкоцитозом, вызываемым освещением селезенки рентгеновскими лучами», Е. С. Боткин высказал мнение, что: *«Способ является результатом долгих и кропотливых исследований, вызванных определённой идеей, которую он (Боткин) считает блестяще оправдавшейся»*.⁹

Ниже представлена хронология научных публикаций Е. С. Боткина.

1893

– *Боткин Е. С.* К вопросу о влиянии альбумоз и пентонов на некоторые функции животного организма. Дис. на степ. д-ра мед. лекаря Евгения Боткина. – СПб.: типография т-ва «Обществ. польза», 1893. – 79 с. (Серия диссертаций, допущенных к защите в Императорской Военно-Медицинской академии в 1892–1893 учебном году, № 67).

1894

– *Боткин Е. С.* О растворимости белых кровяных шариков в пентоне: Сообщено в Больничном совещании врачей Мариинской больницы для бедных 27 апреля 1894 г.: Экспериментальное исследование из Мариинской больницы для бедных. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1894. – 12 с.

Напечатано также в: Сборник трудов врачей Санкт-Петербургской Мариинской больницы для бедных. – СПб., 1895. – Вып. 3. – С. 38–49; Оттиск из «Больничной газеты Боткина». – 1894. – № 22.

1895

– *Боткин Е. С.* Об отитах при брюшном тифе: Сообщено в Больничном совещании врачей Мариинской больницы для бедных (женское отделение) 26 октября 1894 г. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1895. – 17 с.

Напечатано также в: Сборник трудов врачей СПб Мариинской больницы для бедных. – СПб., 1895. – Вып. 3. – С. 196–212; Оттиск из «Больничной газеты С. П. Боткина». – 1895.

– *Боткин Е. С.* О лейкоцитозе: Сообщено в Больничном совещании врачей Мариинской больницы для бедных 22 марта 1895 г. и Обществе русских врачей в память Н. И. Пирогова 06 апреля 1895 г. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1895. – 17 с.

Напечатано также в: Сборник трудов врачей СПб Мариинской больницы для бедных. – СПб., 1896. – Вып. 4. – С. 7–23; Оттиск из «Больничной газеты С. П. Боткина». – 1895.

– *Боткин Е. С.* О «generatio metamorphotica quausi spontanea» ван Ниссена: Сообщено в Совещании врачей Мариинской больницы для бедных 28 октября 1895 г. и в Обществе русских врачей в память Н. И. Пирогова 16 ноября 1895 г. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1895. – 12 с.

Напечатано также в: Сборник трудов врачей СПб Мариинской больницы для бедных. – СПб., 1896. – Вып. 4. – С. 62–73; Оттиск из «Больничной газеты Боткина». – 1895.

1896–1898

– *Боткин Е. С.* Из отчёта за первое полугодие заграничной командировки: Сообщено в Больничном совещании врачей Мариинской больницы для бедных 28 октября 1895 г. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1896. – 45 с.

Напечатано также в: Сборник трудов врачей СПб Мариинской больницы для бедных. – СПб., 1896. – Вып. 4. – С. 74–113; Оттиск из «Больничной газеты Боткина». – 1896.

– *Боткин Е. С.* Из отчёта за второе полугодие заграничной командировки: Сообщено в Совещании врачей Мариинской больницы для бедных 4 мая 1896 г. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1896. – 10 с.

Напечатано также в: Сборник трудов врачей СПб Мариинской больницы для бедных. – СПб., 1898. – Вып. 5. – С. 12–21; Оттиск из «Больничной газеты Боткина». – 1896.

– *Боткин Е. С.* Из больничной казуистики: Сообщено в Совещании врачей Мариинской больницы для бедных 2 ноября 1896 г. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1896–1897. – 2 т.: Два случая злокачественных новообразований с применением *extracti chelidonii majoris*. – 1896. – 9 с.; Два случая Аддисоновой болезни. – 1897. – 11 с.

Напечатано также в: Сборник трудов врачей Мариинской больницы для бедных. – 1898. – Вып. 5. – С. 22–41. Оттиск из «Больничной газеты Боткина». – 1896.

– *Боткин Е. С.* О клиническом применении форм растворения белых шариков крови: Первая пробная лекция на звание приват-доцента Императорской Военно-медицинской академии / доктора Е. С. Боткина, приват-доцента. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1898. – 24 с.

Напечатано также в Сборнике трудов врачей Мариинской больницы для бедных. – СПб., 1898. – Вып. 5. – С. 151–174. Оттиск из «Больничной газеты Боткина». – 1897.

– *Боткин Е. С.* Больные в больнице. Вступительная лекция, читанная в Военно-медицинской академии студентам 3-го курса 18 октября 1897 г. / Приват-доцента Е. С. Боткина. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1898. – 16 с.

Напечатано также в: Оттиск из «Больничной газеты Боткина». – 1897.

1903

– *Боткин Е. С.* Что значит «баловать больных»? // Вестник С.-Петербургского врачебного общества взаимной помощи. – 1903. – № 4. – С. 249–257.

1907

– *Боткин Е. С.* Красный Крест на русско-японской войне 1904–1905 гг. в районе Действующей армии // Известия ВМА. – 1907. – Т. 14. – № 4. – Апрель. – С. 374–402.

1908

– *Боткин Е. С.* Свет и тени русско-японской войны 1904–5 гг.: (Из писем жене) // Вестник Европы. – 1908. – Т. 1. – Кн. 1 (январь). – С. 54–85; Т. 1. – Кн. 2 (февраль). – С. 531–560; Т. 2. – Кн. 3 (март). – С. 5–38.

Эти эже письма вышли отдельным изданием: *Боткин Е. С.* Свет и тени Русско-японской войны 1904–1905 гг.: (Из писем к жене). – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1908. – iv, 95 с.

1910

– *Боткин Е. С.* В. Н. Сиротинин. Краткий биографический очерк. – СПб.: типография «Я. Трей», 1910. – 11 с.

Напечатано также в: Оттиск из «Русского Врача». – 1910. – № 51.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Ганф Т. И., Никифоров В. С.* Даты жизни и деятельности Евгения Сергеевича Боткина // Исторические Боткинские чтения. – СПб.: СПбГМИСР, 2017. – С. 143–151.
- ² *Никифоров В. С.* Личность Евгения Сергеевича Боткина и его врачебная и научно-практическая деятельность // Материалы научно-исторических чтений, посвящённых 149-летию со дня рождения лейб-медика Евгения Сергеевича Боткина (1865—1918). – СПб.: КультИнформПресс, 2014.
- ³ Труды V Съезда Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова, изданные правлением V Съезда в С.-Петербурге. – СПб.: типография Министерства путей сообщения, 1894. – Т. 1. – С. 337.
- ⁴ XII Международный съезд врачей. Москва. 1897: Альбом. – М.: Издание В. Чеховского, 1899.
- ⁵ Дневник XI-го Съезда русских естествоиспытателей и врачей в С.-Петербурге (20–30 декабря 1901 года), издаваемый Распорядительным комитетом Съезда под ред. Б. К. Поленова. – СПб., 1902. – С. 513.

- ⁶ Боткин Е. С. Красный Крест на русско-японской войне 1904–1905 гг. в районе Действующей армии // Известия ВМА. – 1907. – Т. 14. – №4. – Апрель. – С. 374–402.
- ⁷ Письма С.П. Боткина из Болгарии 1877 г. – СПб.: типография М.М. Стасюлевича, 1893.
- ⁸ Манухин И. И. О лейкоцитозе: Диссертация на степень доктора медицины И.И. Манухина / Из Академической терапевтической клиники покойного проф. С.С. Боткина. – СПб.: типография. А.С. Суворина, 1911. (Серия докторских диссертаций, допущенных к защите в Императорской Военно-медицинской академии в 1910–1911 учебном году. – № 68).
- ⁹ Заседание Общества русских врачей в Санкт-Петербурге, от 02.02.1914 г. // Русский врач. – 1914. – С. 625.

В.Л. МЕЛЬНИКОВ

(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ПРОИЗВЕДЕНИЯ НИКОЛАЯ РЕРИХА У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СЕМЬИ БОТКИНЫХ

Аннотация: Статья посвящена выяснению вопроса о том, в какой мере представители семьи Боткиных были вовлечены в собирательство картин известного русского художника Н. К. Рериха, попадали ли в семью Боткиных его произведения как дары или они были приобретены на выставках. В исследовании автор использовал данные из Архива Государственного Эрмитажа, Отделов рукописей Государственного Русского музея и Государственной Третьяковской галереи, Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов, других российских и западных музейных и частных собраний.

Ключевые слова: Н. К. Рерих, И. С. Остроузов, М. П. Боткин, Н. П. Остроухова, М. П. Боткина, А. С. Боткина, Ф. Ф. Нотгафт, Щукины, история искусства, история России, коллекции, коллекционеры.

V. L. MEL'NIKOV

(The Saint-Petersburg Roerich family Museum; Saint-Petersburg)

N. K. ROERICH'S WORKS FROM THE REPRESENTATIVES OF THE BOTKIN'S FAMILY

Abstract: The article is dedicated to ascertainment the question of what measure the representatives of the family of Botkin were involved in gathering the painting of famous Russian artist N. K. Roerich, were his works gotten to the Botkin family as gifts or they were acquired from exhibitions. In the study the author used data from Archive of State Hermitage Museum, Manuscripts departments of State Russian Museum and State Tretyakov Gallery, Saint-Petersburg State Roerich Family Museum, and from another Russian and Western museums and private collections.

Keywords: N. K. Roerich, I. S. Ostroukhov, M. P. Botkin, N. P. Ostroukhova, M. P. Botkina, A. S. Botkina, F. F. Notthaft, Shchukins, history of art, Russian history, collections, collectors.

Вот уже более 15 лет Музей-институт семьи Рерихов располагает в бывшем особняке М. П. Боткина, что неизбежно приводит к более глубокому изучению связей семей Рерихов и Боткиных на поприще культуры и искусства. В данной статье мы попробуем затронуть вопрос о бытовании картин Николая Константиновича Рериха (1874—1947) у представителей семьи Боткиных.

МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ БОТКИН (1839—1914)

Много лет считалось, что у самого близкого к Н. К. Рериху представителя семейства Боткиных – художника М. П. Боткина – хранилось его произведение. На эту ошибку впервые обратила внимание к. и. н., с. н. с. СПбГМИСР Е. В. Бакалдина, более тщательно изучившая все прижизненные списки произведений Н. К. Рериха.

В текстах 1999 и 2007 годов автор этих строк утверждал, что в собрании М. П. Боткина находилась картина Н. К. Рериха «*Перед боем*» (1900)¹, в 2017 году повторил данную информацию, уточнив, что произведение «*Перед боем*» выполнено гуашью². Но если мы внимательно посмотрим на страницы перечней произведений Н. К. Рериха, составленных А. П. Ивановым³, В. Н. Левитским⁴ и С. Р. Эрнстом⁵, то везде увидим в качестве владельца не М. П. Боткина, а М. П. Боткину. Наша ошибка возникла от убеждённости в том, что в англоязычных прижизненных перечнях дана точная калька имени М. П. Боткина, как, например, в монографии “Roerich. Himalaya” 1926 года: *Before the Battle, M. P. Botkin*⁶. Но авторы и редакторы изданных в США монографий скорее могли совершить ошибку перевода, чем близко знакомые с Н. К. Рерихом авторы, его соотечественники, допустить опisku. Теперь это очевидно. Об этом свидетельствует и тот факт, что Н. К. Рерих лично правил гранки перечня, составленного С. Р. Эрнстом, и в этих гранках стоит: *Перед боем. Гуашь. М. П. Боткина*⁷.

Свидетельствует ли отсутствие в собрании М. П. Боткина произведений Н. К. Рериха в пользу того, что его творчество было чуждо коллекционеру? Отчасти, да. В своих воспоминаниях Николай Константинович, с 1910 года возглавивший объединение «Мир искусства», приводит недвусмысленные свидетельства об этом: «Не только М[ихаил] Боткин, но и большинство членов Академии искали случая, чтобы обругать “Мир искусства”. Из-за этой ненависти разошёлся я с Собко...»⁸. В листе дневника «“Мир искусства”» (1939) он вспоминает о том же самом непреодолимом неприятии: «Главное негодование исходило из Академии художеств, и разгневанный М[ихаил] Боткин кричал, что “выставку [«Мир искусства»] нужно сжечь»⁹. Впрочем, сам факт того, что осенью 1902 года М. П. Боткин уговаривал Н. К. Рериха, тогда уже секретаря Императорского Общества поощрения художеств (ИОПХ), не участвовать в деятельности «Мир искусства», говорит, скорее, о равнодушии к нему более опытного и известного художника, чем о полной взаимной антипатии. Николай Константинович внял советам М. П. Боткина лишь частично: от членства в «Мире искусства» на тот момент отказался, но дал согласие участвовать в выставке 1902 года¹⁰. В самом начале Н. К. Рерих очень хотел «разойтись» с М. П. Боткиным, но не смог: нужно было строить карьеру в ИОПХ. Пришлось мириться. Об

этом Николай Константинович писал в письме к своей невесте, Елене Ивановне Шапошниковой, что называется, по горячим следам: «Сейчас был в Обществе. Сказали мне, что Боткин вернулся, и стало на душе скверно, ибо, значит, на днях начнём наши занятия по каталогу¹¹, т. е. опять придётся притворяться, быть приторно любезным с человеком, которого ненавидишь, а это так тягостно, так томительно» (8 июля 1900)¹². Спустя десятилетия возникла более развёрнутая и выстраданная самой жизнью характеристика: «Не буду таить, что Михаил Петрович Боткин в своё время доставил мне немало забот и хлопот. Шестнадцать лет потребовалось прежде, чем мы вполне сжились в работе, но и его вспоминаю всегда очень сердечно. В нём оставались черты воспоминаний Иванова и Гоголя. Сам он напоминал

нам чем-то Ивана Грозного, а его страсть к собирательству примиряла с другими чертами характера. Во всяком случае, в конце концов, мы растались с ним большими друзьями. Если Куинджи учил одним сторонам жизненной борьбы, то и М. П. Боткин, со своей стороны, вольно и невольно закалял волю и осмотрительность» (17 декабря 1934)¹³. Уже с 1904 года М. П. Боткин и Н. К. Рерих вместе работали в Редакционном совете ежемесячного иллюстрированного сборника «Художественные сокровища России», издаваемого в Санкт-Петербурге ИОПХ; между ними установились ровные и деловые отношения. В письмах к Ф. В. Богданову-Березовскому¹⁴ и С. С. Митусову¹⁵ Н. К. Рерих постоянно передавал М. П. Боткину «поклоны». Сохранилось открытое письмо М. П. Боткина Н. К. Рериху

Ил. 1. Воспроизведение рисунка Н. К. Рериха «Человек с рогом» (1900) из собрания С. С. Боткина. Воспроизводится по: Эрнст С. Р. Н. К. Рерих. – Пг.: Изд. Общины Св. Евгении, 1918

от 28 октября 1913 года, в котором тот выражал искреннее соболезнование всему семейству Рерихов по поводу смерти Екатерины Васильевны Шапошниковой, матери Е. И. Рерих, умершей, не дожив менее двух месяцев до своего 56-летия¹⁶.

«Дорогой и многоуважаемый Николай Константинович.

Хотя смерть была наградой, но всё-таки тяжело вспомнить, что нет любимого человека. Передайте супруге от меня и жены моей искреннее соболезнование в тяжёлом горе. Желаем с бодростью перенести его. Крепко жму Вашу руку и целую руку у супруги Вашей. М. Боткин.

28 октября 1913»¹⁷.

Это письмо написано на открытке с изображением картины М. П. Боткина «Беседа Христа с учениками на Елеонской горе», созданной им в 1881 году (холст, масло; 86,0 × 141,0; ГМО «Художественная культура Русского Севера», г. Архангельск, Ж-3421).

«В минуты “благодушия”, – позже вспоминал Н. К. Рерих, – Боткин брал меня за руку и сладко говорил: “По всем вероятностям, вы меня хоронить будете, а может быть, ещё я вас похороню”¹⁸. После смерти М. П. Боткина в 1914 году Н. К. Рерих обратился к его вдове с просьбой передать для Музея русского искусства ИОПХ несколько его картин и вместе с С. П. Яремичем отобрал их в его доме¹⁹. Николай Константинович пережил Михаила Петровича более чем на три десятка лет, так же, как и ещё одного представителя славной фамилии Боткиных, с которым познакомился почти одновременно с ним.

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ БОТКИН (1859—1910) И АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА БОТКИНА, УРОЖДЁННАЯ ТРЕТЬЯКОВА (1867—1959)

Речь идёт о племяннике М. П. Боткина, враче, профессоре Военно-медицинской академии, коллекционере, действительном члене Императорской Академии художеств Сергее Сергеевиче Боткине. По прижизненным спискам произведений Н. К. Рериха, в его собрании находились рисунок «Человек с рогом» (1900) [ил. 1] и вариант картины «Зловещие» (1901)²⁰. Его супруге, Александре Павловне Боткиной, второй дочери основателя знаменитой московской галереи П. М. Третьякова, также принадлежали произведения художника, о чём мы нашли упоминания в материалах известного искусствоведа А. П. Иванова²¹. По его данным, А. П. Боткина владела акварелью «Зловещие. 1-й эскиз. Город» (1900), темперой «Ладьи» (1900) и эскизом гуашью к картине «Заморские гости» (1901).

Сохранилось несколько документов начала XX века с указаниями различных обстоятельств, на фоне которых развивались контакты этой вет-

ви семейства Боткиных с Н. К. Рерихом, включая и сам момент появления у них упомянутых произведений.

В письме к Елене Ивановне Шапошниковой 20 июня 1900 года художник сообщал: «*Екатерина Ивановна [Беклемишева]*²² *передала мне, что С. С. Боткин (у него большая коллекция рисунков) очень хотел бы приобрести какой-либо мой рисунок и просил её устроить это. Она советовала мне непременно доставить ей рисунок, но не продавать его, а подарить; везде-то иезуитство! Я понимаю, зачем она это советовала, ибо жена Боткина – один из членов Комиссии по приобретению в Третьяковскую галерею (она урождённая Третьякова). Придётся исполнить совет Екатерины Ивановны*»²³.

Жена С. С. Боткина Александра Павловна в 1899–1912 годах действительно входила в Совет Третьяковской галереи вместе с князем В. М. Голицыным, И. С. Остроуховым, В. А. Серовым, И. Е. Цветковым и князем С. А. Щербатовым. В архиве Н. К. Рериха о ней остались и упоминания, и записи²⁴. Этот орган, в котором она представляла интересы семьи основателя галереи, выносил решения о приобретении картин, и её мнение было очень весомым. И до поступления работ Н. К. Рериха в семейное собрание Боткиных, и после этого картины художника приобретались Третьяковской галереей.

В «Каталог выставки картин, этюдов и рисунков Н. К. Рериха» (СПб.: Современное искусство, 1903) [ил. 2] были включены: № 34 «*Ладьи*», № 95 «*Вороны*», № 104 «*Этюд к “Зловещим”*», № 105 «*Эскиз к “Заморским гостям”*» и № 123 «*Рисунок углём*» – все с указанием собственности С. С. Боткина²⁵.

Восьмого марта 1903 года А. П. Боткина сообщила И. С. Остроухову о неудовлетворительном впечатлении от первой в творческой биографии Н. К. Рериха выставки²⁶. Возможно, такая оценка сложилась у неё в связи с тем, что в этом каталоге все её личные приобретения были указаны как собственность супруга. В дальнейшем во всех публикациях эта оплошность была исправлена художником. Начиная с 1904 года, в отечественной художественной печати собрание С. С. и А. П. Боткиных стало отмечаться как одно из важнейших мест, где хранится художественное наследие Н. К. Рериха²⁷.

В начале 1908 года на петербургской акварельной выставке появилась известная карикатура П. Е. Щербова «*Базар XX века*», на которой Н. К. Рерих запечатлён в сотне художников, скульпторов, коллекционеров, художественных критиков, издателей. Среди них и упомянутые выше Боткины и многие другие из их общего круга общения и деятельности. По совету В. А. Серова карикатура была приобретена Третьяковской галереей за три тысячи рублей.

Изобразив героев своей карикатуры в базарной суете, торгующими, показывающими свой товар, свои идеи, П. Е. Щербов образно передал состояние художественной жизни начала XX века. Рядом с В. В. Стасо-

Ил. 2. Зал первой выставки Н. К. Рериха, проходившей в Санкт-Петербурге в 1903 году в художественном предприятии «Современное искусство»
В верхнем ряду третья справа работа – рисунок «Вороны» 1902 года, принадлежавший С. С. Боткину. Оригинальные отпечатки снимка в Музее Николая Рериха (Нью-Йорк) и Государственном музее Востока (Москва). Воспроизведено по: Рёрих / Худ. ред. В. Н. Левитского; текст: Ю. К. Балтрушайтис, А. Н. Бенуа, А. И. Гидони, А. М. Ремизов, Н. К. Рерих, С. П. Яремич. – Пг.: Свободное искусство, 1916. – С. 43

вым пританцовывает, наигрывая на гусях, его последователь, молодой Н. К. Рерих. Совсем рядом заметна сосредоточенная фигура В. А. Серова с подносом, собирающего деньги на «Мир искусства». В противоположной стороне произведения изображён популярнейший в тот период С. П. Дягилев, нянчившийся с талантливым живописцем Ф. А. Малявиным, не признанным Академией художеств. Совсем рядом, правда, со спины, видна княгиня М. К. Тенишева, финансировавшая дягилевский журнал «Мир искусства». В середине картины – крупная фигура дамы с лорнетом. Это А. П. Боткина – дочь П. М. Третьякова. Она присматривает достойный экспонат для Третьяковской галереи. Рядом с ней – муж, улыбающийся С. С. Боткин – знаменитый врач и коллекционер. Изображены Е. А. Сабанев (предшественник Н. К. Рериха на посту директора Рисовальной школы

ИОПХ), И. Е. Репин, П. П. Чистяков, А. Н. Бенуа, М. П. Боткин, В. А. Беклемишев, И. И. Толстой, А. В. Прахов, А. И. Куинджи, В. М. Васнецов, М. В. Нестеров, К. Я. Крыжицкий, Н. Н. Каразин, Ф. Г. Беренштам и т. д.²⁸

Узнав о внезапной кончине С. С. Боткина, Н. К. Рерих отправил его супруге телеграмму с соболезнованиями²⁹. На сегодняшний день это единственное известное документальное свидетельство прямых письменных контактов Н. К. Рериха и А. П. Боткиной.

По данным Архива Государственного Эрмитажа, на 9 октября 1918 года в «особняке вдовы профессора Боткина С. С.», что и поныне располагается в Санкт-Петербурге на Потёмкинской улице под № 9, среди принадлежавших А. С. и А. П. Боткиным художественных предметов два произведения относились к авторству Н. К. Рериха – «*Вороны*» и «*Швейцарский пейзаж*» (упомянуты без дат, «в шкафу в вестибюле»)³⁰. Почему среди описанных предметов не оказалось остальных произведений Н. К. Рериха и какова их дальнейшая судьба – на данный момент остаётся неясным.

ИЛЬЯ СЕМЁНОВИЧ ОСТРОУХОВ (1858—1929)

Илья Семёнович Остроухов, известный художник-пейзажист, коллекционер русского и западноевропейского искусства, потомственный почётный гражданин, гласный Московской городской думы, член Совета Третьяковской галереи, не владел произведениями Н. К. Рериха, но его, как сыгравшего ключевую роль в судьбе некоторых ранних картин художника, стоит отметить особо.

Он был мужем племянницы М. П. Боткина Надежды Петровны Боткиной (1855—1935), и о его симпатии к Н. К. Рериху в семье знали.

В Отделе рукописей ГТГ хранятся интересные документы об отношении И. С. Остроухова к творчеству и деятельности Н. К. Рериха, например, письмо И. С. Остроухова к А. П. Боткиной с вложенной в него копией письма И. С. Остроухова к профессору Московского университета, гласному Московской городской думы С. А. Муромцеву³¹, в которых обсуждается приобретение для Третьяковской галереи картины Н. К. Рериха «*Город строят*» (1902)³². В этих документах – весь Илья Семёнович, с его чёткой и понятной позицией человека нравственного и глубокого.

*«Москва, Трубниковский пер., с[его] д[ня] 14 Мая 1903 г.
Многоуважаемый Сергей Андреевич,*

Вчерашний короткий разговор наш в Думе, внезапный, прерванный, вынуждает меня писать Вам. И теперь же. Вы спросили меня: “почему вы купили картину Рериха «Город строят»?»

Рерих – художник талантливый, выдающийся, уже давно, ещё при покойном Павле Михайловиче, получивший своё почётное место в нашей Галерее. С тех пор он продолжает безустанно работать, ища и развиваясь. Его прошлогодняя картина приобретена Музеем Александра III. Картину этого года приобрели мы. Она нова и оригинальна, и, по нашему разумению, должна быть обязательно приобретена. В ней Рерих, страстный археолог, опять, как всегда, трактует мотив из доисторических, “антропологических”, времён старой Руси. Сообразно с новизной мотива, сообразно с содержанием его, он смело применяет в картине своей и особую манеру, широкую, эскизную.

Я затрудняюсь ответить прямо на Ваш вопрос: “так ли строили города тогда?” – Не знаю. Но талант художника меня лично заставляет верить, что так. Я скорее усомнился бы, так ли произошла сцена убийства сына Грозным, потому что чувствую на полотне Репина театральный эффект. Застывшую и скомпонованную позу “живой картины” как в “Помпее” Брюллова, в “Княжне Таракановой” Флавицкого, в “Тайной Вечере” Ге, как в целом ряде признанных и достойных произведений предшествующей эпохи. (Нарочно беру ценнейшие и крупнейшие явления в русском художественном творчестве.) – Теперь стремление к простоте и обобщению интенсивнее. И мотив Рериха проще и потому правдивее, ну, хотя бы невольно напрашивающегося на сравнение, тоже “доисторического” мотива Виктора Васнецова “Каменный век” (опять одного из первоклассных созданий мастера и времени).

Я одинаково люблю и ценю и Рериха, и Васнецова, даже мои личные симпатии больше на стороне последнего (оно и понятно: заслуга его полнее и более выражена, чем молодого Рериха: в этой области у нас Васнецов – *Vahnbrecher*³³). Но, сравнивая рериховский “Город” с васнецовским “Каменным веком”, я не могу не отметить следующего.

Задачи – одинаковы. Как тот, так и другой художник воскрешают седую доисторическую старину... Создают проникновением, провидением... Сюжет такой не может быть передан так осязательно реально, как “Чашепитие в Мытищах” или “Сватовство майора”.

Рерих очень тонко и разрешает эту задачу. Он как бы намечает сюжет, отвечая за общее и не показывая деталей, которых ни он, ни кто другой не знает. И даёт большой картине трактовку эскиза. Главное – всё налицо, мощно и крепко выражено; деталей – нет, они не нужны, были бы ложны и спутывали бы правдивое впечатление общего, возбуждая лишь недоверие к нему. Они не нужны и по другой причине. Задача такова. Пещеры брошены, культура развилась до первичных форм общины – люди “строят город”. Тема ещё “антропологическая”. “Личность” ещё не проявлялась. Жили люди, как муравьи, что ли. И строили свою муравьиную кучу с той же суетнёй, с той же муравьиной энергией, расторопностью и без-

личностью, под тем же солнцем, которое и нам светит, среди той же природы, в которой, тысячелетия спустя, родились и мы с нашей цивилизацией. Какой интерес и художнику и зрителю рассматривать каждого отдельного муравья? – все одинаковы, все в белых рубахах! Бутят себе фундаменты здания, в котором мы живём теперь с нашим комфортом – вот и всё. И верится картине, и нет ничего, чтобы нарушало иллюзию ненужными, сомнительными деталями.

Посмотрите у Васнецова. Эпоха ещё более далёкая. А я так не верю знаменитой картине Исторического Музея, как верю рериховскому полотну. Вот в моём личном собрании есть эскиз “Каменный век” Васнецова – тому я верю безусловно и иначе сцены себе представить не могу. Всё потому же. В таком сюжете деталь или должна быть передана до вероятия точно, не возбуждая ни малейших сомнений, или сознательно обойдена, как у Рериха, или не выработана, как на моём эскизе Васнецова. А то что же выходит?.. Все люди композиции “Каменного века”, написанные в размере натуры, все – в позах и с выражениями несомненно современных нам людей, как ни старался художник рядить их в шкуры и меха. Все – чистенькие снаружи и очень талантливые актёры внутри. И я им не верю, как не верю реализованным на сцене Фافнерам и Зигфридам в вагнеровских операх, глубоко проникаясь этими образами в звуках...

Картина Рериха, как почти всё новое, смелое, талантливое, не имела при появлении своём успеха в публике. Её понял, оценил и любил, как всегда, пока лишь небольшой кружок людей действительно любящих и чувствующих искусство, живущих им. Тем приятнее мне отметить положительные отзывы о ней в печати двух чутких и разных людей – старика Суворина, остановившегося во всём ряде выставок минувшего сезона на этой картине, и В. Розанова.

Очень трудно, и мне в особенности, яснее и подробнее сказать Вам, что чувствую, да и писать приходится, как всегда, наспех.

Буду рад, если эти строки не только объяснят Вам, хотя несколько, мотивы, которыми мы руководствовались, приобретая картину Рериха, но и дадут Вам некоторую уверенность в том, что мы действуем не совсем уж опрометчиво в таком ответственном и дорогом для нас деле.

Во всяком случае прошу Вас извинить, что отнял у Вас столько времени чтением этого письма и верить в чувства моего искреннего к Вам уважения.

И. Остроухов».

Следует отметить, что создатель картины «Город строят» более чем вдвое снизил её цену относительно первоначальной, о чём известил Совет Третьяковской галереи 23 ноября 1902 года: «Охотно уступаю для Городской галереи картину мою “Город строят” вместо 5500 р. за 2500 р. при

условии сдачи картины в галерею после выставки её в Петербурге в течение марта 1903 года»³⁴. Много лет спустя Н. К. Рерих вспоминал: «Город строят» Серовым и Остроуховым куплен в Третьяковку уже с дягилевской выставки. Сколько шума было при этой покупке. Ругали, ругали – потом привыкли»³⁵.

В переписке И. С. Остроухова и А. П. Боткиной Н. К. Рериху посвящено немало страниц. Отношение Александры Павловны к художнику часто было нелицеприятным. Например, 19 марта 1902 года она пишет³⁶ о своём равнодушном отношении к картине Н. К. Рериха «Языческое кладбище»³⁷, и это несмотря на то, что член Совета Третьяковской галереи, известный художник В. А. Серов дважды телеграфировал о необходимости её приобрести³⁸, а сам И. С. Остроухов за это активно ратовал, ссылаясь на того же В. А. Серова³⁹. Восемнадцатого мая 1903 года приведённое здесь выше письмо И. С. Остроухова к С. А. Муромцеву она с сарказмом называет «хвалебным гимном Рериху»⁴⁰. Аналогичное восприятие А. П. Боткиной сформировалось и у Н. К. Рериха. В конце июня 1913 года он обмолвился в письме жене из Кисловодска, где пребывал на лечении: «Приехала А. П. Боткина с дочерьми⁴¹, но у меня к ней сердце не лежит»⁴².

В 1907 году И. С. Остроухов оказался успешным посредником при приобретении для Третьяковской галереи картины Н. К. Рериха «Красные паруса. Поход Владимира на Корсунь» (1900) от В. В. фон Мекка⁴³. На этот раз Александра Павловна Боткина его безоговорочно поддержала⁴⁴.

М. П. БОТКИНА

Вернёмся теперь к загадочной «М. П. Боткиной», владелице картины Н. К. Рериха «Перед боем» (1900). Имеется только одна возможность. Это Мария Павловна Боткина (1875—1952), третья дочь П. М. Третьякова, супруга Александра Сергеевича Боткина, потомственного врача и морского офицера. Мария Петровна Боткина, в браке Фет (1828—1894), сестра художника Михаила Петровича Боткина, супруга поэта Афанасия Афанасьевича Фета, ушла из жизни за шесть лет до создания этого произведения, и поэтому никак не могла им владеть. А. П. Иванов утверждал, что это темпера, а не гуашь, как уже отмечалось выше⁴⁵.

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ НОТГАФТ (1886—1942) и АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА БОТКИНА, в БРАКЕ НОТГАФТ (1892—1942)

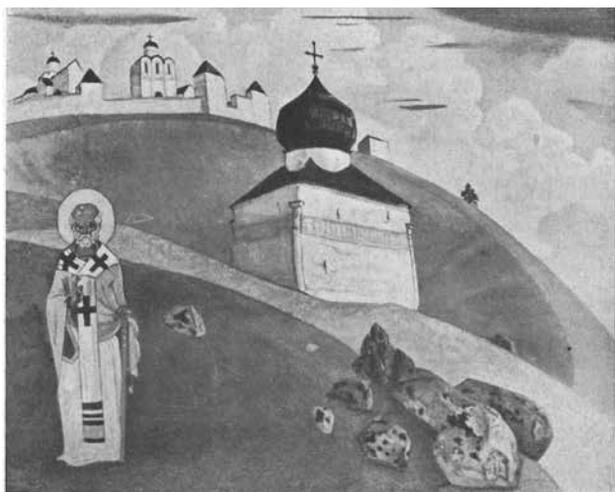
Известный российский искусствовед, коллекционер живописи, издатель, с. н. с. Государственного Эрмитажа Ф. Ф. Нотгафт приобрёл произведения Н. К. Рериха задолго до того, как стал мужем Анастасии Сергеевны Боткиной, старшей дочери С. С. и А. С. Боткиных, внучатой племянницы

М. П. Боткина. Ему принадлежали «Гегстад» – эскиз декорации к «Пер Гюнту» Г. Ибсена (1911)⁴⁶ – и один из четырёх существующих оттисков автолитографии «Бой», слегка тронутой акварелью (1912)⁴⁷.

В феврале-марте 1917 года в Петрограде проходила выставка картин объединения «Мир искусства», на которой Н. К. Рерих выставил 41 произведение⁴⁸. Уже 19 февраля 1917 года два произведения приобрёл Ф. Ф. Нотгафт: «Никола» и «Знак» за 800 и 2300 рублей соответственно⁴⁹.

Местонахождение обоих этих картин известно. Первая хранится в Национальном музее «Киевская картинная галерея» (до 2017 года – Киевский музей русского искусства), вторая – в Музее русского искусства в Ереване.

Картина «Никола» [ил. 3] известна с осени 1916 года⁵⁰. Это холст, темпера; 71,5 × 88,5 см. Справа внизу на изображении камня монограмма художника РНХ с датой: 1916 год⁵¹. Первое воспроизведение – в монографии С. Р. Эрнста (1918) с указанием владельца – Ф. Ф. Нотгафт⁵². В статье О. Г. Баршиновой (2008) отмечено, что оно поступило в Киевский музей русского искусства в 1960 году в порядке обмена из Государственного Эрмитажа, где хранилось с 1942 года в составе коллекции Ф. Ф. Нотгафта⁵³. Е. П. Маточкин посвятил этому произведению часть своей книги «Святые русской земли» (2007)⁵⁴.

Никола.
1916. Темпера.

Собр. Ф. Ф. Нотгафта.

Ил. 3. Воспроизведение картины Н. К. Рериха «Никола» (1916) из собрания Ф. Ф. Нотгафта. Воспроизводится по: Эрнст С. Р. Н. К. Рерих. – Пг.: Изд. Общины Св. Евгении, 1918

Н. К. Рерих. «Гегстад»: эскиз декорации
к пьесе Гюстава Ибсена
(Соб. Ф. Ф. Ноттафта в СПб.)

N. Roerich. Esquisse de décor pour le drame
«Hegstad, Peer Gynt»
(App. à M. Th. Nottafte, St. Pétersb.)

Ил. 4. Н. К. Рерих. Гегстад. Эскиз декорации к пьесе Г. Ибсена «Пер Гюнт» для постановки в Московском Художественном театре. 1912
Картон, темпера. 64,5 × 86,5. Первоначально в собрании Ф. Ф. Ноттафта
Ныне в частном собрании (Россия). Воспроизводится по: Гидони А. Н. К. Рерих:
Монография. – Пг.: Аполлон, 1915

О картине «Знак», относящейся к 1916 году⁵⁵, известно гораздо меньше. Каким образом она оказалась в собрании Арама Яковлевича Абрамяна (1898—1990), советского врача, профессора, создателя школы советский урологии, руководителя урологической клиники Московского областного клинического института, ещё предстоит выяснить. В 1980 году Арам Абрамян осуществил давний замысел и подарил большую часть своей коллекции картин (свыше 350 работ) известных русских художников в дар народу Армении. «Я хочу, чтобы как можно больше людей всё это видело, ко всей этой красоте приобщалось. Я знаю, как в Армении любят, как понимают и ценят великую русскую культуру. Знаю, и именно поэтому завещал своё собрание Еревану», – говорил Арам Яковлевич на открытии Музея русского искусства (носящего также название «Музей “Коллекция А. Я. Абрамяна”») 19 ноября 1984 года в Ереване⁵⁶. По сообщению доктора искусствоведения Е. П. Яковлевой автору данной статьи, картина «Знак» выполнена темперой на картоне, её размеры 48,5 × 64,5 см. В левом нижнем углу монограмма художника РНХ.

В браке с А. С. Боткиной Ф. Ф. Нотгафт состоял с 1924 года, а в конце 1920-х годов развёлся. В 1933 году, заполняя анкету, в графе «семейное положение» Анастасия Сергеевна написала: разведённая, детей нет⁵⁷. По данным Архива Государственного Эрмитажа, уже приведённым выше, А. С. Боткиной принадлежал «Швейцарский пейзаж», очевидно, 1906 года. В дальнейшем это произведение, как и «Вороны», оказалось в собрании Ф. Ф. Нотгафта, при этом в документах сохранялась информация о том, что ранее владельцами работ была его жена Анастасия Сергеевна, а ещё раньше её родители – Александра Павловна и Сергей Сергеевич Боткины. В варианте описи их техникой названа пастель, «Вороны» имеют дату 1902 года, а недатированный «Швейцарский пейзаж» дан со вторым названием на французском языке⁵⁸ – «Chamossaire»⁵⁹.

ЩУКИНЫ

Племянник М. П. Боткина Иван Иванович Щукин (1869—1908) входил в круг общения Н. К. Рериха в его бытность на учёбе в Париже в 1900–1901 годах⁶⁰. Вероятно, Н. К. Рерих был знаком с его братьями Сергеем и Петром⁶¹, владельцами крупных московских художественных галерей и коллекций, но были ли у них его произведения, пока установить не удалось.

И. И. Щукин, известный на Западе также под псевдонимом Жан Броше, коллекционировал произведения старых западных мастеров, с 1893 года постоянно жил в Париже, служил в Лувре, преподавал в Русской Высшей школе общественных наук. Вероятность того, что в его собрании имелись работы Н. К. Рериха, крайне мала. Последний раз художник виделся с ним 21 ноября 1907 года в его парижском доме, на чтении Д. С. Мережковским «Павла I»⁶².

Его старший брат Пётр Иванович Щукин (1852—1912) – промышленник, меценат, коллекционер; в 1895 году в его московском особняке на Малой Грузинской улице открылся частный музей, в котором были собраны богатейшие коллекции русской художественной старины, предметов восточного искусства. Другой брат, Сергей Иванович Щукин (1854—1936) – собиратель произведений новейшей французской живописи, в основном импрессионистов и постимпрессионистов; его галерея находилась в Большом Знаменском переулке, д. 8. В гости к одному из них Н. К. Рерих собирался навеститься в середине ноября 1902 года, о чём сообщил в письме к супруге⁶³. Побывал ли он в гостях и у кого, что послужило основой для интереса и дальнейшего общения – выяснение этих вопросов интересная задача для будущих исследований.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Николай Константинович Рерих в течение длительного времени общался со многими представителями семейства Боткиных. Его не оставляли равнодушным ни их деятельность, ни общественная позиция, ни творчество. Например, в ранней статье «Наши художественные дела», датированной 4 февраля 1899 года, полемизируя с идеологами журнала «Мир искусства», он упомянул «афишный портрет» ещё одного художника из этой фамилии – Фёдора Владимировича Боткина (1861—1905)⁶⁴. В 1901 году он снова обратил внимание на его же «этюд тела», выставленный в Салоне Марсового Поля в Париже⁶⁵. Воспоминания о художнике М. П. Боткине в его книгах насчитывают несколько десятков страниц. Относительно мало изучен вопрос творческих и человеческих контактов И. С. Остроухова и Н. К. Рериха; он заслуживает отдельной обстоятельной статьи.

У разных представителей обширного семейства Боткиных находилось в разное время более десятка произведений Н. К. Рериха:

1. «Зловещие. 1-й эскиз. Город» («Этюд к “Зловещим”») (1900);
2. «Ладьи» (1900);
3. «Перед боем» (1900);
4. «Человек с рогом» («Рисунок углем») (1900);
5. «Заморские гости» (эскиз) (1901);
6. «Зловещие» (вариант картины) (1901);
7. «Вороны» (1902);
8. «Швейцарский пейзаж» («Chamossaire») [1906];
9. «Гегстад» (1911);
10. «Бой» (1912);
11. «Никола» (1916);
12. «Знак» (1916).

Часть из них можно соотнести с репродукциями в художественных изданиях начала XX века и произведениями из фондов Государственного Русского музея, Национального музея «Киевская картинная галерея», Ереванского музея русского искусства и некоторых частных собраний (№ 2, 4, 7, 9, 11, 12), но для остальных изучение происхождения, бытования и современного местонахождения ещё впереди⁶⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ *Рерих Н. К.* Археология: Книга первая. Материалы Императорской Археологической комиссии. 1892–1918 / Составление, примечания и комментарий В. Л. Мельникова; вступит. ст. Е. А. Рябина. – Самара: Агни, 1999. – С. 423; *Будникова Ю. Ю., Мельников В. Л., М. П. Боткин* – художник и коллекционер: Путеводитель по выставке

- из собрания Музея-института семьи Рерихов. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2007. – С. 4.
- 2 Мельников В. Л. М. П. Боткин и Н. К. Рерих. К постановке вопроса // Исторические Боткинские чтения. – Вып. I. – СПб.: Издание СПбГМИСР, 2017. – С. 124.
  - 3 Иванов А. П. Список живописных работ Н. К. Рериха. Около 1915 года // ОР ГРМ. Ф. 143. Д. 10. Л. 1–12. – (Включает работы до 1914 года).
  - 4 Рёрих / Худ. ред. В. Н. Левитского; текст: Ю. К. Балтрушайтис, А. Н. Бенуа, А. И. Гидони, А. М. Ремизов, Н. К. Рерих, С. П. Яремич. – Пг.: Свободное искусство, 1916. – С. 205.
  - 5 Эрнст С. Р. Н. К. Рерих. – Пг., 1918. – С. 112.
  - 6 Roerich. Himalaya. A monograph / Articles by F. Grant, M. Siegrist, G. Grebenstchikoff, I. Narodny and «Banners of the East» by Nicholas Roerich. – New York: Brentano's Publishers, [1926]. – P. 185.
  - 7 Рерих Н. К. Гранки монографии С. Р. Эрнста «Н. К. Рерих» с печатной корректурой, 2 экземпляра. 1-я корректура: 11 октября 1916 года. 2-я корректура: 2 ноября 1916 года // ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 537. 11 л.
  - 8 Рерих Н. К. Листы дневника: В 3 т. / Сост., примеч. и указ. Н. Г. Михайловой; предисл. Л. В. Шапошниковой. – Т. III. – М.: МЦР, 1996. – С. 626.
  - 9 Рерих Н. Моя жизнь / Николай Рерих. – Минск: Звёзды Гор, 2010. – С. 173.
  - 10 Николай Рерих. Летопись жизни и творчества: Альбом / Авт.-сост. В. П. Князева. – СПб.: Изд-во Общества ведической культуры и др., 1994. – С. 78.
  - 11 М. П. Боткин и Н. К. Рерих занимались составлением подробного каталога вверенного им музея ИОПХ (Мельников В. Л. М. П. Боткин и Н. К. Рерих. К постановке вопроса // Исторические Боткинские чтения. – Вып. I. – СПб.: Издание СПбГМИСР, 2017. – С. 120).
  - 12 Н. К. Рерих. Лада. Письма к Елене Ивановне Рерих. 1900–1913 / Сост., вступ. статья, примеч. О. И. Ешаловой. – М.: РАССАНТА, Государственный музей Востока, 2011. – С. 33.
  - 13 Рерих Н. К. Листы дневника: В 3 т. / Сост., примеч. и указ. Н. Г. Михайловой; предисл. Л. В. Шапошниковой. – М.: МЦР, 1995–1996. – Т. I. – С. 54.
  - 14 Третьяков В. П. Из истории сотрудничества Н. К. Рериха и Общины Святой Евгении // Петербургский Рериховский сборник. – Вып. IV. – СПб.: Издательство Петербургского университета, 2001. – С. 299.
  - 15 Мельников В. Л. М. П. Боткин и Н. К. Рерих. К постановке вопроса // Исторические Боткинские чтения. – Вып. I. – СПб.: Издание СПбГМИСР, 2017. – С. 124.
  - 16 Аникина И. С. Муличка, урождённая Голенищева-Кутузова // Псков. – 2005. – № 22. – С. 193–194.
  - 17 Боткин М. П. Открытое письмо Н. К. Рериху. 28 октября 1913 года // ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 637. Л. 1.
  - 18 Рерих Н. Моя жизнь / Николай Рерих. – Минск: Звёзды Гор, 2010. – С. 117.
  - 19 Рерих Н. К. Листы дневника: В 3 т. / Сост., примеч. и указ. Н. Г. Михайловой; предисл. Л. В. Шапошниковой. – М.: МЦР, 1995. – Т. II. – С. 589; Фосдик З. Г. Мои Учителя. Встречи с Рерихами. (По страницам дневника: 1922–1934) / Сборник; сост.: Д. Н. Попов, Е. А. Логаева. – М.: Сфера, 1998. – С. 92.
  - 20 Рёрих / Худ. ред. В. Н. Левитского; текст: Ю. К. Балтрушайтис, А. Н. Бенуа, А. И. Гидони, А. М. Ремизов, Н. К. Рерих, С. П. Яремич. – Пг.: Свободное искусство, 1916. – С. 206.

- 21 *Иванов А. П.* Список живописных работ Н. К. Рериха. Около 1915 года // ОР ГРМ. Ф. 143. Д. 10. Л. 1–12. – (Включает работы до 1914 года).
- 22 Екатерина Ивановна Беклемишева, урождённая Прохорова (1866—1911) – скульптор. Выставляла свои работы чаще всего под псевдонимом Мишева. Во втором браке жена Владимира Александровича Беклемишева, ректора Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств. В 1909 году в селе Берёзки (быв. Тверская губерния) организовала мастерскую художественной вышивки. У Беклемишевых в этом селе в 1904–1909 годах Рерихи снимали летнюю дачу.
- 23 Н. К. Рерих. Лада. Письма к Елене Ивановне Рерих. – С. 20.
- 24 Вот один из примеров: «*Послать Ал[ексandre] Пав[ловне] Боткиной благодарность с поимён[ным] перечнем лиц*» (Рерих Н. К. Запись об Александре Павловне Боткиной. Без даты // ОР ГТГ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 42. Л. 19).
- 25 *Мельников В. Л.* Пантеон древнего Искусства. К 100-летию первых персональных выставок Н. К. Рериха // Рериховское наследие: Труды Международной научно-практической конференции. – Т. IV: Охрана культурных ценностей: петербургские традиции. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2009. – С. 134, 136.
- 26 *Боткина А. П.* Письмо И. С. Остроухову. 8 марта 1903 года // ОР ГТГ. Ф. 10. Д. 1543. 4 л.
- 27 *К. Л-ов [Льдов К.]*. Н. К. Рерих // Огонёк. – СПб., 1908. – 22 июня / 5 июля. – № 25. – С. [10]; Николай Рерих в русской периодике (1891–1918). – [Вып. 6]. Дополнительные материалы: 1897–1918 / Сост.: О. И. Ешалова, А. П. Соболев; отв. ред.: А. А. Бондаренко, В. Л. Мельников. – СПб.: Издание СПбГМИСР, 2018. – С. 402.
- 28 *Мельников В. Л., Мельникова М. А.* Н. К. Рерих и художники Императорского Общества поощрения художеств. Живопись, графика и скульптура из собраний Б. Н. Васильева и Т. Л. Васильевой: Каталог. – СПб.: Рериховский центр СПбГУ, 2008. – С. 28; *Савинов А. Н.* Павел Егорович Щербов. [1866—1938]. – Л.: Художник РСФСР, 1969. – С. 66–70, 92–96.
- 29 *Рерих Н. К.* Телеграмма А. П. Боткиной. 30 января 1910 года // ОР ГТГ. Ф. 48. Д. 766. Л. 1.
- 30 Описи и переписка об осмотре и экспертизе и приказы о постановке на учёт художественных предметов в особняке вдовы профессора Боткина С. С. – принадлежащих Боткиным А. С. и А. П., акты и переписка о передаче художественных предметов из этой коллекции Русскому Музею, Государственному Эрмитажу и Академии Материальной Культуры. 5.VIII.1918 – 2.III.1925 // АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1488. Л. 18, 63.
- 31 *Остроухов И. С.* Письмо А. П. Боткиной. 15 мая 1903 года. Здесь же: *Остроухов И. С.* Письмо С. А. Муромцеву. 14 мая 1903 года // ОР ГТГ. Ф. 48. Д. 217. 4 л.
- 32 Государственная Третьяковская галерея (Москва). Каталог собрания. Серия «Живопись XVIII–XX веков» / Государственная Третьяковская галерея. – Т. 5: Живопись конца XIX–XX веков. – М.: Сканрус, 2005. – С. 291. – Кат. 1049.
- 33 *Vahnbrecher* (нем. яз.) – новатор, первооткрыватель.
- 34 *Рерих Н. К.* Заявление в Совет Третьяковской галереи. 23 ноября 1902 года // РГАЛИ. Ф. 646 («Третьяковская галерея»). Оп. 1. Д. 40. Л. 106.
- 35 *Рерих Н. К.* Листы дневника: В 3 т. / Сост., примеч. и указ. Н. Г. Михайловой; предисл. Л. В. Шапошниковой. – М.: МЦР, 1995. – Т. II. – С. 102.
- 36 *Боткина А. П.* Письмо И. С. Остроухову. 19 марта 1902 года // ОР ГТГ. Ф. 10. Д. 1517. 3 л.

- ³⁷ Возможно, имеется в виду один из вариантов известной картины Н. К. Рериха «Идолы» (1901). В 1910 году княгиня М. К. Тенишева подарила вариант этой картины Русскому музею в Санкт-Петербурге.
- ³⁸ Серов В. А. Телеграмма А. П. Боткиной и И. С. Остроухову. 28 февраля 1902 года // ОР ГТГ. Ф. 10. Д. 5740. Л. 1; Серов В. А. Телеграмма И. С. Остроухову. 3 марта 1902 года // ОР ГТГ. Ф. 10. Д. 5741. Л. 1.
- ³⁹ Остроухов И. С. Письма А. П. Боткиной. 1-14 марта 1902 года. Здесь же: Серов В. А. Приписка о согласии на приобретение для Третьяковской галереи картины Рериха «Языческое кладбище» // ОР ГТГ. Ф. 48. Д. 163 и 164. 5 л.
- ⁴⁰ Боткина А. П. Письмо И. С. Остроухову. 18 мая 1903 года // ОР ГТГ. Ф. 10. Д. 1543. 3 л.
- ⁴¹ Александра Сергеевна Боткина, по первому мужу Хохлова (1891—1985), знаменитая советская киноактриса, кинорежиссёр, сценаристка, педагог, заслуженная артистка РСФСР. Анастасия Сергеевна Боткина, в браке Нотгафт (1892—1942), научный сотрудник Русского и Театрального музеев в Ленинграде.
- ⁴² Н. К. Рерих. Лада. Письма к Елене Ивановне Рерих. – С. 288.
- ⁴³ Государственная Третьяковская галерея (Москва). Каталог собрания. Серия «Живопись XVIII–XX веков» / Государственная Третьяковская галерея. – Т. 5: Живопись конца XIX–XX веков. – М.: Сканрус, 2005. – С. 290. – Кат. 1047.
- ⁴⁴ Остроухов И. С. Письма А. П. Боткиной. 19-20 ноября 1907 года // ОР ГТГ. Ф. 48. Д. 493 и 494. 6 л.
- ⁴⁵ Иванов А. П. Список живописных работ Н. К. Рериха. Около 1915 года // ОР ГРМ. Ф. 143. Д. 10. Л. 1–12. – (Включает работы до 1914 года).
- ⁴⁶ Гидони А. Творческий путь Рериха // Аполлон. – Пг., 1915. – № 4–5. – Ил. между с. 8 и 9; Рерих / Худ. ред. В. Н. Левитского; текст: Ю. К. Балтрушайтис, А. Н. Бенуа, А. И. Гидони, А. М. Ремизов, Н. К. Рерих, С. П. Яремич. – Пг.: Свободное искусство, 1916. – С. 220; Эрст С. П. Н. К. Рерих. – Пг., 1918. – С. 121.
- ⁴⁷ Рерих / Худ. ред. В. Н. Левитского; текст: Ю. К. Балтрушайтис, А. Н. Бенуа, А. И. Гидони, А. М. Ремизов, Н. К. Рерих, С. П. Яремич. – Пг.: Свободное искусство, 1916. – С. 222; Эрст С. П. Н. К. Рерих. – Пг., 1918. – С. 123.
- ⁴⁸ Мир искусства. Каталог выставки картин. – 2-е изд. – Пг., 1917. – С. 22–23. – Кат. 285–325.
- ⁴⁹ Выписка личного счёта Н. К. Рериха по продаже картин на выставке «Мир искусства» в феврале–марте 1917 года, сделанная секретарём выставки А. М. Арбениным. 14 марта 1917 года. 2 л. СПбГМИСР. НВ-6922. Воспроизведена в изд.: Величайший интуитивист эпохи: альбом выставки / СПбГМИСР; авт.-сост.: В. Л. Мельников, В. А. Шуршина. – СПб.: Изд. СПбГМИСР; Самара: Арт-Лайт, 2018. – С. 32. В каталоге выставки – № 298 и 299 соответственно (Мир искусства. Каталог выставки картин. – 2-е изд. – Пг, 1917. – С. 22).
- ⁵⁰ Новые работы Н. К. Рериха // Биржевые ведомости. – СПб., 1916. – 26 октября / 8 ноября. – Утренний вып. – № 15885. – С. 5.
- ⁵¹ Рериховский век: Каталог выставки. – Т. I. Живопись и графика / Отв. ред.: А. А. Бондаренко и В. Л. Мельников. – СПб.: Золотой век, 2009. – С. 109. – Кат. 140.
- ⁵² Эрст С. П. Н. К. Рерих. – Пг., 1918. – С. 127, вкладка ил. № 18.
- ⁵³ Баршинова О. Г. Коллекция работ Н. К. Рериха и Б. К. Рериха в Киевском музее русского искусства // Н. К. Рерих и его современники. Коллекции и коллекционеры: Материалы научно-практических конференций, Одесса, 2005–2006 гг. / Сост.: Е. Г. Петренко, К. Е. Шундяк. – Одесса, 2008. – С. 123–128.

- ⁵⁴ Маточкин Е. П. Святые русской земли. – Самара: Агни, 2007. – 64 с.
- ⁵⁵ Эрнст С. Р. Н. К. Рерих. – Пг., 1918. – С. 126.
- ⁵⁶ Дутов В. В. Арам Яковлевич (Акопович) Абрамян – руководитель Урологической клиники МОНИКИ (1951–1975) // Вестник урологи. – М., 2016. – № 3. – С. 79; Ахназарова К. Армянский переулоч Арама Абрамяна // Мост: Научно-популярное приложение к газете «Голос Армении». – 2017. – 29 ноября. – Сетевая версия. – Режим доступа (17.01.2019): <http://mostga.am/vzglyad/armyanskij-pereulok-arama-abramyana-1477.html>.
- ⁵⁷ Вайнберг Н. И. Анастасия Сергеевна Боткина (в замужестве Нотгафт) // Исторические Боткинские чтения. – Вып. I. – СПб.: Издание СПбГМИСР, 2017. – С. 193.
- ⁵⁸ Описи и переписка об осмотре и экспертизе и приказы о постановке на учёт художественных предметов в особняке вдовы профессора Боткина С. С., принадлежащих Боткиным А. С. и А. П., акты и переписка о передаче художественных предметов из этой коллекции Русскому Музею, Государственному Эрмитажу и Академии Материальной Культуры. 5.VIII.1918 – 2.III.1925 // АГЭ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1488. Л. 18.
- ⁵⁹ Имя «Шамоссер» носит местность с двумя вершинами и горнолыжными трассами на курорте Виллар в Швейцарии, где Н. К. Рерих провёл свой отпуск летом 1906 года.
- ⁶⁰ Н. К. Рерих. Лада. Письма к Елене Ивановне Рерих. – С. 97, 104, 114, 185, 324.
- ⁶¹ Н. К. Рерих. Лада. Письма к Елене Ивановне Рерих. – С. 344.
- ⁶² Николай Рерих в русской периодике, 1891–1918. – Вып. 3: 1907–1909 / Сост.: О. И. Ешалова, А. П. Соболев, В. Н. Тихонова; отв. ред. А. П. Соболев. – СПб.: Фирма Коста, 2006. – С. 118–119.
- ⁶³ Н. К. Рерих. Лада. Письма к Елене Ивановне Рерих. – С. 185.
- ⁶⁴ 64 [Рерих Н.] Р. Изгой. Наши художественные дела. IV // Искусство и художественная промышленность. – СПб., 1899. – Март. – № 6. – С. 479–490.
- ⁶⁵ Рерих Н. Парижские салоны 1901 года // Россия. – СПб., 1901. – 30 апреля / 13 мая. – № 721. – С. 2.
- ⁶⁶ Автор благодарит за обсуждение и помощь в подготовке статьи сотрудниц Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов Е. В. Бакалдину, Ю. Н. Куликову, Г. Н. Лукьяненко и Т. С. Матехину, а также московскую исследовательницу Т. В. Ларкину.

II

БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ О ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ СЕМЬИ БОТКИНЫХ

Е.В. БАКАЛДИНА

(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

ЧАЕТОРГОВЕЦ И ДЕЯТЕЛЬ ИСКУССТВА ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ БОТКИН (1829—1889)

Аннотация. Дмитрий Петрович Боткин (1829—1889) больше известен потомкам как коллекционер, у которого были собраны произведения иностранных современных ему художников. Эта статья восполняет пробел в наших знаниях о Д. П. Боткине как предпринимателе, одном из глав семейных фирм «Петра Боткина сыновья» и Ново-Таволжанского сахарного завода Боткиных. В статье также приводятся сведения о должностях, благотворительности, характере Д. П. Боткина, о его семье и доме.

Ключевые слова. Д. П. Боткин, чаеоторговля, коллекционер, благотворительность.

E. V. BAKALDINA

(The Saint-Petersburg Roerich family Museum; Saint-Petersburg)

TEA-MERCHANT AND ART WORKER DMITRY PETROVICH BOTKIN (1829—1889)

Abstract. Dmitry Petrovich Botkin (1829—1889) is better known to descendants as a collector who collected paintings of foreign contemporary artists. They were located in the «D. P. Botkin's Gallery» in Moscow. This article fills the gap in our knowledge of D. P. Botkin as an entrepreneur, one of the heads of the family-owned firms Peter Botkin's Sons and the Novo-Tavolzhansky Sugar Factory of Botkins. The article also provides information about the positions, the charity, the character of D. P. Botkin, about his family and their relationship.

Keywords. D. P. Botkin, tea-merchant, collector, charity.

Дмитрий Петрович Боткин (12 сентября 1829 — 26 мая 1889) – сын известного купца-чаеоторговца Петра Кононовича Боткина и его второй жены Анны Ивановны, урождённой Постниковой. Дмитрий был крещён в церкви Николая Чудотворца, что в Кобыльском¹, в Москве 15 сентября 1829 года, восприемниками при крещении были дядя по матери Пётр Иванович Постников и двоюродная сестра Анна Дмитриевна Боткина². В семье Дмитрия называли Митей или Митенькой. На Дмитрия Боткина, так же как и на его братьев и сестёр, очень повлиял старший брат Василий Петрович Боткин (1811—1869). По словам друга семьи Д. В. Григоровича³, «*Вся семья была ему [Василию Петровичу] действительно много обязана. Умный, с тонким, развитым вкусом, много учившийся, много*

переживший в кругу образованных и талантливых людей, как Герцен, Грановский, Станкевич, Корш и другие, он много способствовал развитию братьев, заставляя их учиться, направляя в разные учебные заведения»⁴.

Со слов сына Дмитрия Петровича С. Д. Боткина, он «был помещён в славящийся в то время как образцовый пансион Эннеса. Обучением в этом пансионате объясняется, очевидно, его хорошее знание французского и немецкого языков»⁵. По рассказу А. А. Фета, друга и зятя Д. П. Боткина, «Дмитрий Боткин, получив в молодости самое скромное школьное образование, знавший французский и немецкий языки, сумел развить себя настолько, что, будучи замечательным счётчиком, в то же время писал весьма правильным и оживлённым слогом. С самых ранних пор в нём развились эстетические наклонности»⁶.

Про дальнейшую жизнь отца С. Д. Боткин пишет: «Будучи предназначенным своим отцом к торговой деятельности, мой отец не поступил в университет, а сразу занялся семейным [чаеоторговым] делом»⁷. Ещё при жизни Петра Кононовича Боткина Дмитрий часто ездил в закупочную контору Боткиных на границу с Китаем в Кяхту. Сам Дмитрий впоследствии называл Кяхту захоlustьем⁸, а его сын сами поездки в Кяхту «ссылкой»⁹.

В Кяхте Дмитрий Боткин был не единственным представителем фирмы П. К. Боткина; кроме него там служили комиссионер фирмы И. А. Нерпин и В. Ф. Басманов¹⁰, благодаря им Дмитрий набирался опыта ведения дел. Подпись Д. П. Боткина стоит под многими петициями общего собрания кяхтинского купечества¹¹. В 1852 году Д. П. Боткина выбирают на общем собрании кяхтинского купечества одним из старшин на 1853 год¹². Как В. Ф. Басманов докладывает П. К. Боткину в Москву, «Дмитрий Петрович всё время проводит здесь большей частью в исполнении обязанностей старшины: утром – постоянно бывает в Таможне при свидетельстве Русских товаров и Китайских чаёв, а вечером – в совещаниях по ходу здешней торговли и на собраниях купечества»¹³.

Однако Дмитрий Петрович не был доволен должностью старшины, «это мне весьма неприятно, потому что служба эта, не считая денежных расходов, очень хлопотлива и подлежит большой ответственности; по приезде в Кяхту, если будет возможно, я постараюсь отказаться от этой должности»¹⁴. В письме к отцу от 28 января 1853 года Дмитрий сообщает: «От должности старшины я никак не мог отговориться и со вчерашнего дня вступил на службу; во всяком случае, если дела наши кончатся, то служба эта не может меня здесь задержать»¹⁵. В другом письме отцу от 16 апреля 1853 года Дмитрий пишет: «По моей просьбе от должности старшины меня уволили, и на место моё поступил г-н Дунаев»¹⁶. По мнению исследователя Г. В. Носовой, помимо названных неудобств, приносимых этой выборной должностью, имелась ещё одна – не-

возможность для старшин нарушать правила торговли, выработанные общим собранием купечества¹⁷. Однако, никаких нарушений правил в документах и переписке Боткиных не обнаружено.

Отец, П. К. Боткин, распоряжался временем Дмитрия Петровича, отправляя его по разным поручениям. В письме от 14 апреля 1851 года Пётр Кононович пишет сыну «Если Вы не находите нужным оставаться в Кяхте, то можете выехать на Нижегородскую ярмарку»¹⁸.

В 1853 году, по завещанию отца, Дмитрий [ил. 1] наравне с тремя своими братьями (Василием, Николаем и Петром) получил право управлять семейной чаеоторговой фирмой¹⁹. В январе 1854 года фирма получила теперь всемирно известное название «Петра Боткина сыновья»²⁰. Также у четырёх братьев на воспитании оставались их младшие братья Владимир и Михаил²¹. Сохранились письма В. П. и Д. П. Боткиных друг другу, в которых они обсуждают дела семейной чаеоторговой фирмы, в том числе и проблемы разрешения закупок чая в самом Китае и возможность его провоза морем²².

Ил. 1. Дмитрий Петрович Боткин. 1862
Фотография С. Л. Левицкого
Архив семьи Энден, потомков М. П. Боткина

После смерти старших братьев Василия и Николая в 1869 году, Дмитрий и Пётр разделили обязанности в чаеоторговой фирме. Согласно воспоминаниям С. Д. Боткина, Дмитрий Петрович «был хозяином в “конторе”, помещавшейся на Маросейке, в доме деда, перешедшим по дележу Петру Петровичу. Там он сидел целыми днями, и общее руководство всего дела, переписка о покупках в Китае, вся калькуляция, счетоводство и т. д. велось им или под его непосредственным наблюдением»²³.

Таким образом, Дмитрий Петрович Боткин стал значительным человеком: московским купцом 1-й гильдии, выборным купеческого сословия с 1875 года²⁴, выборным Московского Биржевого общества с 6 мая 1870 года по 18 июня 1885 и с 18 июня 1888²⁵ и до

смерти, в перерыве между этими сроками же кандидатом в выборные²⁶. В 1886 году Д. П. Боткину «в виду полезной и обширной деятельности на поприще торговли» было даровано звание коммерции советника²⁷. Столь малое участие в общественных делах по сравнению с отцом и братьями, его сын объяснял тем, что «общественной деятельности мой отец не любил и никогда не поступал на действительную государственную службу»²⁸. В краткой справке о роде Боткиных Сергей Дмитриевич также написал, что его отец «не имел никаких чинов и орденов, от которых всегда отказывался»²⁹.

В 1882 году во многом благодаря инициативе Д. П. Боткина, который ещё в 1859 году говорил о необходимости заняться торговлей сахаром³⁰, в Белгородском уезде Курской губернии Боткиными был куплен старый свеклосахарный завод господина Жуковского, который был сломан и отстроен заново. На то, что завод был детищем Д. П. Боткина, указывает и тот факт, что именно в его доме (даже после его смерти) находилась головная контора предприятия³¹, в отличие от конторы фирмы «Петра Боткина сыновья». А. А. Фет так рассказывал об этой деятельности: «Со свойственным ему увлечением, Дмитрий Петрович исключительно на себя и принял устройство и ведение дела Ново-Таволжанского сахарного завода, который довёл до блестящего положения. В первый год при покупке имения священник, отец Михаил, приветствовал Дмитрия Петровича, говоря, что окрестные крестьяне должны благодарить новых владельцев за возрождение опустевшего сахарного завода, вследствие чего многие из крестьян оставили мысль о переселении, а двадцать дворов, уже переселившихся, услышав о заработках, вернулись назад. Неурожаем свекловицы и громадные затраты на постройку завода по усовершенствованным образцам не удержали Дмитрия Петровича на трудном и новом для него поприще. Напротив, появилась больница на двадцать кроватей с доктором и фельдшерницей во главе; появилась сельская школа, получившая в настоящее время название церковно-приходской, с содержанием и жалованием учителя на средства заводской конторы. В течение шести лет, при неусыпных заботах со стороны покойного [Д. П. Боткина], слова почтенного отца Михаила касательно приумножения благосостояния окрестных крестьян блистательно оправдались»³².

Кроме коммерческой деятельности, Д. П. Боткин посвящал своё время собиранию искусства³³. А. А. Фет называл его «энтузиастом изящного»³⁴. В некрологе так говорится об этом, «в художественном мире покойный занимал видное место, как большой любитель изящных искусств, как покровитель русских художников и собиратель картин»³⁵.

Любовь к искусству Дмитрий Боткин перенял у старшего брата Василия. А Д. Галахов³⁶ рассказывал про В. П. Боткина: «Комнаты [Василия] постоянно украшались немногими, но лучшими произведениями живописи

и скульптуры»³⁷. По словам ещё одного знакомого семьи, М. Н. Каткова³⁸, Василий «был знаток живописи, изучил все галереи в Европе, и имел обширные познания в её истории»³⁹. Неоднократно В. П. Боткин писал очерки на искусствоведческие темы⁴⁰. Поэтому неудивительно, что младшие Боткины приобщались к искусству с ранних лет.

Датой начала боткинской коллекции называют 1857 год⁴¹. Как пишет П. Д. Боборыкин, Д. П. Боткин «давно, ещё в первой молодости, сделался любителем искусства и стал приобретать картины в частые свои поездки за границу, в особенности в Париж, где все известные продавцы картин знают его прекрасно... Его вкус сказывается и в том, что он приобретал, за хорошие деньги, картины таких художников, которые пятьдесят лет спустя были признаны первоклассными мастерами»⁴². «С 1858 года начала образовываться коллекция картин Дм[итрия] Петр[овича] Боткина, составленная из превосходных картин иностранных мастеров: Жерома⁴³, Мейсонье⁴⁴, Добиньи⁴⁵, Тройона⁴⁶, Розы Бонёр⁴⁷, Галле⁴⁸, Вотье⁴⁹, Калама⁵⁰, Ахенбахов⁵¹, Кнауца⁵², и др. Картины эти покупались частью ещё в Москве и Петербурге, от картинных торговцев Тоньолати⁵³, Палацци⁵⁴, Негри⁵⁵, банкира Марка⁵⁶, любителей: Смирнова⁵⁷, Борисовского⁵⁸, купца Левенштейна⁵⁹, частью куплены Д. П. Боткиным, во время его путешествий, в 50-х и 60х годах, в Лондоне, Берлине, Париже, Брюсселе и Вене»⁶⁰. В письме от 13 (25) апреля 1872 года М. А. Лавенштейн Д. П. Боткин пишет: «В Париже пробыли мы 9 дней – осмотрели художественные произведения. Обошли всех картинных торговцев – одним словом, денежек попристроил уже довольно»⁶¹. Как купец, Дмитрий Петрович не мог не отметить, что «цены за первоклассные произведения вздорожали теперь ужасно, и я убедился на днях, на сколько возросла стоимость моего собрания картин»⁶².

Картины из собрания Д. П. Боткина в 1880-е годы желали приобрести даже французские коллекционеры, но все предложения о продаже Дмитрий Петрович отклонял⁶³. Дмитрию Петровичу помогали собирать коллекцию его младший брат Михаил Петрович Боткин, друг Алексей Петрович Боголюбов, приятель Александр Антонович Риццони⁶⁴. Как писал В. В. Стасов, «Все картины, собираемые Василием Петровичем и Дмитрием Петровичем Боткиными, бывали всегда иностранные... Д. П. Боткин имел в своей картинной галерее разве только такие русские картины, которые носили характер вполне иностранный (Харламов⁶⁵, Риццони⁶⁶, Дюккер⁶⁷, Боголюбов⁶⁸)»⁶⁹.

Русских художников специально Д. П. Боткин не собирал, но, тем не менее, в его коллекции они были, в частности, работы его друга А. П. Боголюбова или брата М. П. Боткина. Единственный раз целенаправленно Д. П. Боткин пытался купить картины русского художника В. В. Верещагина совместно с П. М. и С. М. Третьяковыми⁷⁰. Однако общее дело закончилось ссорой старых друзей⁷¹, не поделивших, где будут находиться карти-

ны. Дочь П. М. Третьякова Вера писала в своих воспоминаниях о всеобщем огорчении от этой ссоры и о примирении старых друзей, осуществлённом В. Д. Коншиным⁷².

Коллекция Д. П. Боткина активно популяризировалась в печати. В частности, в 1885 году издатель «Художественного журнала» выдал подписчикам в виде премии альбом галереи Д. П. Боткина. Фотографии с картин были сделаны Тиле и Опитцом, а фототипии с них исполнены Альбертом в Мюнхене. Всего было отпечатано 12 снимков⁷³. Два раза издавался каталог коллекции: в 1875 году; издание вышло в Петербурге и в Москве⁷⁴, его составил Д. В. Григорович, близкий приятель братьев Боткиных. Каталог был переиздан в 1882 году⁷⁵.

Д. П. Боткин часто предоставлял принадлежащие ему картины на выставки. В частности, картину «Брешь» Э. Берн-Белькура на выставку 1875 года во Дворце на Елисеевских полях⁷⁶ в Париже, первоначальный эскиз к картине «Явление Христа народу» А. А. Иванова, картины «Тревога» П. О. Ковалевского, «В четыре руки» В. Е. Маковского, «Летнее утро» В. Д. Поленова, «Совет кардиналов» и «Аптекарь во Фраскати» А. А. Риццони, «Светочи христианства» Г. И. Семирадского, «Итальянка» А. А. Харламова, «Похороны в Финляндии» А. Эдельфельда, рисунки «Вид в Московской губернии» А. А. Редковского – на Всероссийскую выставку 1882 года в Москве⁷⁷. Такое масштабное представительство из собрания Д. П. Боткина объяснялось тем, что художественным отделом выставки заведовал младший брат Дмитрия М. П. Боткин⁷⁸, а сам Дмитрий Петрович был назначен почётным распорядителем⁷⁹.

Собрание размещалась в доме Д. П. Боткина на Маросейке и было достаточно известно под названием «Боткинская галерея». Её характеристика дана в журнале «Всемирная иллюстрация» за 1874 год: «Галерея Д. П. Боткина специального характера не имеет. Находящиеся в ней картины составляют собой образцы почти всех школ европейских, как прежних времён, так и современных»⁸⁰. Галерея Д. П. Боткина была широко известна как частный музей, который посещали многие художники. У К. А. Коровина записано: «Мы у Боткина. Пришли посмотреть французов – Коро и Фортуну. Вот это хорошо, замечательно!»⁸¹. В адресе, преподнесённом Д. П. Боткину от Московского общества любителей художеств по случаю его ухода с поста председателя, особо подчёркивалось: «Многие художники не могут не вспомнить, что Ваша галерея была открыта не только для публики, но и была вполне доступной для художников-работников, нуждавшихся в снятии копий с картин, в изучении работ иностранных художников, которых так трудно найти у нас в Москве»⁸².

Даже после смерти Дмитрия Петровича его сыновья оставили название «Галерея Д. П. Боткина». Как сказано в адресном календаре, в галерее были собраны произведения крупнейших представителей современной

иностранный живописи, осмотр был возможен с разрешения владельца⁸³. После смерти Д. П. Боткина многие были обеспокоены судьбой его коллекции: *«Прекрасный он соорудил себе памятник своей картинной галереей. Какая судьба ожидает её? И будут ли дети продолжать благородное дело своего отца»*⁸⁴.

После смерти Дмитрия Петровича его собрание и библиотека были поделены между детьми Петром, Сергеем и Елизаветой⁸⁵, однако Елизавета уточняет, что картины достались только братьям⁸⁶. Та часть коллекции, которая осталась у Петра Дмитриевича Боткина, впоследствии была зарегистрирована Государственным музейным фондом⁸⁷, затем национализирована и поступила в Музей Изящных искусств. После расформирования этого музея картины разошлись по другим учреждениям, в частности, картины Х. Лейса «Обет. Женщина, зажигающая свечи» и Р. Русса «Водяная мельница» находятся в Государственном Эрмитаже, а картина Л. Мюнте «Зимний пейзаж» – в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Однако часть картин была всё-таки вывезена из страны. Как пишет один из сыновей Дмитрия Петровича, Сергей, *«часть доставшихся мне вещей, в том числе и семейные портреты, остались в покровском доме, выкупленном моим братом, а часть находилась в моей петербургской квартире. Эти две части погибли при большевиках. Остальное путешествовало со мной во всех моих дипломатических миссиях, а во время войны 1914–1918 годов хранилось на складах в Копенгагене и, наконец, через Берлин водворилось в Париже. Но для России всё это навсегда пропало. Не имея никаких денег за границей и бежав из России ни с чем, я принуждён был мало-помалу продавать все эти картины и предметы искусства, дабы обеспечить скромное существование»*⁸⁸.

Будучи страстным коллекционером, Дмитрий Петрович Боткин [ил. 2] входил в состав Московского

Ил. 2. Дмитрий Петрович Боткин
Фрагмент фотографии 1880-х годов
Собрание СПбГМИСР. Дар А. Н. Дегтярёва,
праправнука С. П. Боткина

художественного общества с 18 марта 1873 года⁸⁹, был почётным членом Императорской академии художеств⁹⁰, был председателем комитета Московского общества любителей художеств с 1877 года по март 1889 года⁹¹.

Д. П. Боткин договаривался об устройстве выставок, в том числе привлекая работы и из Академии художеств⁹². Известно о том, что 24 сентября 1880 года младший брат Дмитрия Петровича М. П. Боткин в заседании совета Академии Художеств объявил о воле Его высочества [президента Академии Художеств] о назначении почётными распорядителями Московской художественно-промышленной выставки [П. М.] Третьякова, [К. Т.] Солдатёнова, [Д. П.] Боткина, Сорокина⁹³. Знания Дмитрия Боткина признавались не только учреждениями с художественным уклоном, но и другими коллекционерами. В частности, Д. П. Боткин был наставником в коллекционировании С. М. Третьякова⁹⁴, бывшего его свойственником – оба были женаты на сёстрах Мазуриных. П. А. Бурьшкин говорит также о помощи П. М. Третьякову «в его собирательстве, участвуя даже в покупке некоторых картин»⁹⁵.

Забывая о Московском художественном обществе, поддерживающем Московское училище живописи, ваяния и зодчества, Д. П. Боткин завещал ему проценты с капитала⁹⁶ в 5 000 рублей, Московскому обществу любителей художеств 10 000 рублей, Московскому Александровскому коммерческому училищу 5 000 рублей⁹⁷, на проценты с них была учреждена стипендия имени Д. П. Боткина⁹⁸. Он был также членом общества Любителей коммерческих знаний⁹⁹. Не были забыты в завещании и суммы для церквей: в приходскую церковь Воскресения в Барашах – 1 000 рублей и в церковь Ново-Таволжанки – 500 рублей на поминовение¹⁰⁰. Занимался Д. П. Боткин благотворительностью и в области образования: в 1871 году обучал в Московском коммерческом училище за свой счёт детей бедных родителей¹⁰¹, был почётным членом Совета московского коммерческого училища с 8 марта 1880 года по 1886 год¹⁰², членом попечительского совета Александровского Коммерческого училища, основанного Московским Биржевым Обществом с 1 августа 1882 года¹⁰³, жертвовал средства для Арнольдовского училища глухонемых¹⁰⁴, был действительным членом Екатерининского благотворительного общества при Императорской Екатерининской больнице в Москве¹⁰⁵. В 1885 году была открыта церковно-приходская школа в Ново-Таволжанке; Д. П. Боткин стал её попечителем, употребил на её устройство 1 246 рублей и изъявил желание ежегодно отпускать из своих средств на содержание училища 120 рублей и на жалование учителю 300 рублей, за что ему объявлена признательность от имени Его Преосвященства епископа Курской губернии¹⁰⁶. Известно о пожертвованиях Д. П. Боткина музею Строгановского училища¹⁰⁷ в Москве.

С 20 октября 1870 по 23 апреля 1882 года Д. П. Боткин состоял также попечителем Николаевского дома призрения бедных вдов и сирот

московского купечества¹⁰⁸, был членом комитета для оказания вспомоществования семейства убитых, умерших от ран и изувеченных на поле брани воинов с 24 октября 1878 по 1886¹⁰⁹ год. В 1889 году зафиксированы пожертвования Д. П. Боткина на дело призрения душевнобольных¹¹⁰.

Дмитрий Петрович Боткин был женат с 16 января 1859 года на Софии (1840—1889), дочери Сергея Алексеевича Мазурина и Елизаветы Владимировны Третьяковой. Осиротевшую рано Софию взяла на воспитание сестра отца Александра Алексеевна Оболенская. В. П. Боткин так характеризует брата: *«по добрейшему своему характеру Митя создан идеальным мужем»*¹¹¹. Семья Мазуриных долго не отвечала на предложение Дмитрия Петровича, что он уже хотел забрать его обратно¹¹². О жениховстве Дмитрия Петровича есть строчки у А. А. Фета: *«Дмитр[ий] Петрович близок к жениховству, и если в апреле свадьба, то мы, может быть, завяжем в Москве, но, скорей всего, свадьба будет позже»*¹¹³. Из того же источника известно, что «благословение Дмитрия Петровича на Мазуриной» было 5 октября 1858 года¹¹⁴. Свадьба Д. П. Боткина и С. С. Мазуриной состоялась 16 января 1859 года. 18 января того же года сестра Дмитрия Мария Петровна Фет писала: *«Свадьба была самая роскошная, ты можешь себе вообразить, что было, когда один день спустил 4000 руб. сер[ебром]»*¹¹⁵.

В семье было пятеро детей. Старший сын Сергей (15.11.1862—22.09.1864) умер в возрасте 2-х лет, младший сын Дмитрий (8.08.1877—14.12.1886) умер в 9 лет¹¹⁶. До взрослого возраста дожили трое. Пётр Дмитриевич Боткин (27.09.1865—1931), занимавшийся семейным торговым делом вместе со своим дядей Петром Петровичем Боткиным. Елизавета (07.11.1859¹¹⁷—?), в первом браке с 30 апреля 1889 года за Константином Густавовичем Дункером¹¹⁸, являвшимся пайщиком боткинской фирмы, а после его смерти вышедшей замуж за своего двоюродного брата Николая Ивановича Щукина. Сергей Дмитриевич Боткин (17.06.1869¹¹⁹—22.04.1945) выбрал службу в Министерстве иностранных дел и в Министерстве Императорского двора. С марта 1880 года под опекой Д. П. и С. С. Боткиных находились племянники Софии Сергеевны: дочери её брата Митрофана Сергеевича Мазурина, умершего в 1880 году¹²⁰, — Надежда, впоследствии вышедшая замуж за виолончелиста Брандукова, и Мария, вышедшая замуж за Сорокоумова, а также сын Константин. Некоторое время опекаемые даже жили в доме Боткиных¹²¹.

Из многочисленной семьи Боткиных Дмитрий Петрович был наиболее близок с сестрой Марией Петровной и её мужем Афанасием Афанасиевичем Фетом. Приезжая в Москву, Феты обычно останавливались в его доме¹²². Сам Фет писал, что дом Д. П. и С. С. Боткиных представлялся ему продолжением своего собственного дома — *«Его [Дмитрия Петровича] роскошный дом был для меня как бы непосредственным продолжени-*

ем нашей скромной мышиною норки; он для нас незаменим»¹²³. Известно о нескольких стихотворениях А. А. Фета, которые он посвятил семье Дмитрия Петровича: «Д. П. Боткину (Я с девятнадцатого дома...)» 1881 года написания, «Д. П. и С. С. Боткиным в день двадцатипятилетия их свадьбы (Сегодня пир отрадней мы венчаем...)» 16 января 1884 года, написанное 28 октября 1883 года, «Мите Боткину (“Митя крошка...”))», 1881–1885 годов, «Е. Д. Дункер (Если захочешь ты душу мою разгадать...)» 17 января 1888 года, «На смерть Мити Боткина» 15 декабря 1888 года, «Памяти С. С. Боткиной» 7–10 марта 1889 года, «На бракосочетание Е. Д. и К. Г. Дункер» 30 апреля 1889 года, «Е. Д. Дункер (Хвалить я браков не умею...)» 30 апреля 1891 года, «Е. Д. Дункер (Всё изменяется, как тень...)» 14 октября 1890 года, «Е. Д. Дункер (Их вместе видя и, к тому же...)» 22 октября 1891 года. Семья Д. П. Боткина также часто навещала чету Фет в их имении Воробьёвка.

Жила семья в доме в Москве, на Покровке; согласно адресным книгам, дом числился сначала под номерами 157–9¹²⁴, а затем 185, 157 и 33¹²⁵, а ныне это дом номер 27. Д. П. Боткин приобрёл дом у банкира Марка¹²⁶ в 1862 году¹²⁷ и оформил на имя жены¹²⁸. В 1867 году дом был перестроен архитектором А. С. Каминским. Описание дома сохранилось у С. Д. Боткина. *«Особняк на Покровке, в два высоких этажа и со светлым подвальным, огромный, действительно представлял из себя “усадьбу”. В одном большом и двух маленьких дворах стояло несколько отдельных построек, сараи, конюшни (обыкновенно у моих родителей были три пары городских лошадей и верховые), коровники, курятники и т. п. Маленький сад не примыкал, к сожалению, к дому. Парадный ход в подворотне вёл в переднюю, через светлый проход, из которого виднелась большая, высокая мраморная лестница, на её стенах висели четыре больших и один маленький гобелены XVIII века по рисункам Буше. В передней на высоком камине из старого голландского кафеля стояло пять больших ваз старого китайского фарфора»*¹²⁹. У П. Д. Боборыкина также есть описание дома: *«Дом снаружи не особенно архитектурен, подъезд под воротами. Но стоит вам войти в сени, чтобы увидеть художественные вкусы хозяина... Картины помещаются в трёх комнатах: двух салонах и кабинете хозяина, несколькими ступенями выше остального помещения. Оба салона по самой отделке своей стоят уже художественного интереса, в особенности второй, с обоями времён Директории. Первый салон больше и отделан в более строгом стиле... В сенях вы найдёте прекрасную изразцовую печку. На лестнице скульптурная группа, самая лестница обита ценными гобеленами. Первая комната, приёмная, уставлена старыми немецкими и венецианскими вещами из резного дерева. Тут знаток проведёт добрый час, рассматривая и любясь этой небольшой коллекцией, с таким вкусом обставляющей комнату»*¹³⁰. О прекрасных резных дверях в столовой Д. П. Боткина, сделанных Хилькевичем, вспоминал П. И. Щукин¹³¹.

По воспоминаниям племянника Д. П. Боткина Петра Щукина, «По воскресеньям у Дмитрия» Петровича бывали обеды с гостями – «зимой на Покровке, а летом в Кунцеве на его даче»¹³². Бывали у него в московском доме также балы и маскарады. Об одном из маскарадов вспоминает и А. А. Фет: «в январе, по случаю новоселья, Дмитрий Петрович затеял маскарад, на котором нам нельзя было не быть и нельзя было быть иначе, как в костюмах»¹³³. Дочь П. М. Третьякова Вера также вспоминала о маскараде у Боткиных¹³⁴. Вообще, семья Дмитрия Петровича отличалась радушием и гостеприимством¹³⁵. Об обедах и вечерах с оперными певцами М. Падилло¹³⁶, М. Ж. Д. Арто¹³⁷, Э. Николини¹³⁸, К. Нильсон¹³⁹ и другими, говорит в своих воспоминаниях В. Н. Харузина¹⁴⁰.

Кроме дома в Москве и имущества, принадлежавшего фирме «Петра Боткина сыновья», семья Д. П. Боткина владела имением «Тихий Хутор» в 15 верстах от Ново-Таволжанского свеклосахарного завода, в Харьковской губернии. В 1904 году это имение было продано наследниками Д. П. Боткина жене М. П. Боткина¹⁴¹. Также у С. С. Боткиной в собственности были дом и имение «Плетнёвка», находящееся недалеко от «Тихого Хутора»¹⁴².

Известно о любви Дмитрия Петровича Боткина к путешествиям. Ещё в молодости, при жизни отца, Дмитрию Петровичу посчастливилось побывать в Санкт-Петербурге. Он пишет отцу: «Петербург поразил меня своим великолепием: вчера успел только быть в Казанском соборе, который много удивил меня своим великолепием. Позвольте мне, любезный Папенька, от всей души поблагодарить Вас, что Вы были так добры и отпустили меня в Петербург»¹⁴³. Впоследствии Дмитрий часто ездил в Петербург: «в декабре или январе думаю съездить в Питер, послушать оперу»¹⁴⁴. Бывал Д. П. Боткин и у брата С. П. Боткина в имении: «Финляндия на этот раз произвела на меня гораздо лучшее впечатление, чем прежде – воздух там отличный – точно горный, да и самая местность приобрела лучший вид благодаря Культилле...»¹⁴⁵.

Как пишет его сын, «Мои родители ежегодно ездили за границу. Обычно они начинали с курорта или берега моря и заканчивали пребыванием в Париже. Мой отец помимо разных выставок посещал целый ряд знакомых ему картинных торговцев. Ему удавалось видеть иногда и частные коллекции»¹⁴⁶. Д. П. Боткин особенно любил Париж, он писал брату Владимиру: «я бы дорого дал, чтобы опять очнуться среди парижского шума и веселья»¹⁴⁷. Об Италии Дмитрий также отзывался с любовью. «Путешествие наше по Италии оставило по себе самые сладостные воспоминания, никогда ещё я не ездил так приятно и весело»¹⁴⁸.

Иногда поездки были связаны с коллекционированием: «я ездил в Дюссельдорф – этот рассадник немецких живописцев, и обошёл всех тамошних приятелей»¹⁴⁹. Другие поездки за границу были вызваны не-

обходимостью лечения, в частности, С. П. Боткин прописал брату ванны Крейцнара¹⁵⁰.

Кроме поездок за рубеж и в имения «Тихий хутор» и «Плетнёвка» семья Дмитрия Петровича Боткина отдыхала на снимаемой у Солодовниковых даче в Кунцево. По воспоминаниям дочери П. М. Третьякова Веры Зилоти, *«впоследствии Боткины взяли у Солдатенкова в долгосрочную аренду кусок земли, смежной с землёй Солодовниковых и построили в лесу роскошную, бревенчатую, тёмную, неуютную дачу»*¹⁵¹.

Умер Дмитрий Петрович Боткин в своём имении в Харьковской губернии, в «Тихом Хуторе». А. А. Фет, бывший при умирающем, отмечает *«необычное сочувствие окрестного населения, высказавшего в дни препровождения тела сперва из Тихого Хутора в Ново-Таволжанку, а потом на станцию железной дороги в Белгород. В продолжение трёх дней нахождения тела в Тихом Хуторе, надо было с великим усилием удерживать излишний прилив народных волн, желающих поклониться покойному. Наконец, 29 мая, всё нужное для отправки смертных останков в Москву на семейное Покровское кладбище было готово, как-то: письменное разрешение на отставку тела, из Харькова был получен металлический гроб и приготовлена траурная колесница для перевозки тела на 55-верстовом расстоянии. Но ко времени поднятия гроба на катафалк из Тихого Хутора явились массы окрестных крестьян заявить, что они понесут гроб до Таволжанской церкви, т. е. 15 вёрст. Все крестьяне явились в чистых белых рубахах, между которыми не было ни одной цветной. Четыре часа переменные добровольцы пронесли гроб до Таволжанской церкви, где он встречен был местным священником с крестом и хоругвями, многочисленной толпой местных крестьян, всеми служащими и окрестными владельцами. На другой день, в 6 часов утра, прибыли ново-таволжанские крестьяне целым обществом, со старостой во главе, прося позволения нести гроб на протяжении всего пути до Белгорода. При этом они совершенно ясно выражали, что считают своей обязанностью почтить своего хозяина и благодетеля. Можно было бы подумать, что церемонией на всём протяжении управляла одна и та же опытная рука, так как в совершенное подобие таволжанским крестьянам, проводившим тело в течение 11 часов до Белгорода, при вступлении шествия в деревни, жители их выходили навстречу в тех же безукоризненно белых рубахах, без шапок, и тотчас же сменили прежних носильщиков. В сёлах, находящихся на пути, духовенство вместе со своими прихожанами встречало тело, озаботившись первоначально установить путь зелёными ветвями и усыпать дорогу вдоль селений свежей травой. Ровно в 6 часов вечера погребальная процессия остановилась на высокой горе перед Белгородом, в ожидании выхода приглашённого заранее белгородского городского духовенства, которое не заставило себя ждать. Не менее изумительное зрелище представлял и самый город. Все тротуа-*

ры, окна и самые крыши домов были наполнены зрителями. К довершению изумления, сельские крестьяне во время вступления тела в городе, как бы во избежание всякой толкотни и беспорядка по улицам шествия, взявшись за руки, образовали вокруг гроба непрерывную оборонительную цепь. Конечно, гроб внесли в город крестьяне последнего перехода, но таволжанское общество прошло безустанно 45 вёрст. Все местные власти почтили усопшего своим сочувственным прощанием»¹⁵².

Похоронен Дмитрий Петрович Боткин был на семейном участке на кладбище Покровского монастыря в Москве. К сожалению, семейный некрополь был уничтожен в 1934 году. О похоронах Д. П. Боткина известно из письма его дочери Елизаветы тётё Марии Петровне Фет, урождённой Боткиной: «было много народа, множество венков – был и генерал-губернатор. Вообще, похороны прошли с большой помпой, но их нельзя сравнить с душевными и оригинально-художественными проводами в Белгороде»¹⁵³.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Церковь, находящаяся на Земляном валу, разобрана, на её месте сейчас находится жилой многоэтажный дом.
- ² РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 106. Л. 1.
- ³ Дмитрий Васильевич Григорович (1822—1899) – русский писатель, общественный деятель, директор музея в Императорском обществе поощрения художеств в Санкт-Петербурге.
- ⁴ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 109.
- ⁵ Боткин С. Д. Дела давно минувших дней // Бежин луг. – 1995. – № 3. – С. 153.
- ⁶ Фет А. А. Некролог Д. П. Боткина // Прибавления к Церковным ведомостям: Издаваемым при Святейшем правительствующем Синоде. Еженедельное издание. – 1889. – Год второй. – № 24. – С. 703.
- ⁷ Боткин С. Д. Дела давно минувших дней // Бежин луг. – 1995. – № 3. – С. 153.
- ⁸ РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 3.
- ⁹ Боткин С. Д. Дела давно минувших дней // Бежин луг. – 1995. – № 3. – С. 153.
- ¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 42. Л. 87–165 об.
- ¹¹ РГИА. Ф. 1657. Оп. 1. Д. 9. Л. 41, 53 об, 56 об.
- ¹² ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 42. Л. 172 об.
- ¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 42. Л. 162–162 об.
- ¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 45. Л. 60 об–61.
- ¹⁵ Там же. Л. 69 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 91.
- ¹⁷ Носова Г. В. Фонд П. К. Боткина как источник для изучения протекционизма в России // Забелинские научные чтения. – 2000. – М.: Государственный исторический музей, 2001. – Вып. 126. – С. 348.
- ¹⁸ РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 114. Л. 22 об.
- ¹⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 1. Л. 12.

- 20 ЦГА г. Москвы. Ф. 3. Оп. 1. №43. Л. 1.
- 21 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 1. Л. 12.
- 22 РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 68; ОР РГБ. Ф. 258. Карт. 1. Ед. хр. 8–10.
- 23 *Боткин С.Д.* Дела давно минувших дней // Бежин луг. – 1995. – № 3. – С. 153.
- 24 Справочная книга о лицах, получивших купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве на 1884 год. – М., 1884. – С. 11.
- 25 Справочная книга о лицах, получивших купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве на 1889 год. – Москва, 1889. – С. 12.
- 26 РГИА. Ф. 20. Оп. 4. Д. 4818. Л. 6.
- 27 РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 38. Л. 33 об–34.
- 28 *Боткин С.Д.* Дела давно минувших дней // Бежин луг. – 1995. – № 3. – С. 154.
- 29 РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 165. Л. 4.
- 30 РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 8.
- 31 Справочная книга о лицах, получивших купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве на 1897 год. – М., 1897. – С. 42.
- 32 *Фет А.А.* Некролог Д.П. Боткина... – С. 703.
- 33 Подробнее о коллекционировании Д.П. Боткина см.: *Ненарокомова И.С.* Дмитрий Боткин и его коллекции // Русская галерея. – 2000. – № 1–2. – С. 106–109; *Луканова А.Г.* Боткины Дмитрий Петрович, Пётр Петрович // Эра Румянцевского музея: картинная галерея: из истории формирования собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. – М., 2010. – С. 223–229; *Юденкова Т.В.* «Лаборатория» коллекционера. По неизданным письмам Д.П. Боткина и С.М. Третьякова // Русское искусство. – 2012. – № 3. – С. 49–57; *Юденкова Т.В.* Они «не захотят продавать ни по какой цене». К вопросу о коллекционировании Д.П. Боткина и С.М. Третьякова // Русское искусство Нового времени: исследования и материалы: сборник статей / НИИ теории и истории изобразительных искусств; ред.-сост. И.В. Рязанцев. – М.: Памятники исторической мысли, 2013. – Вып. 15: По итогам Всероссийской научной конференции «Бытие искусств в России XVIII – начала XX века: проблемы, мастера, произведения». – С. 178–195.
- 34 *Фет А.А.* Мои воспоминания. 1848–1889. – М.: типография А.И. Мамонтова и К, 1890. – Ч. 1 – С. 190.
- 35 Живописное обозрение. Иллюстративный журнал путешествий, открытий, исследований, изобретений и проч. – 1889. – 11 июня. – № 24. – С. 399.
- 36 Алексей Дмитриевич Галахов (1807—1892) – историк русской литературы.
- 37 *Галахов А.Д.* Сороковые годы // Исторический вестник. – 1892. – Т. 47. – № 1. – С. 132.
- 38 Михаил Никифорович Катков (1818—1887) – русский публицист, литературный критик, редактор газеты «Московские ведомости».
- 39 *Катков М.Н.* Собрание передовых статей Московских ведомостей за 1869 год. – Москва: Издание С.П. Катковой, 1897. – С. 677.
- 40 *Боткин В.П.* О выставке в Московском архитектурном училище // Московский наблюдатель. – 1838. – Т. 17. – С. 413; *Боткин В.П.* Выставка картин в Московском архитектурном училище // Отечественные записки. – 1840. – Т. 13. – С. 23; *Боткин В.П.* Выставка в императорской Академии художеств. Октябрь 1855 года // Современник. – 1855. – Ноябрь. – № 11. – С. 73–82.
- 41 РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 110. Л. 5 об.
- 42 *П. Б.* [П. Боборькин]. Письма о Москве: Письмо третье // Вестник Европы. – 1881. – № 7. – С. 386–387.

- 43 Жан-Леон Жером (1824—1904) – французский художник.
- 44 Жан-Луи-Эрнест Месонье (1815—1891) – французский художник.
- 45 Шарль-Франсуа Добиньи (1817—1878) – французский художник.
- 46 Констант Тройон (1810—1865) – французский художник.
- 47 Роза Бонёр (1822—1899) – французская художница.
- 48 Луи Галле (1810—1887) – бельгийский художник.
- 49 Беньямин Вотье (1829—1898) – немецкий художник.
- 50 Александр Калам (1810—1864) – швейцарский художник.
- 51 Братья Андреас Ахенбах (1815—1910) и Освальд Ахенбах (1827—1905) – немецкие художники.
- 52 Людвиг Кнаус (1829—1910) – немецкий художник.
- 53 Иван Егорович Тоньолати (Тогнолати) – коллекционер.
- 54 Луи Палацци – коллекционер.
- 55 Иосиф (Осип Осипович) Негри – коллекционер.
- 56 А. Ф. Марк – коллекционер и банкир.
- 57 О Смирнове вспоминал П. И. Щукин, «старика Смирнова, торговавшего в Париже картинами». См. кн.: *Щукин П. И.* Воспоминания. Из истории меценатства России / Сост. Н. В. Горбушина. С предисл. и под ред. С. О. Шмидта. – М.: Государственный исторический музей, 1997. – С. 156.
- 58 Александр Александрович Борисовский – коллекционер.
- 59 Отто Иванович Левенштейн – коллекционер.
- 60 *Стасов В. В.* Павел Михайлович Третьяков и его картинная галерея // Русская старина. – 1893. – № 80. – С. 598–599.
- 61 РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 111. Л.1 об.
- 62 РГАЛИ. Ф. 515. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л.1 об.
- 63 *Юденкова Т. В.* Они «не захотят продавать ни по какой цене». К вопросу о коллекционировании Д. П. Боткина и С. М. Третьякова // Русское искусство Нового времени: исследования и материалы: сборник статей / НИИ теории и истории изобразительных искусств; ред.-сост. И. В. Рязанцев. – М.: Памятники исторической мысли, 2013. – Вып. 15: По итогам Всероссийской научной конференции «Бытие искусств в России XVIII – начала XX века: проблемы, мастера, произведения». – С. 178–179.
- 64 РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 47. Л. 3, 73 об.
- 65 Алексей Алексеевич Харламов (1840—1925) – русский художник.
- 66 Александр Антонович Риццони (1836—1902) – русский художник.
- 67 Евгений Эдуардович Дюккер (1841—1916) – русский художник.
- 68 Алексей Петрович Боголюбов (1824—1896) – русский художник.
- 69 *Стасов В. В.* Павел Михайлович Третьяков и его картинная галерея // Русская старина. – 1893. – № 80. – С. 591.
- 70 *Верещагин А. В.* Новые рассказы. – СПб.: типография Э. Арнольда, 1900. – С. 49.
- 71 Письмо П. М. Третьякова В. В. Стасову от 1 декабря 1877 года // Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова. 1874—1897 / Письма подгот. к печати и примеч. к ним сост. Н. Г. Галкиной и М. Н. Григорьевой. – М., Л.: Искусство, 1949. – С. 30.
- 72 *Зилоти В. П.* В доме Третьякова. – М.: Государственная Третьяковская галерея, 2016. – С. 202–203. Владимир Дмитриевич Коншин (1824(9)—1915) – купец 1 гильдии, коммерции советник, муж Елизаветы Михайловны, урождённой Третьяковой.
- 73 *И. Б.* Иллюстрированная библиография // Всемирная иллюстрация: еженедельный иллюстративный журнал. – 1886. – 1 марта. – Т. 25. – № 894. – С. 195.

- 74 Каталог картин, составляющих собрание Д. П. Боткина в Москве. – СПб: типография Майкова, 1875; Каталог картинам, составляющим собрание Д. П. Боткина в Москве. – М.: Университетская типография, 1875.
- 75 Каталог картинам из собрания Д. П. Боткина. – М., 1882.
- 76 Explication des ouvrages de peinture et dessins, sculpture, architecture et gravure des artistes vivans, exposés au Palais des Champs-Élysées le 1er mai 1875. – Paris: Imprimerie nationale, 1875. – P. 26.
- 77 Иллюстрированный Каталог Всероссийской Выставки в Москве 1882 года / Составил Н. П. Собко. Издал М. П. Боткин. Второе исправленное и дополненное издание на русском и французском языке. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1882. – С. 14, 18, 22, 28, 30, 32, 36, 39, 44–45.
- 78 РГИА. Ф. 789. Оп. 14. Д. 102 Б. Л. 85; Отчёт Императорской Академии художеств с 4 ноября 1881 по 4 ноября 1882. – СПб., 1883. – С. 11.
- 79 РГИА. Ф. 789. Оп. 19. Д. 1764. Л. 90 об.
- 80 *Е. Д.* Боткинская галерея // Всемирная иллюстрация: еженедельный иллюстративный журнал. – 1874. – 7 декабря. – Т. 12. – № 310. – С. 398.
- 81 *Коровин К. А.* Константин Коровин вспоминает... / Сост. книги, авт. вступ. статьи [с. 3–36] и коммент. И. С. Зильберштейн и В. А. Самков. – М.: Изобразительное искусство, 1971. – С. 546.
- 82 РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 3.
- 83 Москва-Сибирь: адресная и справочная книга: посредник-указатель торгово-промышленных фирм г. Москвы и Сибири на 1905 год. – М.: Издание А. П. Крюкова, 1904. – С. 139.
- 84 Письмо Ю. Кулаковского А. А. Фету от 25 сентября 1889 года // А. А. Фет: Материалы и исследования / отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. – СПб.: Контраст, 2013. – Вып. 2. – С. 490.
- 85 РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 1.
- 86 ОР РГБ. Ф. 315. Карт. 7. Ед. хр. 58. Л. 6 об.
- 87 ГАРФ. Ф. А 2307. Оп. 8. Д. 29.
- 88 *Боткин С. Д.* Дела давно минувших дней // Бежин луг. – 1995. – № 3. – С. 158.
- 89 Доклады совета Московского художественного общества общему собранию 14 марта 1901 года. – М.: Т-во "Печатня С. П. Яковлева", 1901. – С. 17; Справочная книга о лицах, получивших купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве на 1889 год. – М., 1889. – С. 12.
- 90 РГИА. Ф. 789. Оп. 11. Д. 222. Дело выбыло.
- 91 РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 1, 3.
- 92 РГИА. Ф. 789. Оп. 11. 1885 г. Д. 162.
- 93 РГИА. Ф. 789. Оп. 19. Д. 1764. Л. 90 об.
- 94 *Юденкова Т В.* Другой Третьяков: Судьба и коллекция одного из основателей Третьяковской галереи. – М.: Арт-Волхонка, 2012. – С. 33.
- 95 *Бурыйшкин П. А.* Москва купеческая. – М.: Высшая школа, 1991. – С. 166.
- 96 Доклады совета Московского художественного общества общему собранию 14 марта 1901 года. – М.: Т-во "Печатня С. П. Яковлева", 1901. – С. 17.
- 97 РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 1 об. Капитал Московскому обществу любителей художеств был поделён на две равные части, они были направлены во вспомогательный фонд образования и в общий капитал. См.: Сорок третий отчёт комитета состоящего под августейшим покровительством её императорского Величества государы-

- ни Императрицы Марии Федоровны Московского Общества любителей художеств за 1903 год. – М., 1904. – С. 49, 55.
- ⁹⁸ РГАИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 42. Л. 105–105 об.
- ⁹⁹ Книга адресов жителей Москвы, составленная по официальным сведениям и документам. Часть 1: Лица служащие. – М., 1863. – С. 373; Столетие Московской практической академии коммерческих наук, 1810–1910. – М., [б. г.]. – С. 707.
- ¹⁰⁰ РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 52. Л. 1 об.
- ¹⁰¹ Исторический очерк пятидесятилетнего существования Московского мещанско-го мужского училища, основанного Московским купеческим обществом в память совершеннолетия его императорского высочества государя наследника цесаревича Александра Николаевича. 1835–1885. – М.: Типо-лит. Н. И. Куманина, 1885. – С. 152.
- ¹⁰² Справочная книга о лицах, получивших купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве на 1884 год. – М., 1884. – С. 11; *Виноградов Н. И.* Московское коммерческое училище: Сто лет жизни / Сост. секр. Пед. конф. Н. Виноградовым. – М.: иждивением б. воспитанника Уч-ща М. Н. Гребнева, 1904. – Управление. – С. 5.
- ¹⁰³ Справочная книга о лицах, получивших купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве на 1884 год. – М., 1884. – С. 11.
- ¹⁰⁴ *Быков П. И. К. Арнольд* // Всемирная иллюстрация: еженедельный иллюстративный журнал. – 1891. – 18 мая. – Т. 45. – № 1165. – С. 356.
- ¹⁰⁵ Краткий очерк основания и деятельности Екатерининского благотворительного общества при Екатерининской больнице в Москве, за первые 25 лет его существования: 1875–1900 гг. – М.: Университетская типография, 1901. – С. 44.
- ¹⁰⁶ Курские епархиальные ведомости. Отдел официальный, неофициальный. – 1886. – № 2. – 15–31 января. – С. 75.
- ¹⁰⁷ *Зиновеева М. М.* Деятельность Н. В. Глобы на посту директора Художественно-промышленного музея Александра II при Строгановском училище // Академик Императорской академии художеств Николай Васильевич Глоба и Строгановское училище / ответственный редактор и составитель Т. Л. Астраханцева. – Изд. 2-е, испр. – М.: Индрик, 2017. – С. 69.
- ¹⁰⁸ Справочная книга о лицах, получивших купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве на 1884 год. – М., 1884. – С. 11.
- ¹⁰⁹ Справочная книга о лицах, получивших купеческие и промысловые свидетельства по г. Москве на 1889 год. – М., 1889. – С. 12.
- ¹¹⁰ Городские учреждения Москвы, основанные на пожертвования, и капиталы, пожертвованные московскому городскому общественному управлению в течение 1863–1904. – М., 1906. – С. 325.
- ¹¹¹ А. А. Фет и его литературное окружение / Литературное наследство / Отв. ред. Т. Г. Динесман. – Т. 103. – Кн. 1. – ИМЛИ РАН, 2008. – С. 234.
- ¹¹² РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 112. Л. 1–1 об.
- ¹¹³ А. А. Фет и его литературное окружение / Литературное наследство / Отв. ред. Т. Г. Динесман. – Т. 103. – Кн. 1. – ИМЛИ РАН, 2008. – С. 122.
- ¹¹⁴ Там же – С. 125.
- ¹¹⁵ Там же. – С. 136.
- ¹¹⁶ ОР РГБ. Ф. 258. Карт. 1. Ед. хр. 9. Л. 40; Московский некрополь. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1907. – Т. 1 (А–I). – С. 133.
- ¹¹⁷ РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 7.
- ¹¹⁸ РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 1.

- 119 РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 2599. Л. 5.
- 120 ОР РГБ. Ф. 315. Карт. 6. Ед. хр. 32. Л. 8–9; Карт. 7. Ед. хр. 57. Л. 1–1 об.
- 121 *Харузина В. Н.* Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. М. М. Керимовой и О. Б. Наумовой. – М.: Новое литературное обозрение, [1999?]. – С. 452.
- 122 А. А. Фет и его литературное окружение / Литературное наследство / Отв. ред. Т. Г. Динесман. – Т. 103. – Кн. 1. – ИМЛИ РАН, 2008. – С. 153.
- 123 Там же. – С. 180, 769.
- 124 Московская памятная книжка или адрес-календарь жителей Москвы на 1868 год, составленная по официальным документам. – М., 1868. – Алфавит московского купечества. – С. 240.
- 125 Вся Москва. Адрес-календарь города Москвы на 1888 г. с планом города / Испр. и дополн. П. М. Мартыновым. – М.: Городская типография, 1887. – Стлб. 726.
- 126 Согласно адрес-календарю 1862 года владельцем дома был Генрих Альбертович Марк. См.: Книга адресов жителей Москвы, составленная по официальным сведениям и документам. – М., 1862. – Ч. 1: Лица служащие. – С. 293. Однако, в литературе встречается имя А. Ф. Марка. См. ст.: *Луканова А. Г.* Боткины Дмитрий Петрович, Пётр Петрович // Эра Румянцевского музея: картинная галерея: из истории формирования собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина. – М., 2010. – С. 225; *Юденкова Т. В.* Другой Третьяков: Судьба и коллекция одного из основателей Третьяковской галереи. – М.: Арт-Волхонка, 2012. – С. 30; *Филаткина Н. А.* Дом на Покровке. О старинном московском особняке (улица Покровка, 27) и его владельцах // Московский журнал. История государства Российского. – 2015. – № 11. – С. 12.
- 127 ОР РГБ. Ф. 258. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 1.
- 128 Согласно завещанию С. С. Боткиной от 1887 года, в случае её смерти дом доставался мужу. См.: РГИА. Ф. 1287. Оп. 15. Д. 963. Л. 11.
- 129 *Боткин С. Д.* Дела давно минувших дней // Бежин луг. – 1995. – № 3. – С. 158.
- 130 *П. Б. [П. Боборыкин].* Письма о Москве: Письмо третье // Вестник Европы. – 1881. – № 7. – С. 386. Воспоминания об интерьерах дома Д. П. Боткина оставила и В. Н. Харузина. См.: *Харузина В. Н.* Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. М. М. Керимовой и О. Б. Наумовой. – М.: Новое литературное обозрение, [1999?]. – С. 171–172.
- 131 *Шукин П. И.* Воспоминания... – С. 181.
- 132 Там же. – С. 98.
- 133 *Фет А. А.* Мои воспоминания. 1848–1889. – М.: типография А. И. Мамонтова и К, 1890. – Ч. 1. – С. 408.
- 134 *Зилоти В. П.* В доме Третьякова. – М.: Государственная Третьяковская галерея, 2016. – С. 95.
- 135 *Шукин П. И.* Воспоминания... – С. 98.
- 136 Мариано Падиллья-и-Рамос (1842—1906) – испанский оперный певец, баритон.
- 137 Маргарет Жозефин Дезире Арто (1835—1907) – французская оперная певица, меццо-сопрано.
- 138 Эрнесто Николини (1834—1898) – французский оперный певец, тенор.
- 139 Кристина Нильсон (1843—1921) – шведская оперная певица, сопрано.
- 140 *Харузина В. Н.* Прошлое: Воспоминания детских и отроческих лет / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. М. М. Керимовой и О. Б. Наумовой. – М.: Новое литературное обозрение, [1999?]. – С. 132.

- 141 РО ИРЛИ РАН. Ф. 462. Поступление № 22 от 1983 года.
142 РГИА. Ф. 1287. Оп. 15. Д. 963. Л. 11.
143 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 45. Л. 29–29 об.
144 РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 2 об.
145 РГАЛИ. Ф. 515. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 4.
146 *Боткин С. Д.* Дела давно минувших дней // Бежин луг. – 1995. – № 3. – С. 154.
147 РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 1.
148 Там же. Л. 14 об.
149 РГАЛИ. Ф. 515. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 1 об.
150 РГАЛИ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 80. Л. 13 об.
151 *Зилоти В. П.* В доме Третьякова. – М.: Государственная Третьяковская галерея, 2016. – С. 201.
152 *Фет А. А.* Некролог Д. П. Боткина... – С. 704.
153 ОР РГБ. Ф. 315. Карт. 7. Ед. хр. 58. Л. 7 об–8.

Т. И. ГАНФ

(Петровская академия наук и искусств; Санкт-Петербург)

О СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ Е. С. БОТКИНА

Аннотация. Вопрос о социальном статусе лейб-медика императорской четы Николая II и Александры Фёдоровны Евгения Сергеевича Боткина вызывает интерес среди исследователей. Часто его называют дворянином, приписывают всему семейству Боткиных герб, который в действительности принадлежал двоюродному брату Е. С. Боткина Сергею Дмитриевичу Боткину и его семье. В статье рассматриваются различные документы – метрические записи, формулярные списки, документы Александровского лицея, в котором обучались дети Е. С. Боткина. Но ни в одном из этих документов нет упоминаний о дворянстве.

Ключевые слова. Е. С. Боткин, дворянство, герб, С. Д. Боткин, Бюцовы.

T. I. GANF

(Peter's Academy of Sciences and Arts; Saint Petersburg)

ABOUT THE SOCIAL STATUS OF E. S. BOTKIN

Abstract. The question of the social status of the medical physician of Nicholas II and Alexandra Feodorovna E. S. Botkin is very interesting among researchers. He is often called a nobleman. But the coat of arms is attributed to the whole Botkin family, in reality belonged to S. D. Botkin's, E. S. Botkin's cousin, and his family. The article discusses various documents (metric records, official lists, documents of the Alexander Lyceum, in which E. S. Botkin's children studied). But there were not any references to the nobility.

Keywords. E. S. Botkin, nobility, coat of arms, S. D. Botkin, Butsov.

О Царском лейб-медике Евгении Сергеевиче Боткине, новопрославленном в лике святых, сказано много и не всегда достоверно. Но каждый человек достоин реальной биографии, подтверждённой архивными документами. В книге «Царский лейб-медик» опубликован герб Боткиных. Но кому из членов огромной семьи Боткиных он принадлежал? Был ли Евгений Сергеевич дворянином? Составитель книги, О. Т. Ковалевская, считала, что этот герб принадлежал и Е. С. Боткину¹. Попробуем разобраться.

В формулярных списках академика, профессора ИВМА, лейб-медика, члена около 30 русских и международных научных и общественных объединений и организаций Сергея Петровича Боткина, нигде не указана его принадлежность к сословию дворян. По чину и наградам он имел полное право получить это звание, подав прошение в департамент герольдии.

Эти документы не найдены. Без инициативы просителя, автоматически, статус дворянина не предоставлялся любому, дослужившемуся до определённого чина (надворный советник, либо действительный статский советник) или по награждению орденами Св. Владимира всех степеней², Св. Анны 1-ой степени – потомственное дворянство, Св. Анны 2–4-ой степеней – личное дворянство³, Св. Станислава 1-й степени⁴.

Кратко напомним историческую перспективу развития законодательства о получении звания дворянина гражданами Российской Империи. По установленному Петром I «Табели о рангах», *«все служители Российские или чужестранные, которые первые 8 рангов находятся, или действительно были: имеют оные законные дети и потомки в вечные времена, лучшему старшему Дворянству во всяких достоинствах и авантажах равно почтены быть, хоть бы они и низкой породы были»*⁵. Также Герольдмейстерам было вменено в обязанность проверять, законно ли дворянство⁶.

Законом от 6 августа 1809 года доступ к продвижению по службе и как следствие к дворянству для гражданских чинов затруднялся образовательным цензом – *«никто не будет произведён в чин коллежского асессора, хотя бы и выслужил положенное число лет, в титулярных советниках, если сверх отличных ободрений своего начальства, не предъявит свидетельство от одного из состоящих в Империи Университетов, что он обучался в оном с успехом наукам, гражданской службе свойственным, или что представ на испытание, заслужил на оном ободрение в своём звании»*⁷.

Манифестом от 11 июня 1845 года «о порядке приобретения дворянства» разъяснялось, что в связи с изменением положения в стране (увеличением чиновников и войска) *«поступивший не из дворян в военную службу, при производстве в первый офицерский чин, получает право личного дворянства, <...> дослужившийся же до штаб-офицерского чина приобретает дворянство потомственное»*. *«Недворяне, поступающие в гражданскую службу, при производстве в оной в чин 14 класса, получают право личного почётного гражданства, а при производстве в 9 класс вступают в права личного дворянства; дослужившиеся до чина 5 класса приобретают дворянство потомственное»*⁸. Количество дворян в России всё равно неуклонно увеличивалось за счёт награждённых, отличившихся по службе или в военных действиях.

Именной указ от 9 декабря 1856 года даровал право перехода в дворянское сословие у гражданских чинов при получении чина действительного статского советника, согласно чину 4-го класса, а у военных чинов – в полковники⁹.

Первого августа 1898 года было установлено, что действительный статский советник получает этот возделенный чин только после пяти-

летнего служения в чине статского советника, занимая должность не ниже 5-го класса¹⁰. Этим же указом были чётко установлены рамки для награждения орденами – распределённые по чинам и по годам службы в них.

Оформление документов сопровождалось значительными тратами на марки, заверенные копии метрических свидетельств, оформление прошения на дорогой бумаге, оплаты пошлин и пр. Дворянский герб, разработанный по постановлению, после присуждения просителю звания дворянина, к которому теперь следовало обращаться «Ваше благородие», обходился не менее 500 рублей. Дела по дворянству шли по различным канцеляриям и департаментам годами, если не десятилетиями.

Изучая официальные документы Сергея Петровича Боткина, обратим внимание на тщательно оформленный прекрасным писарским почерком для предъявления в Придворную медицинскую часть формулярный список Сергея Петровича Боткина, подписанный начальником ИМХА 3 декабря 1870 года, где указано, что Сергей Петрович Боткин, 36-ти лет, происходит из почётных граждан¹¹. Можно предположить, что он мог оформить документы на дворянство позже, когда его дети достигли подросткового возраста и им, при поступлении в учебные заведения, требовалось предъявить документы о социальном статусе их родителей. Свидетельство о рождении и крещении его внука Сергея, сына Анастасии Сергеевны и Василия Михайловича Бородулиных, выданное причтом Преображенского всей гвардии собора, – достоверный документ¹². Внук Сергей родился 12 декабря 1888 года и был крещён 29 января 1889 года в Преображенском всей гвардии соборе в Петербурге. Восприемниками были тайный советник Сергей Петрович Боткин и жена академика, коллежского советника М. П. Боткина Екатерина Никитишна¹³. Родные братья Сергей и Михаил, упомянутые в документе, названы в соответствующих чинах и званиях, но не упомянуто, что они дворяне. Напомним, что в декабре 1889 года Сергей Петрович Боткин скончался, оплакиваемый пациентами, учениками, родными и близкими, оставившими интереснейшие свидетельства о его жизни. В многочисленных некрологах, воспоминаниях, памятных заметках нигде, никто и никогда не называет его дворянином.

В метрике его первой дочери Анастасии Сергеевны Боткиной сказано, что она дочь надворного советника, профессора ИМХА, доктора медицины С. П. Боткина родилась 26 июля 1863 года, крещена в Царскосельском Екатерининском соборе 10 сентября 1863 года, о чём в метрической книге Екатерининского собора за 1863 год, часть 1-я за № 29 сделана запись. Восприемники девочки: потомственный почётный гражданин Пётр Петрович Боткин и дочь губернского секретаря Мария Александровна Крылова. Копия метрического свидетельства была выдана 15 октября

1894 года настоятелем Екатерининского собора в Царском Селе протоиереем Афанасием Беляевым¹⁴. Церковные документы обычно тщательно фиксировали социальный статус упомянутых персон: крестьянин, мещанин, дочь полковника, сын потомственного почётного гражданина, дворянин, сенатор и прочее. О дворянском статусе нигде не упоминается. Анастасия венчалась с коллежским советником Василием Михайловичем Бородулиным на Юге Франции, о чём было засвидетельствовано в метрических книгах церкви Святого Александра Невского (в городе По) и временной церкви Покрова Божией Матери (города Биарриц) 8 (20) октября 1887 года¹⁵. В этих документах нигде не упомянуто, что девица Анастасия была дочерью дворянина или дворянкой.

Члены семьи Боткиных, общавшиеся с самыми разнообразными социальными слоями, гордились своим происхождением из посадских людей города Торопца, из купцов и почётных граждан города Москвы. Гордились дружной, сплочённой, охваченной страстной потребностью к творчеству семьёй: благотворителей, коллекционеров, художников, литераторов, деловых людей и предпринимателей. Сергей Петрович Боткин, очевидно, будучи самодостаточным и чрезвычайно занятым человеком, не счёл необходимым хлопотать о предоставлении ему звания потомственного дворянина, надеясь, что деловые и человеческие качества его детей не будут нуждаться в подкреплении их карьеры дополнительными бумажками, оформление которых будет длиться несколько лет и обойдётся в приличную сумму.

В документах департамента герольдии в Российском государственном историческом архиве сохраняется дело о дворянстве Боткиных¹⁶. Камергер Высочайшего Двора, действительный статский советник, 1-ый секретарь Императорского посольства в Берлине Сергей Дмитриевич Боткин подал прошение 10 мая 1914 года о признании его по чину действительного статского советника в дворянском сословии с женой его Ниной Евгеньевной, урождённой Бюцевой, и сыном Борисом¹⁷. Он упомянул, что документы о дворянском статусе необходимы для помещения сына Бориса в Императорский Александровский лицей¹⁸. К прошению были приложены необходимые документы, из которых выясняется, что проситель родился 17 июня 1869 года в семье потомственного почётного гражданина московского 1-ой гильдии купца Дмитрия Петровича Боткина¹⁹ (брата Сергея Петровича Боткина).

На основании формулярного списка С. Д. Боткина ясно, что он имел право на получение дворянства в нисходящем потомстве и по должности, и по классу. Причём чин действительного статского советника он получил не по дипломатическому ведомству, а по безвозмездным обязанностям, которые он нёс несколько лет, будучи попечителем детских приютов Ведомства Учреждений Императрицы Марии (ВУИМ), которое

и ходатайствовало о награждении его чином действительного статского советника. Свидетельство о признании Сергея Дмитриевича Боткина в потомственном дворянском сословии было выдано по Указу Императора и решению Сената 29 мая 1914 года²⁰. Ещё некоторое время потребовалось для утверждения фамильного герба (14 мая 1916 года) и изготовления его изображения (5 сентября 1916 года)²¹.

Члены семьи Боткиных и семьи жены просителя, урождённой Бюцевой, активно обсуждали проект герба. В архивном деле сохранились варианты, подготовленные Константином Евгеньевичем Бюцевым, камергером Высочайшего двора, братом жены Сергея Дмитриевича Боткина. Но пожелания семьи и представленные эскизы не были учтены в департаменте герольдии, который имел свои взгляды на то, что необходимо и что возможно отразить в гербе²². Пожелание С. Д. Боткина «*увековечить в гербе славный город Торопец*» было воплощено в силуэте «*возникающего барса*» – символа Пскова, которому на начало XX века административно подчинялся город Торопец. В то же время было исполнено другое пожелание увековечить семейное дело Боткиных – чаеоторговлю в виде трёх чайных червлёных цветков на серебряном поле. Ниже, на червлёном поле свёрнутые бумаги с печатями – символ дипломатической государственной службы «*родоначальника настоящей ветви С. Д. Боткина*»²³. Девиз «*Верю, верностью, трудом*» расположен на червлёной ленте внизу²⁴. Таким образом, герб, опубликованный в книге «*Царский лейб-медик*»²⁵ и приписываемый всем Боткиным, на самом деле принадлежит только Сергею Дмитриевичу Боткину, его жене Нине Евгеньевне и сыну Борису. К сожалению, ошибка, допущенная в книге, теперь тиражируется в разных исследованиях и статьях.

В документах о приобретении дворянства С. Д. Боткиным сказано: «*Определением Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии, состоявшемся 29 мая 1914 года в звании Камергера Двора Его Императорского Высочества Сергей Дмитриевич Боткин с женой Ниной Евгеньевной и сыном Борисом признаны в потомственном дворянстве с правом внесения в 3-ью часть Дворянской родословной книги по получению 1 января 1914 года чина действительного статского советника*». После утверждения этого герба лично Государем 14 апреля 1916 года в Царском Селе, правительствующий Сенат поручил изготовление герба художнику Серебрякову, что и было выполнено²⁶.

Данный герб принадлежит родоначальнику ветви семьи Боткиных – дипломату Сергею Дмитриевичу Боткину, двоюродному брату Евгения Сергеевича. Е. С. Боткин никак не мог претендовать на одновременное присвоение этого звания себе и своему потомству. Герб отражал не только семейную историю Боткиных, но и личную служебную характеристику – государственную дипломатическую службу Сергея Дмитриевича

Боткина, очевидно, особо доверенного лица Царской семьи. Перед Первой Мировой войной и некоторое время после начала войны он был Министром-резидентом Царского правительства при дворе великого герцога Гессенского и герцога Саксен-Кобург Готтского, брата Императрицы Александры Фёдоровны. Государь, прекрасно владевший европейскими языками, родственник большинства европейских монархов, огромное значение придавал дипломатии накануне Первой Мировой войны, стремясь избежать военного конфликта²⁷. Выбор дипломатов при немецком герцоге, близком родственнике, в сложных международных обстоятельствах накануне и в начале мировой войны – свидетельство доверия к С. Д. Боткину со стороны Августейшей семьи.

В документах С. Д. Боткина сохранилась не только генеалогия семьи Боткиных, но и ещё один эскиз герба, нарисованный непрофессионалом, неровной рукой. В верхнем поле щита – чаша, медицинский символ, а в нижнем – уже знакомые нам чайные цветки на голубом поле, характерном для всех «фирменных» боткинских чайных упаковок. В правом верхнем углу есть надпись – «Лейб-медик его Императорского Величества Евгений Сергеевич Боткин»²⁸. Вероятно, этот проект был сделан специально для Е. С. Боткина. Однако сведений о том, что Е. С. Боткин воспользовался свои правом на приобретение дворянского звания, пока не найдено.

Стоит упомянуть, что ещё одна ветвь Боткиных приобрела дворянское звание – очень дальний родственник Николай Иванович Боткин, живущий в Новгородском уезде, записан дворянином в 3-й части родословной книги, в книге № 5, на странице 199²⁹. Он получил звание 30 сентября 1880 года, утверждён Сенатом 23 февраля 1881 года; вместе с ним его жена Варвара Дмитриевна и дети Иван и Анна³⁰.

Во время учёбы сыновей Е. С. Боткина в Александровском императорском лицее, заполнялись различные документы, где должен был обозначаться социальный статус их отца. Боткин Георгий Евгеньевич, сын действительного статского советника Евгения Сергеевича Боткина, родился 8 октября 1895 года. Поступил в августе 1913 года в 3-й класс лицея. Графа «дворянство», как и у остальных на этой странице, не заполнена. Выбыл из 2-го класса в августе 1914 года для поступления вольноопределяющимся в армию³¹.

Однако нужно заметить, что тот же пропуск в графе о дворянстве есть и у Бориса Сергеевича Боткина, сына действительного статского советника Сергея Дмитриевича Боткина: родился 7 декабря 1896 года, поступил в лицей 6 мая 1914 года в 4-й класс, графа «дворянство» не заполнена. Учёбу с началом войны он не оставил, но и записи об окончании лицея нет³². В то же время необходимо отметить, что из документов С. Д. Боткина видно, что прошение о дворянстве было подано спустя четыре дня после записи его сына в ученики Александровского лицея³³.

Разноплановая медицинская, научная, общественная деятельность Е. С. Боткина меньше всего способствовала его карьерному росту, внешнему преуспеянию. Поглощённый смыслом деятельности, он не хлопотал ни о чинах, ни о наградах, ни о пенсии. Евгений Сергеевич позже многих однокурсников получил чин действительного статского советника, так как он был «своекоштным» студентом ИВМА. «Казеннокоштным» засчитывались три года учёбы в стаж. Позже он, переходя в другое ведомство, потерял «трудовой стаж» для присвоения следующего чина. Научная командировка в Европу опять привела его к отставанию в чинопроизводстве. Почти 10 лет Е. С. Боткин служил безвозмездно в Мариинской больнице для бедных сверхштатным врачом, интерном. Следующее десятилетие, наполненное трудами по реорганизации всего хозяйства и усилению медицинского дела в Георгиевской общине, основанной его отцом, а также участию в русско-японской войне, несколько продвинули его служебную карьеру. Но неоднократное ходатайство общины о предоставлении ему положенного следующего чина наталкивалось на сопротивление в военном министерстве. В это же время он был выдвинут медицинской общественностью руководителем в нескольких масштабных медицинских организациях, в том числе был избран председателем Врачебного Общества взаимной помощи, членом Военно-ученого медицинского комитета, членом Управления РОКК, членом Совета складов РОКК, членом комитета по подведению итогов медицинской деятельности в русско-японскую войну и прочее.³⁴

Стоит упомянуть, что жена Евгения Сергеевича Боткина – Ольга Владимировна, в метрике о браке значится как «дочь потомственного дворянина»³⁵. Её отцом был Владимир Мануйлов, а матерью Мария Николаевна, урождённая Быкова. Дядя Ольги Константин Николаевич Быков также был потомственным дворянином³⁶.

Приглашение на должность лейб-медика не сопровождалось ускорением его продвижения по должностной лестнице. Придворное звание налагало ответственность, массу дополнительных обязательств и общественных должностей, но не способствовало продвижению по лестнице чинов. Очевидно, Евгения Сергеевича не волновали эти вопросы. Отсутствие времени и «неблаговоление» к нему в канцелярских кругах останавливало его в хлопотах о пенсии, получения дополнительных доплат за дополнительные обязанности.

Казалось бы, ясная и полная картина может быть завершена. Но, как говорил Гёте, «*Суша теория, но зелено древо жизни*»³⁷. В формулярном списке родного, младшего брата Евгения Сергеевича – Виктора Сергеевича Боткина, засвидетельствовано, что он «потомственный дворянин города Гатчино»³⁸. Обычно дворянство определялось по принадлежности к определённой губернии, но не отдельного города. В отличие от званий купе-

ческих – «потомственный почётный гражданин города Москвы, либо ино-го города». Дочь Виктора Сергеевича от второго брака была записана как «личная дворянка». Кажущийся противоречивым упомянутый архивный материал подвигнет исследователей на дальнейшие открытия, а, возможно, и «закрытия» уже открытого. Научное исследование биографий выдающихся деятелей науки, культуры, не мешает, а позволяет создавать достоверные, исторически выверенные образы наших предшественников. Допускаем, что Виктор Сергеевич мог сам получить дворянство, хотя об этом пока не найдено сведений среди документов Департаменте герольдии, хранящихся в Российском государственном историческом архиве.

Таким образом, в настоящее время не найдено никаких сведений о том, что Евгений Сергеевич Боткин и его дети получили дворянский статус, однако это не помешало им соответствовать тому месту и тем обязанностям, которые на них ложились в трагические для нашего Отечества годы. Господь наградил Е. С. Боткина Высшим чином – Святого, что и подтвердили высокие комиссии Русской православной церкви и многочисленные почитатели Евгения Сергеевича Боткина.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Царский лейб-медик: жизнь и подвиг Евгения Боткина / Сост. О. Т. Ковалевская. – СПб.: Царское Дело, 2014. – С. 41.
- ² ПСЗРИ. – 2-е собрание. – Т. 20: 1845. – 1-е отделение. – СПб., 1846. – С. 556. Кроме лиц купеческого сословия, которым даруется потомственное гражданство.
- ³ Там же. С. 563.
- ⁴ ПСЗРИ. – 2-е собрание. – Т. 30: 1855. – 1-е отделение. – СПб., 1856. – С. 457.
- ⁵ ПСЗРИ. – 1-е собрание. – Т. 6: 1720–1722. – СПб., 1830. – С. 491.
- ⁶ Там же. С. 492.
- ⁷ ПСЗРИ. – 1-е собрание. – Т. 30: 1808–1809. – СПб., 1830. – С. 1054.
- ⁸ ПСЗРИ. – 2-е собрание. – Т. 20: 1845. – 1-е отделение. – СПб., 1846. – С. 450–451.
- ⁹ ПСЗРИ. – 2-е собрание. Т. 31: 1856. – 1-е отделение. – СПб., 1857. – С. 1052.
- ¹⁰ ПСЗРИ. – 3-е собрание. – Т. 18: 1898. – 1-е отделение. – СПб., 1901. – С. 834.
- ¹¹ РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1632. Л. 6.
- ¹² РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 531. Л. 4.
- ¹³ Жена Михаила Петровича Боткина.
- ¹⁴ РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 531. Л. 1.
- ¹⁵ Там же. Л. 3.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 2599.
- ¹⁷ Там же. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Л. 2.
- ¹⁹ Там же. Л. 5.
- ²⁰ Там же. Л. 24.
- ²¹ Там же. Л. 31.
- ²² РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 165. Л. 31.
- ²³ Там же. Л. 9–12.

- ²⁴ Там же. Л. 9.
- ²⁵ Царский лейб-медик... – С. 41.
- ²⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 165. Л. 9, 14.
- ²⁷ *Филатов О. В.* Роль Императора России Николая II в активизации дипломатической и военно-морской деятельности накануне Первой Мировой войны // *Война и оружие. Труды Седьмой Международной научно-практической конференции.* 18–20 мая 2016 г. – СПб.: Российская академия ракетных и артиллерийских наук, Военно-исторический Музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2016. – Ч. 5. – С. 200.
- ²⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 49. Д. 165. Л. 16.
- ²⁹ *Голицын П. П.* Список дворянских родов Новгородской губернии, внесённых в дворянскую родословную книгу с 1787 г. по 1-е января 1910 года, с приложением списка губернских и уездных предводителей дворянства 1767 года. – Новгород: Губернская типография, 1910. – С. iv.
- ³⁰ Там же. С. 177.
- ³¹ ЦГИА СПб. Ф. 11. Оп. 1. Д. 3082.
- ³² Там же.
- ³³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 2599. Л. 1.
- ³⁴ *Ганф Т. И., Никифоров В. С.* Даты жизни и деятельности Евгения Сергеевича Боткина // *Исторические Боткинские чтения.* – СПб.: СПбГМИСР, 2017. – С. 144–147.
- ³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 116. Л. 184 об–185.
- ³⁶ Там же. Л. 185.
- ³⁷ Цитата из трагедии И. В. Гёте «Фауст» (часть 1, сцена IV) в переводе Б. Л. Пастернака.
- ³⁸ РГИА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 1189. Л. 7 об.

А. А. БУДКО, О. В. КОВТУНОВА

(Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации; Санкт-Петербург)

**ВОСПОМИНАНИЯ
О ЕВГЕНИИ СЕРГЕЕВИЧЕ БОТКИНЕ
(ПО МАЛОИЗВЕСТНЫМ МАТЕРИАЛАМ ВОЕННО-
МЕДИЦИНСКОГО МУЗЕЯ)**

Аннотация. В статье описываются и публикуются малоизвестные воспоминания о Е. С. Боткине, хранящиеся в фондах Военно-медицинского музея.

Ключевые слова. Е. С. Боткин, Военно-медицинский музей, воспоминания, О. А. Мешкова.

A. A. BUDKO, O. V. KOVTUNOVA

(Military Medical Museum of Russian Federation; Saint-Petersburg)

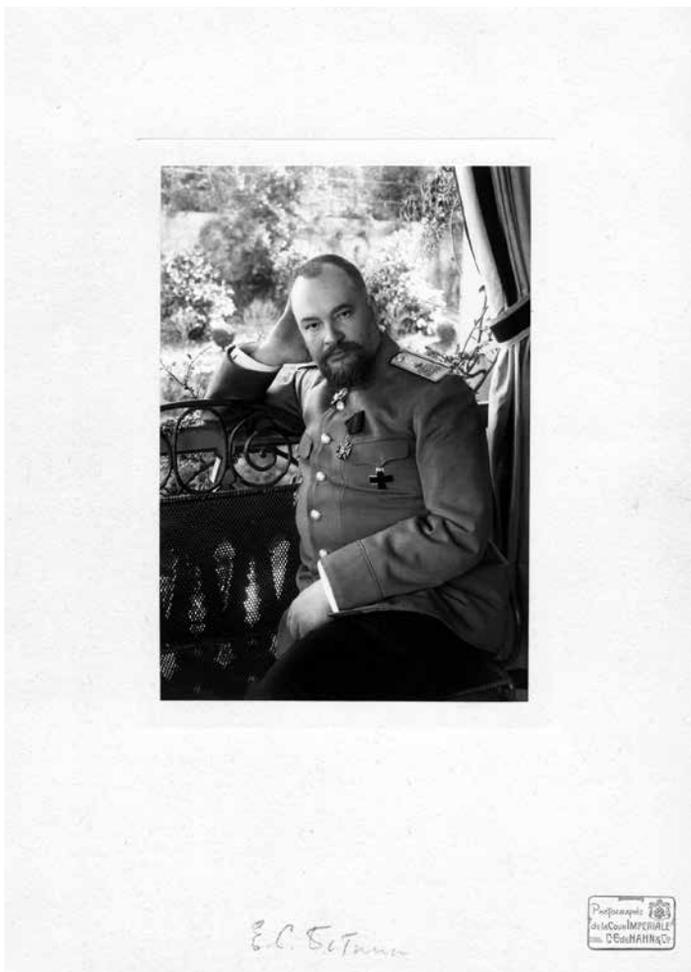
**MEMORIES OF EVGENY SERGEEVICH BOTKIN
(BASED ON LITTLE-KNOWN MATERIALS OF THE MILITARY
MEDICAL MUSEUM)**

Abstract. The article describes and publishes little-known memories of E. S. Botkin, stored in the funds of the Military Medical Museum.

Keywords. E. S. Botkin, Military Medical Museum, memories, O. A. Meshkova.

Трагическая судьба лейб-медика Николая II Евгения Сергеевича Боткина (1865—1918), добровольно разделившего участь царской семьи, долгие годы оставалась неизвестной широкой аудитории. Работы, вышедшие в последние два десятилетия, а также издание дополненных воспоминаний дочери Евгения Сергеевича – Татьяны Евгеньевны Боткиной¹, смогли пролить свет на жизнь этого незаурядного человека.

В Военно-медицинском музее хранится фонд С. П. Боткина², включающий более четырёхсот единиц хранения. Прежде всего, это материалы, касающиеся жизни и деятельности выдающегося терапевта Сергея Петровича Боткина, отца Евгения Сергеевича. В этом и других фондах музея удалось отыскать материалы и о Е. С. Боткине [ил. 1], часть из которых представляет определённый интерес для исследователей. А именно: редкие фотографии, документы с автографом Евгения Сергеевича и «Воспоминание о Боткиных» Ольги Александровны

Ил. 1. Евгений Сергеевич Боткин. 1914
Фотомастерская «Photographie de la cour imperiale S. E. de Hahn & Co»
Собрание ВММ МО РФ

Мешковой, внучки известного литературоведа и этнографа Александра Николаевича Пыпина.

«Воспоминание о Боткиных» О. А. Мешковой³ представляет собой машинописный текст на семи листах, датированный 25 апреля 1990 года и подписанный самой Ольгой Александровной. К воспоминаниям прилагаются «Биографические сведения о Мешковой О. А.», подписанные её сыном – Вадимом Викторовичем Колпаковым так же 25 апреля 1990 года. Эти воспоминания были записаны по просьбе научного сотрудника Во-

енно-медицинского музея А. В. Шабунина во время сбора материалов для книги, посвящённой С. П. Боткину⁴.

Воспоминания Ольги Александровны Мешковой охватывают, в основном, период с 1915 по 1917 годы. В эти годы Ольга Александровна часто бывала в доме Е. С. Боткина, где жила и работала в лазарете для раненых её мать – Наталия Александровна Мешкова-Пыпина. В воспоминаниях описываются события, происходившие в доме и семье Евгения Сергеевича. Есть описание непосредственно самого дома и быта Боткиных, а также лазарета, устроенного в годы Первой мировой войны, и его посещение цесаревичем Алексеем. О. А. Мешкова вспоминает и характеризует детей Евгения Сергеевича: Юрия, Татьяну и Глеба (старший сын Дмитрий незадолго до этого погиб на фронте), и описывает самого Е. С. Боткина. Немного рассказывается о поездках в Ливадию, где мать Ольги Александровны получила место старшей сестры-администратора в санатории для выздоравливающих офицеров. Последнее посещение Боткиных датируется весной 1917 года, дальше воспроизводятся слухи о судьбе главных героев воспоминаний.

Ил. 2. Отрезной купон почтового перевода Е. С. Боткина. 26 июня 1914 года
Собрание ВММ МО РФ

Несмотря на некоторые неточности⁵, которые касаются дат, имён и последовательности событий, воспоминания О. А. Мешковой представляются весьма интересным источником. Стоит уточнить, что это воспоминания подросткового возраста (в 1915–1917 годы О. А. Мешковой было 14–16 лет), записанные спустя десятилетия.

В целом, воспоминания О. А. Мешковой повторяют воспоминания Т. Е. Боткиной⁶, но обладают собственной исторической ценностью, прежде всего потому, что написаны не членом семьи Боткиных.

«Воспоминание о Боткиных» О. А. Мешковой не вошло в выше упомянутую книгу о С. П. Боткине, изданную сотрудниками Военно-медицинского музея⁷, именно поэтому представляется важным их публикация.

Мешкова Ольга Александровна ВОСПОМИНАНИЕ О БОТКИНЫХ

(Текст приводится с оригинальной орфографией и пунктуацией)⁸

Знаменитый доктор С. П. Боткин, равно как Сеченовы, Тарханов, Ястребцевы, Ровинский, композитор М. А. Балакирев, Соломея Лалаева входил в число друзей моего деда известного филолога, этнографа Александра Николаевича Пыпина. С Боткиными Пыпины дружили домами и моя мама Наталия Александровна⁹ хорошо их знала.

В 1908 г мои родители – Н. А. Мешкова-Пыпина и А. А. Мешков переселились из Петербурга в Царское Село, где жил с семьёй сын С. П. Боткина Евгений Сергеевич и старое знакомство нашло новое продолжение¹⁰. В 1910 г мои родители разошлись, отец уехал в Оренбург, а мама и мы – Юра (1899 г.р.), я (1901 г.р.) и Ирина (1904 г.р.) остались жить в Царском Селе. Затем Юру отдали в Пажеский корпус, а меня в Елизаветинский институт в Петербурге, так что дома мы бывали мало. До 1915 г я плохо помню Евгения Сергеевича, а с его детьми я тогда и вовсе не была знакома. Средства на жизнь мама получала частью в виде какого-то пособия за А. Н. Пыпина, частью от отца, частью же зарабатывала переводами с пяти знакомых ей языков, лепкой и др. – хваталась то за одно, то за другое, то за что-то ещё.

В 1914 г.? в семье Боткиных случилось ЧП – от него ушла жена – уехала с гувернёром, учившим детей немецкому языку¹¹. Уехала, кажется, в Прибалтику. Мама говорила мне в последствии, что жена Боткина – Ольга Воронина ещё в молодости до замужества была неуравновешенная – «шальная». И вот после ЧП, неожиданного для семьи, Евгений Сергеевич видимо упросил маму им помочь и пожить у них, так как его дочь Таня в 1915 году оканчивала гимназию, её надо было одеть соответственно возрасту и вообще помочь ей морально по-женски. Да и весь дом остался без необходимого присмотра¹².

Мешкова Ольга Александровна

ВОСПОМИНАНИЕ О БОТКИНЫХ

Знаменитый доктор С.П.Боткин, равно как Сеченовы, Тарханов, Ястребцевы, Ровинский, композитор М.А.Балакирев, Соломея Балаева входил в число друзей моего деда известного филолога, этнографа Александра Николаевича Пыпина. С Боткиными Пыпины дружили домами и моя мама Наталия Александровна хорошо их знала.

В 1908 г мои родители –Н.А.Мешкова-Пыпина и А.А.Мешков переселились из Петербурга в Царское Село, где жил с семьей сын С.П. Боткина Евгений Сергеевич и старое знакомство нашло новое продолжение. В 1910 г мои родители разошлись, отец уехал в Оренбург, а мама и мы – Юра /1899г.р./, я /1901 г.р./ и Ирина /1904 г.р./ остались жить в Царском Селе. Затем Юру отдали в Пажеский корпус, а меня в Елизаветинский институт в Петербурге, так что дома мы бывали мало. До 1915 г я плохо помню Евгения Сергеевича, а с его детьми я тогда и вовсе не была знакома. Средства на жизнь мама получала частью в виде какого-то пособия за А.Н.Пыпина, частью от отца, частью же зарабатывала переводами с пяти знакомых ей языков, лепкой и др. –хваталась то за одно, то за другое, то за что-то еще.

В 1914 г? в семье Боткиных случилось ЧП – от него ушла жена – уехала с гувернером, учившим детей немецкому языку. Уехала, кажется, в Прибалтику. Мама говорила мне в последствии, что жена Боткина-Ольга Воронина еще в молодости до замужества была неуравновешенная –"шалая". И вот после ЧП, неожиданного для семьи, Евгений Сергеевич видимо упросил маму им помочь и пожить у них, так как его дочь Таня в 1915 году оканчивала гимназию, ее надо было одеть соответственно возрасту и вообще помочь ей морально по женски. Да и весь дом остался без необходимого присмотра.

О мамином решении помочь семье Боткиных я узнала, только когда

Илл. 3. «Воспоминание о Боткиных» О.А. Мешковой. Л. 1
Собрание ВММ МО РФ

О мамином решении помочь семье Боткиных я узнала, только когда мама привезла меня на рождественские каникулы из института в Царское Село не в нашу пятикомнатную квартиру на Новодеревенской улице (дом Зеленой, впоследствии сгоревший), а к Боткиным. Свою кварти-

ру мама сдала врачу, эвакуировавшемуся в связи с войной из Прибалтики, и больше мы в неё уже не возвращались.

Боткины жили вблизи Екатерининского дворца на Оранжерейной улице, занимали двухэтажный дом придворного ведомства. Если не ошибаюсь – второй дом от лицея, а в первом таком же жила семья графа Рейшахрида, ведавшего царским «конным парком». По другую сторону улицы домов не было. Там был Екатерининский парк. За низкой чугунной изгородкой тек ручей, в истоке которого сидела «девушка с разбитым кувшином». Перед домом Боткиных находился палисадник. Место было чудесное. А сзади домов Рейшахрида и Боткиных простиралась площадь-двор. В глубине её стояли царские конюшни и по утрам здесь прогуливали красавцев-лошадей. Это зрелище можно было наблюдать из окон, выходящих во двор.

Я тогда была ученицей 4-го класса и всё воспринимала непосредственно без задачи чего-то ухватить и запомнить, тем более, что черты между нами и Боткиными не было. Моя сестра Ирина чувствовала себя в доме совсем хозяйкой. В раннем детстве Ирина очень тяжело переболела скарлатиной, и у неё были слабые почки, моя [мама] боялась отпустить её от себя и учила дома, для чего приходил учитель студент Моторин по иронии судьбы революционер. Товарищем по играм у Ирины теперь сделался графчик Рейшахрид и вообще ей в доме Боткиных было интересно и весело, так же как сделалось и мне.

При моём появлении на зимние каникулы ситуация в доме была такая. Евгений Сергеевич незадолго до Рождества привёз из больницы во Львове раненого¹³ чуть живого сына Юру. Незадолго до этого на войне был убит старший сын – Мима (Дмитрий)¹⁴. Юра лежал на кушетке в большой комнате «самой обитаемой», где всегда кто-нибудь находился и Юре было не скучно. Когда я приехала Юра понемногу вставал и начинал ходить. Юрина кушетка находилась справа от входа, а посреди комнаты стоял длинный обеденный стол. У одной из стен стоял рояль, а у окна находился ещё стол, за которым целыми днями сидел младший сын Боткина Глеб и рисовал.

Глебу было тогда лет 12 и был он несколько толстоват. Рисовал он очень хорошо. Героями у него были медведи в военной форме, участвовавшие в различных военных операциях. Мальчик был очень замкнутым. Семейная трагедия с гибелью брата и уходом матери видимо была ему невыносима. Юра держался совсем иначе. Ему в ту пору было, по-моему, лет 19–20. Он был общительным, обладавшим чувством юмора, порой весёлым и всегда очень приветливым человеком, не смотря на болезненное состояние, связанное с ранением.

Таня была милотидная среднего роста блондинка, года на два старше меня, молчаливая и серьёзная. Таня училась музыке. По моему, к ней ходил преподаватель, но играла она всегда одну и ту же пьесу, не помню чьё про-

изведение. Таня хорошо училась и окончила Царскосельскую женскую гимназию с серебряной медалью.

У Боткиных постоянно кто-нибудь бывал. Из дома не выводились молодые офицеры то-ли друзья Юры, то-ли друзья и однополчане убитого Мимы. Я помню их по фамилиям: Гординский, Бодовский, Вася Пейбо, Лёва Корбе, Миша Безобразов (из высших аристократов), Михаил Сухотин (это был постарше и казался мне очень умным), Мельник (тоже постарше – будущий муж Тани). Из «основательных» людей часто бывал Лопухин – очень приятный, милый, весёлый человек. Он как-то, помню, рассказывал, что когда учился в корпусе или лицее, классный наставник-немец, выгоняя его из класса за какие-нибудь шалости, говорил: «Аберзо, Лопухин, пошёл вон!», получалось: Золопухин. Ещё из «солидных» посетителей помню Головина или Головкина с женой. Она некоторое время жила у Боткиных. Это была очень серьёзная дама, одетая прекрасно, но во всё чёрное. Она была небольшая, немного сутулая и глуховатая. Это были видно очень близкие друзья Евгения Сергеевича.

В ту же зиму 1914–1915 г к Боткиным приезжала из Америки их родственница – «тётя Раха»¹⁵ – крупная дама, великолепно игравшая на фортепьяно. Она была жительницей Нью-Йорка и преподавала там музыку. Мне кажется, она уехала обратно, так как в 1916 году я её не видела¹⁶.

В доме было очень много комнат, но в основном жизнь семьи проходила на втором этаже. Мамина комната тоже была здесь. В нижнем этаже помню «Синюю гостиную»¹⁷, но главное там был лазарет для раненых солдат, где в очень просторной прекрасной светлой комнате содержалось 7 человек. К лазарету относилась и большая смежная комната. Раненые были не очень тяжёлыми, которым требовались бы исключительные условия. Помню раненого Северинова, у него была повреждена рука. Лечил раненых Евгений Сергеевич, а ухаживали за ними мама и Екатерина Николаевна Дохтурова¹⁸. Обе окончили курсы сестёр милосердия. Условия в лазарете были прекрасные, содержался он на средства Е. С. Мы с Ириной ходили к раненым играть в карты. Играли обычно в козла. Напрактиковавшись мы стали играть с солдатами «на равных».

Главной заботой мамы было поправить здоровье Ирины, которую врачи рекомендовали увезти жить в Крым. С помощью Евгения Сергеевича в 1916 году мама получила место старшей сестры-администратора в санатории для выздоравливающих офицеров в Ливадии. Она уехала туда одна для обустройства. Ирина осталась жить у Боткиных. Мы с братом Юрой на зимние каникулы были взяты к Боткиным, как домой. Привёз нас сам Евгений Сергеевич.

Помню, в тот приезд как-то Е. С. сказал, что Наследник Цесаревич захотел повидать солдат лазарета, будет часов в 11 и хорошо если бы мы его встретили. Мы с Ириной надели белые платья и вместе с Юрой стали

ждать в комнате смежной с палатой. Ждали не долго. Наследник (прекрасный мальчик) 12 лет вошёл один. Мы сделали ему реверанс, он очень вежливо нам поклонился. Юре пожал руку (Юра был в форме Пажеского корпуса) и направился к солдатам. Мы за ним не пошли. В самом лазарете его наверное ждали Е. С. и Дохтурова.

Ирина, да и мы с Юрой чувствовали себя у Боткиных очень уютно. Евгений Сергеевич был исключительно милым и ласковым с нами человеком. Мне кажется, что это был вообще изумительный, благородный, добрый, чуткий, в общем, уникальный человек. Это подтвердилось его дальнейшей судьбой.

За обедом Е. С. сидел во главе стола. Обычно кроме его семьи и нас за столом было несколько гостей. Преимущественно в те военные годы это были офицеры. В тылу они видимо лечились от ранений или были ещё по какой-нибудь причине. Помню, когда я после обеда благодарила (тогда так полагалось), подходя к сидящему ещё во главе стола Е. С. и делала реверанс, он брал и целовал мою ручку.

Милый он был чрезвычайно. А как он держался! Несмотря на все свалившиеся на него беды, я никогда не слышала, чтобы он на кого-нибудь повышал голос или вообще был в раздражении.

Это был человек Большой Души! Такой человек, конечно, неспособен был оставить в беде Царскую семью и погиб общей с Нею смертью!

Ирина, которая безвыездно жила у Боткиных, говорила, что в обычное время Евгений Сергеевич вечерами читал для собиравшейся семьи. А от мамы я слышала, что читая Войну и Мир Толстого Е. С. пропускал отдельные места, которые он считал бесполезными для Тани. Уж не знаю, что могло в Войне и Мире быть такого!! Давая книги для прочтения Тане, Е. С. просматривал текст и заклеивал страницы, где находил что-то неподходящее для её юности.

Я слышала, что у Евгения Сергеевича была медицинская практика в Петербурге – там была квартира, где он видимо принимал больных. Он очень уставал, и даже один раз уснул в ванне¹⁹. Слуга, не помню как его звали, там в таком виде хозяина и обнаружил.

В 1916 г, после того как у меня закончились занятия в Институте, Е. С. повёз нас с Ириной к маме в Ливадию. Поездка у него была деловая в санитарном поезде. Вагон, где мы ехали, был похож на комнату, очень удобный. Маму Е. С. известил телеграммой: «Еду Олей Пупсиком (так называли Ирину), а мама получила: «Еду олепужиком», но всё поняла. В связи с делами поезд наш задерживался по несколько часов в Мелитополе, Евпатории и ряде мест. От Севастополя до Ливадии ехали на автомобиле и мы с Ириной одурели от бесконечных крутых заворотов. В Ливадии было чудесно!

В последний раз я видела Евгения Сергеевича в начале осени 1916 года. Мы с братом Юрой, проведя лето в Ливадии, должны были продолжать учение и приехали к Боткиным. Ирина осталась с мамой. Дома застали

Е. С., Таню и Глебушку. Юра Боткин с женой (её фамилия Абаза) были в отъезде в Кисловодске. Перед женитьбой он всё ездил в селение где жили Абаза, но когда точно была свадьба, я не знаю. Мой брат Юра на другой день по прибытии от Боткиных уехал в свой корпус, а меня в Институт через два дня отвёз сам Евгений Сергеевич.

Если бы знать, что с ним будет, можно было бы с ума сойти!!!

В феврале 1917 г. Елизаветинский институт распустили. Я оказалась в Петрограде у тётки Веры Александровны Пыпиной и весной 1917 г. мы с ней поехали в Царское Село навестить Боткиных. Они уже жили в другом месте на частной квартире – Таня, Глеб и какие-то незнакомые мне люди. Мне показалось у них тесно и грустно. Евг. Серг. был с царской семьёй...

Вскоре и я уехала из Петрограда. Вместе с этим порвались все связи с людьми из мира моего детства, из мира, связанного с моим знаменитым дедом А. Н. Пыпиным.

Как выглядел Евгений Сергеевич Боткин внешне. Он был большого роста, но не очень. В то время (1915–1916 гг.) он носил небольшую бороду, окаймлявшую лицо. Он был шатен со слабой сединой. Лицо было не узкое, открытое, чрезвычайно доброе и приятное. Глаза были карие. В нём было немного грузности и с виду он был «большой». Дома я никогда не видела его в пиджаке с галстуком. Здесь он одевал какой-то свободный китель. Насколько я знаю, он имел генеральский чин.

Семья Евг. Серг. У него было четверо детей: Дмитрий, убитый на войне в 1914–1915 г., Юра, Таня, рождённая примерно в 1899 г. и Глеб, рожд. примерно в 1903 г.

Таня по слухам вышла замуж за офицера Мельника, они уехали в Чехословакию и у них родились две дочки. Юра с Кавказа домой не возвращался. Глебушка по слухам в 20-х годах оказался на Дальнем Востоке и будто-бы стал священником. Но он ведь был для этого слишком молод!

После 20-х годов и слухи поступать перестали.

Знаю, что у Е. С. был брат, кажется Сергей Сергеевич. Он был дипломатом, кажется послом в Португалии. Таня часто вспоминала, как они ездили к нему в Португалию.

25 апреля 1990 г.

Мешкова Ольга Александровна
107370 Москва, бульвар Рокоссовского,
дом 4, кв. 35

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Боткина Т. Е. Воспоминания о Царской Семье // Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина. – СПб.: Царское Дело, 2010. – С. 51–436.
- ² ВММ МО РФ. Персональный фонд № 6.

- 3 ВММ МО РФ. ВФ–12557.
- 4 Будко А. А., Шабунин А. В. Великий Боткин. Сердце, отданное людям. – СПб.: ВММ, 2006.
- 5 При сравнении с воспоминаниями Т. Е. Боткиной. См. далее примечания к тексту публикуемого источника.
- 6 Боткина Т. Е. Воспоминания о Царской Семье.
- 7 Будко А. А., Шабунин А. В. Указ. соч.
- 8 Кто конкретно набирал текст воспоминаний на пишущей машинке, нам не известно.
- 9 Наталия Александровна Пыпина, в замужестве Мешкова (1866—1932).
- 10 По воспоминаниям Т. Е. Боткиной, Боткины переехали в Царское Село из Петербурга также в 1908 году. См. Боткина Т. Е. Воспоминания о Царской Семье. – С. 71.
- 11 У Т. Е. Боткиной эти события относятся к концу 1910 году. См. Боткина Т. Е. Воспоминания о Царской Семье. – С. 113–115.
- 12 Но Т. Е. Боткина вспоминала, что она довольно успешно справлялась с ролью хозяйки дома. См. Боткина Т. Е. Воспоминания о Царской Семье. – С. 235, 254 и др.
- 13 Юрий был не ранен, а болен дизентерией. См. Боткина Т. Е. Воспоминания о Царской Семье. – С. 232–234.
- 14 Т. Е. Боткина указывала другую последовательность событий: Юрий был привезён домой Е. С. Боткиным до получения известий о смерти Дмитрия. См. Боткина Т. Е. Воспоминания о Царской Семье. – С. 236–240.
- 15 У Т. Е. Боткиной – «тётя Рая», которая приехала в Россию из Германии весной 1914 года. См. Боткина Т. Е. Воспоминания о Царской Семье. – С. 197.
- 16 Из-за начавшейся Первой мировой войны тетя Рая осталась в России. Она неоднократно упоминается в воспоминаниях Т. Е. Боткиной и остаётся «охранять дом» Боткиных в Царском Селе в феврале 1917 года. См. Боткина Т. Е. Боткина Т. Е. Воспоминания о Царской Семье. – С. 220, 254, 308, 311.
- 17 У Т. Е. Боткиной – «голубая гостиная». См. Боткина Т. Е. Воспоминания о Царской Семье. – С. 236, 290.
- 18 О Е. Н. Дохтуровой пишет и Т. Е. Боткина. См. Боткина Т. Е. Воспоминания о Царской Семье. – С. 217, 236. При этом важно отметить, что в воспоминаниях Татьяны Евгеньевны нет ни одного упоминания о матери О. А. Мешковой – Н. А. Мешковой-Пыпиной и/или её детей.
- 19 У Т. Е. Боткиной упоминается, что «зачастую он засыпал в ванне...». См. Боткина Т. Е. Воспоминания о Царской Семье. – С. 166–167.

В. Н. ШАТРОВ

(Кронштадтский морской музей; Санкт-Петербург)

АЛЕКСАНДР БОТКИН – ВРАЧ, МОРЕПЛАВАТЕЛЬ И ГИДРОГРАФ

Аннотация. Имя Александра Сергеевича Боткина было широко известно в дореволюционной России. Врач, мореплаватель, гидрограф Морского министерства флота России. Награды Боткина – ордена и медали, отражают его активную творческую и научную деятельность. Большой интерес представляет исследование биографии А. С. Боткина, сумевшего в одном лице сочетать врача, мореплывателя, гидрографа, верного друга и брата.
Ключевые слова. А. С. Боткин, врач, гидрограф, мореплавание.

V. N. SHATROV

(The Kronstadt Naval Museum, Saint-Petersburg)

ALEKSANDR BOTKIN – DOCTOR, MARINER AND HYDROGRAPHER

Abstract. In Russia of the Czarist period the name of A. S. Botkin was widely known. Doctor, mariner and hydrographer of Navy Department of Russia. All his rewards and medals represent his active artistic and scientific work. Research of A. S. Botkin's biography is of big interest due to the fact that he combined many roles: doctor, mariner, hydrographer, loyal friend and brother.
Keywords. A. S. Botkin, doctor, hydrograph, navigation.

А. С. Боткин – четвёртый сын выдающегося русского медика, академика, педагога и учёного Сергея Петровича Боткина от первого брака. Брат лейб-медика Евгения Сергеевича Боткина, расстрелянного вместе с Царской Семьёй в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 года. Именно к брату Александру обращался Евгений Сергеевич Боткин в своём исповедальном предсмертном письме как к самому искреннему другу, коллеге, брату и душеприемнику со словами прощания и прощения.

Александр родился 16 ноября 1866 года в Петербурге, на Загородном проспекте, д. 22, в районе Пяти Углов², был крещён 8 января 1867 года в храме Владимирской Иконы Божией Матери¹, прихожанами которой была семья Боткиных. Восприемники: московский купец 1-й гильдии Пётр Петрович Боткин (брат отца) и Мария Александровна Крылова (сестра матери)².

В 1885 году Александр Сергеевич Боткин окончил 2-ю Санкт-Петербургскую гимназию³, по окончании которой поступил на младшее при-

готовительное отделение курса Императорской Военно-медицинской академии, которую окончил в 1890 году первым, с награждением премией Буша и занесением имени на мраморную доску⁴. Он был оставлен при профессорском институте для усовершенствования в науках, с прикомандированием к Военному клиническому госпиталю без содержания 10 ноября 1890 года. Затем Александр Боткин был определён на службу в Военно-медицинское ведомство с прикомандированием к Клиническому военному госпиталю для усовершенствования, без содержания 23 декабря 1890 года. Во время обучения в ИВМА находился в плавании волонтером на корвете «Скобелев» (13 июня – 11 сентября 1889 года). Научной темой для получения звания доктора медицины избрал «К патологической анатомии селезёнки при крупозной пневмонии»⁵.

В его письмах, хранящихся в Государственном историческом музее в Москве, чувствуется человек воли, аналитического мышления, склонный к научным наблюдениям, но искренне привязанный к родным, к семье. *«Радость – защитил докторскую диссертацию. Надеюсь к свадьбе Пети попасть в Москву. Пётр подарил мне знак Доктора Медицины»*⁶. Экзамены на звание доктора медицины А. С. Боткин выдержал в 1890/1891 году, после чего занимался при патолого-анатомическом кабинете при Александровской барачной больнице в память С. П. Боткина. Конференцией ИВМА признан в степени доктора медицины 25 января 1892 года⁷. Подал прошение о назначении в плавание для выполнения цензовых требований для допуска к экзаменам на чин мичмана 20 марта 1892 года⁸. Четвёртого мая 1892 года был переведён из Военно-медицинского ведомства младшим судовым врачом в Балтийский флот⁹.

Детские письма Александра Боткина крёстному отцу – купцу 1-ой гильдии Петру Петровичу Боткину, написаны кратко, но по существу. Почерк становится всё более выработанным, а рассказы о событиях – всё более взрослыми. Далее в переписке с крёстным резко меняется почерк – крутые волны, или ритмичная зыбь на море сказываются на ровности строк и аккуратности почерка¹⁰.

Получив Высочайшее разрешение для назначения в плавание, Александр сообщает крёстному в письме от 14 июня 1892 года: *«Ну, вот я и в плаванье. Всё надвигалось и как-то вдруг – разом я очутился на крейсере “Рында” <...> Мы ходили в Финляндию, и там был Царский смотр. Государь почтил и наш корабль и милостиво с каждым говорил, желал счастливого плаванья. Смотр был очень удачен и красив. Меня переведут на другой корабль – “Разбойник” – где, кажется, ещё лучше»*¹¹.

Третьего сентября 1892 года А. С. Боткин находился в Кронштадте. Команда готовилась к предстоящему путешествию в Англию. *«У нас часто бывает в гостях в. кн. Александр Михайлович»*¹². Многие морские развлечения пришлось по душе Александру. Тут и прогулка на парусах до

Ораниенбаума, когда *«катера летели как птицы, ночь было чудесная»*. Тут и душевные беседы, и общение с людьми, прекрасно образованными, воспитанными. Если требовалось, то именно Александр комплектовал необходимые по штатному расписанию медикаменты и инструментарий для врача. Их ожидали и нешуточные испытания холодом, жарой, скудным морским меню и заболеваниями, борьба с которыми лежала на плечах доктора медицины Александра, часто совмещавшего должности гидрографа, штурмана и врача, особенно – в высоких широтах. Александр Сергеевич находился в заграничном плавании на корвете «Рында» 14 августа 1892 – 22 мая 1894 года. Во время плавания, по сдаче экзамена был переведён во флот мичманом 13 декабря 1893 года¹³. Долгие годы жизнь А. С. Боткина будет связана с военно-морским флотом: он был участником многих экспедиций не только в качестве медика, но и гидрографа.

Труды Александра Сергеевича Боткина были высоко оценены. В 1895–1896 годах он уже помощник начальника Гидрографической экспедиции по изучению устьев рек Енисея и Оби и части Карского моря А. И. Вилькицкого. А. С. Боткин исполняет во время экспедиции обязанности штурмана и вахтенного офицера во время плаваний на парусной барже «Лейтенант Скуратов», транспортах «Лейтенант Овцын» и «Самоед», старшего врача и заведующего «естественно-историческими» коллекциями. Он снова получил высокую оценку, награждён орденом Св. Станислава 3-й степени и был произведён 6 декабря 1896 года за отличие по службе в лейтенанты¹⁴. Также с 1896 года, с 7 февраля, Александр Боткин становится действительным членом Императорского Русского географического общества¹⁵.

В 1897–1899 годах А. С. Боткин – помощник начальника Гидрографической экспедиции Байкальского озера, возглавляемой полковником корпуса гидрографии Ф. К. Дриженко. По собственной инициативе в полевой сезон 1897 года он проводил «естественно-исторические изыскания» южной половины Байкала. Они заключались в сборе коллекций флоры и фауны, этнографического материала, предметов культуры и быта¹⁶. С целью распространения исследований за пределы территории работы экспедиции, Ф. К. Дриженко выделил в распоряжение Боткина пароход «Иннокентий». Собранные у берегов Байкала гербарии растений Боткин передал в Императорский Ботанический сад Петербрга¹⁷.

Зимой 1898/ 1899 года Боткин снова проводил исследование льда озера Байкала: наблюдал и фотографировал процесс замерзания, образования трещин, торосов, весеннее таяние и вскрытие льда. Сведения об особенностях байкальской зимы должны были помочь организовать зимнюю навигацию на байкальской переправе¹⁸. В эту экспедицию Александр Сергеевич отправился с женой – Марией Павловной Боткиной [ил. 1]. Несколько зимних месяцев они провели в маленьком домике на-

Ил. 1. Мария Павлована и Александр Сергеевич Боткины
Фотомастерская Ф. Опица. Москва
Семейный архив Е. С. Хохловой, праправнучки С. П. Боткина

учной базы, недалеко от станции Лиственничная. Александр, находясь с женой в экспедиции на Байкале, отправил М. А. Балакиреву, другу семьи Боткиных, поздравительную открытку: «1899, 7. 04. Христос Воскресе! Горячо обнимаю и целую Вас, многоуважаемый и дорогой Милый Алексеич. Не успев заглянуть к Вам до отъезда лично, шлю Вам свой привет с нашей дикой окраины, вспоминая, сколько светлого пронеслось передо мною, слушая задушевные Ваши аккорды – тогда – у сестры. Весь Ваш А. Боткин. P.S. Жена просит тоже передать Вам свой привет. P.S. Страшно занят. Если будете у сестры, передайте ей мой горячий привет»¹⁹.

Эти письма приоткрывают нам высокие человеческие качества Александра Сергеевича, его любовь к искусству, круг общения и широту интересов. Исследовательские работы лейтенанта Боткина были представлены на Всемирной выставке 1900 года в Париже. На выставке были представлены и труды А. С. Боткина, в разделе «Группа Окраин, класс 14, Комитет Сибирской железной дороги»: «составленные лейтенантом Боткиным карты: а) озера Байкала и б) северного водного пути в Сибирь, с фотографическими снимками и научными коллекциями»²⁰.

В 1900–1901 годах А. С. Боткин находился в командировке в Северо-Американских Соединённых штатах для ознакомления с планами строительства канала между Тихим и Атлантическим океанами и знакомства с военной морской техникой за границей²¹. В 1902 году он за-

нимался изучением и обработкой технической информации, полученной во время командировки, затем, в 1903–1904 годах, командирован за границу для изучения состояния моторного дела в Европе и приобретения подходящего для военно-морских целей мотора²².

После возвращения из командировки занимался постройкой «водобронного минного катера» (полуподводной лодки) собственной конструкции (1904–1905). Полуподводная лодка по его проекту была построена на Балтийском заводе на добровольные пожертвования, собранные Особым комитетом по усилению военного флота²³. А. С. Боткин передал Морскому ведомству построенную им подводную лодку, которая в сопровождении мичмана В. В. Сологуба была 21 августа 1905 года отправлена эшеленом № 221 во Владивосток, куда прибыла 30 сентября 1905 года. В судовый состав флота она не зачислялась. Числилась минным катером и использовалась в отдельном отряде миноносцев (ПЛ) порта города Владивостока как вспомогательное судно²⁴. Уже будучи в отставке, А. С. Боткин состоял членом морского отдела Высочайше учреждённого Особого комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования²⁵.

В связи с тяжёлым хроническим заболеванием дочери подал прошение об увольнении от службы по болезни 21 декабря 1905 года и был произведён в капитаны 2-го ранга с увольнением от службы 26 декабря 1905 года²⁶. После увольнения около трёх лет путешествовал за границей²⁷. В связи со строительством военных укреплений в районе Выборга, для урегулирования отношений между военным руководством и местным населением была учреждена должность военного посредника в Финляндии, которую А. С. Боткин занимал с 1910 по май 1917 года²⁸. Во время Гражданской войны состоял при командовании Вооружённых Сил Юга России для связи с союзниками²⁹. В марте 1920 года, отвезя жену и дочь в Италию, возвратился в Севастополь, эвакуировался из Крыма в Константинополь в ноябре 1920 года, откуда уехал в Италию в январе 1921 года³⁰. В 1931 году некоторое время с семьёй жил в Финляндии в своём имении в Териоках, возвращённом ему финским правительством³¹.

Скончался Александр Сергеевич Боткин 13 марта 1936 года и похоронен на кладбище в городе Сан-Ремо³².

В его честь в 1895 году был назван мыс в бухте «Находка». Так А. И. Вилькицкий увековечил заслуги гидрографа своей экспедиции, мичмана Александра Сергеевича Боткина, имевшего также диплом доктора медицины, который описал флору и фауну Обской губы³³. До настоящего времени естественнонаучные публикации А. С. Боткина ещё в полном объёме не выявлены.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ЦГИА СПб. Ф. 515. Оп. 1. Д. 3020.
- ² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 1001. Л. 4 об–5.
- ³ ЦГИА СПб. Ф. 174. Оп. 1. Д. 3415, 3596; Историческая записка 75-летия С.-Петербургской второй гимназии / По поручению Педагогического совета Гимназии составил преподаватель П. К. Тихомиров. – СПб.: типография. В. Д. Смирнова, 1905. – Ч. 3: 1881–1905. – С. 343.
- ⁴ *Боткин А. С.* К патологической анатомии селезенки при крупозной пневмонии: диссертация на степерь доктора медицины А. С. Боткина. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1892.
- ⁵ *Там же.*
- ⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Д. 163. Л. 94.
- ⁷ *Боткин А. С.* К патологической анатомии...
- ⁸ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Ед. хр. 2461. Л. 1–15.
- ⁹ *Там же.*
- ¹⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Д. 163.
- ¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Д. 163. Л. 109.
- ¹² ОПИ ГИМ. Ф. 122. Д. 163.
- ¹³ *Пожарский А. М.* Подводное плавание в России. 1834–1918 гг. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2011. – С. 109–110.
- ¹⁴ *Боткин А. С.* Очерк работ по естествоведению. (Материалы для изучения Обской губы и Енисейского залива, собранные в 1894, 95, 96 годах гидрографической экспедицией под начальством подполковника А. Вилькицкого). – СПб.: типография М. Д. Ломковского, 1898; *Пожарский А. М.* Подводное плавание в России... – С. 110, 111.
- ¹⁵ Состав Императорского русского географического общества. 15 апреля 1902 года. – СПб.: типография А. С. Суворина, 1902. – С. 16.
- ¹⁶ *Боткин А.* Материалы для изучения Обской губы и Енисейского залива... – С. 28.
- ¹⁷ РГАВМФ. Ф. 404. Оп. 1. Ед. хр. 250. Л. 17–17 об, 66–67 об, 69–71 об. (15.01.1878, 27.11.1897, 2.01.1898). Боткин А. доктор медицины, лейтенант. «О передаче СПб Ботаническому саду коллекции растений Крайнего Севера и Анатомическому музею ИВМА 6-ти черепов самоедов и коллекции фотографий Енисейской экспедиции».
- ¹⁸ *Боткин А.* Материалы для изучения озера Байкал. Очерк работ по исследованию физических свойств Байкала зимой 1898–99 гг. и по естественнонаучным изысканиям за 1897, 1898 и 1899 гг. – СПб.: типография Морского Министерства в Главном Адмиралтействе, 1900.
- ¹⁹ ОР РНБ. Ф. 41. Ед. хр. 871.
- ²⁰ Каталог Русского отдела на Всемирной Парижской Выставке 1900 г. – СПб., [1900]. – С. 452.
- ²¹ *Пожарский А. М.* Подводное плавание в России... – С. 110.
- ²² *Там же.*
- ²³ ЦГИА СПб. Ф. 1304. Оп. 1. Д. 2497.
- ²⁴ *Там же.*
- ²⁵ Русский морской и воздушный флот, сооружённый на добровольные пожертвования. Иллюстрированный очерк деятельности высочайше учреждённого Особого Ко-

- митета по усилению военного флота на добровольные пожертвования. – СПб.: издание и иллюстрации С. В. Животовского, 1913. – С. 57.
- ²⁶ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 4. Д. 2462. Л. 1–52.
- ²⁷ *Пожарский А. М.* Подводное плавание в России... – С. 110.
- ²⁸ *Егоров Б. Ф.* Боткины. – СПб.: Наука, 2004. – С. 265.
- ²⁹ *Там же.* – С. 266.
- ³⁰ *Пожарский А. М.* Подводное плавание в России... – С. 110–111.
- ³¹ *Юденкова Т. В.* Об итальянском архиве М. П. и А. С. Боткиных // Третьяковские чтения. 2009: материалы отчётной научной конференции / Науч. ред. Л. И. Иовлева; ред. кол. Н. В. Толстая, Т. В. Юденкова. – М.: Экспресс 24, 2010. – С. 162.
- ³² Российский некрополь в Неаполе, Венеции, Сан-Ремо // Русско-итальянский архив № 2 (под ред. А. Шишкина и Д. Риции). – Салерно, 2002. – С. 426–435.
- ³³ Топонимика морей советской Арктики / Составители: С. В. Попов, В. А. Троицкий / Под редакцией Л. А. Борисова. – Л., 1972. – С. 141. Подробнее об этом сюжете см. статью В. Г. Смирнова «Участие офицера российского флота А. С. Боткина в исследовании Арктики в конце XIX века» в настоящем издании.

В. Г. СМЕРНОВ

*(Российский государственный архив Военно-Морского Флота;
Санкт-Петербург)*

**УЧАСТИЕ ОФИЦЕРА РОССИЙСКОГО ФЛОТА
А. С. БОТКИНА
В ИССЛЕДОВАНИИ АРКТИКИ В КОНЦЕ XIX ВЕКА**

Аннотация. В статье излагаются обстоятельства участия морского офицера и врача Александра Сергеевича Боткина (1866—1936) в исследованиях Арктики, проводившихся Гидрографическими экспедициями Морского министерства России в конце XIX века.

Ключевые слова. А. С. Боткин, Морское министерство, Гидрографические экспедиции, Арктика, XIX век.

V. G. SMIRNOV

(Russian State Naval Archive, Saint Petersburg)

**THE PARTICIPATION OF THE OFFICER OF THE RUSSIAN
NAVY A. S. BOTKIN IN THE STUDY OF THE ARCTIC AT THE
END OF THE XIXth CENTURY**

Abstract. The article describes the circumstances of the participation of a naval officer and Doctor Alexander Botkin (1866—1936) in Arctic studies conducted by hydrographic expeditions of the Navy Ministry of Russia at the end of the 19th century.

Keywords. A. S. Botkin, Navy Ministry, Hydrographic Expeditions, Arctic, 19th century.

В конце XIX века, в связи со строительством Сибирской железной дороги, Морским министерством России были начаты крупномасштабные гидрографические работы в Арктике. Их целью было исследование устьев рек Оби и Енисея и части Карского моря для того, чтобы торговые суда могли в период короткого лета доставлять грузы из Сибири в Европу и обратно.

Специально сформированной Гидрографической экспедицией в 1894–1896 годы руководил подполковник А. И. Вилькицкий¹ [ил. 1]. В экспедиции всегда существовала проблема комплектования кадрами, в том числе и офицерскими. Где и когда Вилькицкий познакомился с Александром Сергеевичем Боткиным (1866—1936) – сыном знаменитого вра-

ча-терапевта, неизвестно. Однако известно, что перед началом второго полевого сезона экспедиции, 23 февраля 1895 года Вилькицкий подал рапорт в Главное гидрографическое управление Морского министерства (ГГУ) с просьбой о командировании к экспедиции «в возможно скорейшем времени» мичмана А. С. Боткина. Двадцативосьмилетний А. С. Боткин [ил. 2] к этому времени окончил Императорскую военно-медицинскую академию (1890), защитил диссертацию² и стал доктором медицины (1892), а затем совершил в качестве судового врача почти двухлетнее заграничное плавание на корвете «Рында», во время которого сдал экзамен на мичмана (декабрь 1893 года)³.

Просьба Вилькицкого о переводе в экспедицию мичмана Боткина была поддержана начальником ГГУ вице-адмиралом П. Н. Назимовым, который 28 февраля 1895 года представил соответствующее отношение в Главный морской штаб⁴. Вскоре А. С. Боткин стал одним из помощников начальника экспедиции и, в частности, участвовал в её обеспечении необходимым снаряжением. Так, во второй половине апреля 1895 года он был отправлен Вилькицким в Кронштадт, чтобы получить «водолазные вещи»⁵.

Вскоре Боткин вместе с другими офицерами отправился из Санкт-Петербурга через Москву, Нижний Новгород, Пермь и Тюмень в Енисейск, где зимовали суда экспедиции – пароход «Лейтенант Овцын» и парусная баржа «Лейтенант Скуратов».

В период плавания судов летом 1895 и 1896 годов участники экспедиции выполняли гидрографические, метеорологические, магнитные и гидрологические наблюдения. Мичман А. С. Боткин производил исследования «по естественно-историческому отделу», одновременно являясь исправляющим должность старшего врача экспедиции, штурманским и вахтенным офицером.

Ил. 1. Подполковник А. И. Вилькицкий. 1890-е
Фотомастерская W. Clasen, St. Petresburg
Семейный архив И. С. Тихомировой

Ил. 2. Мичман А. С. Боткин. 1893
Семейный архив Е. С. Хохловой, праправнучки
С. П. Боткина

Собранный Боткиным материал обрабатывали профессор Юрьевского университета Н. И. Кузнецов⁶, младший ботаник при Санкт-Петербургском ботаническом саде Г. И. Танфильев⁷ и зоологи музея Императорской Академии наук Н. М. Книпович⁸ и А. А. Бялыницкий-Бируля⁹. Разбором образцов почв и горных пород занимался хранитель Минералогического музея при Академии наук барон Э. В. Толль¹⁰.

Следует отметить, что служба А. С. Боткина в Гидрографической экспедиции оказалась успешной: уже в конце 1895 года ему был пожалован орден Св. Станислава 3-й степени¹¹.

Семнадцатого февраля 1896 года в Петербурге состоялось Общее собрание Им-

ператорского Русского географического общества (ИРГО), на котором А. И. Вилькицкий сделал сообщение о географических результатах работ в 1895 году состоящей под его начальством экспедиции Морского министерства по исследованию устьев рек Енисея и Оби и части Карского моря.

Затем мичман А. С. Боткин демонстрировал собранные им коллекции – естественно-историческую и этнографическую, а также снятые им фотографии самоедских и остяцких жертвенных мест, видов и типов. После того, как докладчик показал на экране вид острова, открытого экспедицией к северу от мыса Матэ-Салэ, вице-председатель Общества П. П. Семёнов предложил назвать этот остров «остров Вилькицкого», по фамилии начальника экспедиции, что было принято и «закреплено собранием дружными рукоплесканиями»¹².

Следует отметить, что в том же 1896 году А. С. Боткин за труды по собиранию естественно-исторических и этнографических коллекций в экспедиции для изучения устьев Оби и Енисея и части Карского моря, а также за сообщение о его работах, сделанных 17 февраля в Обществе, был награждён малой серебряной медалью ИРГО «За полезные труды»¹³.

После летних работ 1896 года Боткин передал в дар Императорскому Санкт-Петербургскому Ботаническому саду собранную им в Арктике коллекцию растений, представлявшую большой научный интерес. Этот акт не остался без внимания министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова. Двадцать пятого января 1897 года он в своём письме управляющему Морским министерством вице-адмиралу П. П. Тыртову выразил «искреннюю признательность»¹⁴

Двадцать девятого января 1897 года Тыртов распорядился передать письмо Ермолова в учреждение, которое вело переписку по этому предмету. После того, как Тыртову доложили историю вопроса естественно-научных исследований в Арктике, он 19 февраля направил письмо члену Государственного Совета адмиралу Н. М. Чихачёву (бывшему управляющему Морским министерством), в котором, в частности, указал следующее:

«...Имея в виду, что мысль и заботы о том, чтобы экспедиция Подполковника Вилькицкого в научном отношении охватила более широко исследование наших северных побережий принадлежали Вам, я считаю долгом о благодарности, выраженной Министром Земледелия и Государственных Имуществ, сообщить Вашему Высокопревосходительству...»¹⁵.

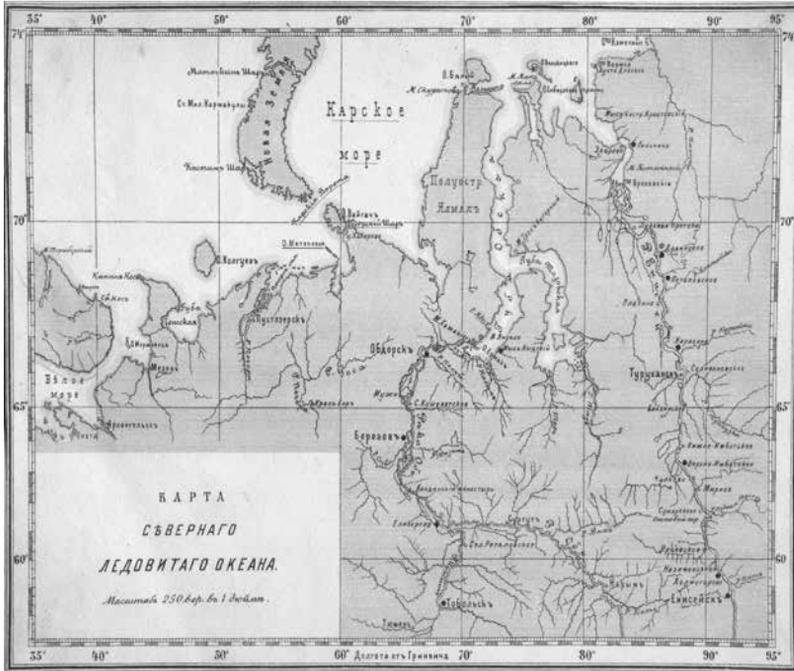
Девять месяцев спустя, 27 ноября 1897 года военный министр П. С. Ванновский так же направил Тыртову письмо, касавшееся арктических даров Боткина. Вот его текст:

«Милостивый Государь Павел Петрович,

Лейтенант вверенного Вашему Превосходительству флота, сын покойного профессора Академии, доктор медицины Боткин, возвратясь из экспедиции по рекам Енисею и Оби, принёс в дар анатомическому музею ИМПЕРАТОРСКОЙ Военно-Медицинской Академии шесть черепов самоедов и значительную коллекцию фотографических снимков, сделанных им во время экспедиции. Конференция Академии уже выразила Лейтенанту Боткину свою признательность за столь ценное в научном отношении пожертвование. Я со своей стороны также считаю своим долгом принести Вашему Превосходительству искреннюю мою благодарность за готовность Вашу в лице служащих в Российском флоте офицеров содействовать обогащению учебно-вспомогательных учреждений Академии...»¹⁶.

Через неделю, 4 декабря 1897 года, Тыртов подписал Ванновскому свой ответ, в котором, в частности, сообщал, что «и впредь готов содействовать тому, чтобы морские офицеры, собирая различные коллекции в своих дальних и разнообразных плаваниях, приносили бы свои труды на пользу науки...»¹⁷.

В том же 1897 году А. А. Бялыницкий-Бируля опубликовал статью о зоологических материалах, собранных А. С. Боткиным. В ней он, в част-

Ил. 3. Карта Северного Ледовитого океана. Конец XIX века. Собрание РГАВМФ

ности, указал следующее: «...Описанную здесь форму [боклов из рода *Gammarus duebeni* – В. С.] я позволю себе назвать в честь... Вилькицкого (*wilkitzkii* (*Gammarus duebeni* var.)), начальника гидрографической экспедиции для изучения устьев Енисея и Оби, благодаря интересу и вниманию которого к научным исследованиям в программу экспедиции вошли также и естественно-исторические исследования...»¹⁸.

Сам А. С. Боткин результаты своих работ в Гидрографической экспедиции по исследованию устьев рек Енисея и Оби опубликовал в специальном очерке¹⁹.

Поскольку в 1897 году полевых работ в экспедиции Вилькицкого почти не производилось, то А. С. Боткин по своему желанию отработал летний сезон в Гидрографической экспедиции Байкальского озера²⁰.

Весной 1898 года лейтенант А. С. Боткин был зачислен во вновь формирующуюся Гидрографическую экспедицию Северного Ледовитого океана (ГЭСЛО) [ил. 3], которой командовал полковник А. И. Вилькицкий, и вновь стал одним из помощников начальника экспедиции. Уже в марте 1898 году ему было поручено отправиться в Кронштадт, чтобы выбрать для экспедиции 500 сажень стального троса (в $\frac{3}{4}$ или в 1 дюйм)²¹.

Двадцать седьмого марта 1898 года помощник начальника ГГУ генерал-майор К. И. Михайлов сообщил в Главный морской штаб о разрешении временно управляющего Морским министерством, по ходатайству полковника Вилькицкого, командировать «теперь же» в Англию лейтенанта А. С. Боткина и во второй половине апреля – лейтенанта А. А. Виткова «для постоянного наблюдения за работами на приобретаемый для ГЭСЛО пароход и заготовки хозяйственных предметов по устройству жилых помещений, а также для своевременного приготовления парохода к плаванию»²².

Это решение было принято весьма своевременно. Когда 8 апреля 1898 года из Лондона от военно-морского агента капитана 1-го ранга И. К. Григоровича пришла телеграмма: «Присылку офицера на Пахтусов теперь считаю необходимым», то на следующий день генерал-майор К. И. Михайлов сообщил ему в ответ: «[В] Субботу выезжает лейтенант Боткин»²³. 11 апреля Боткин убыл в Англию²⁴ на купленный для ГЭСЛО пароход, названный «Пахтусов» – в честь исследователя Арктики прапорщика Корпуса флотских штурманов П. К. Пахтусова.

После проведения всех испытаний «Пахтусова» Боткин с экспедицией Вилькицкого вышел 27 июня 1898 года из Англии и 25 мая прибыл в Архангельск²⁵, который стал базой для ГЭСЛО.

В 1898 году экспедиция успела по всему проливу Югорский Шар произвести триангуляцию и в большей части – мензульную съёмку в масштабе 1 миля в дюйме. В ходовых местах и на подходе к селу Никольскому был выполнен промер. Всего было выполнено 105 линейных вёрст топографической съёмки и 214 линейных вёрст промера²⁶. Кроме того, в ходе плавания парохода «Пахтусов» производились метеорологические, гидрологические, магнитные и «естественно-исторические» наблюдения, с производством драгировок²⁷. Боткин, кроме выполнения наблюдений и несения вахт, исправлял должность старшего врача ГЭСЛО. Двадцать седьмого сентября 1898 года он вместе с товарищами по экспедиции вернулся в Архангельск на пароходе «Пахтусов».

Зимой 1898/1899 года Боткин был прикомандирован к ГГУ и отправлен в командировку – для изучения физических данных озера Байкал²⁸.

Шестнадцатого марта 1899 года Вилькицкий подал на имя начальника ГГУ два рапорта, посвящённых лейтенанту Боткину. В первом из них он указал следующее:

«Лейтенант Боткин мне пишет, что для полноты порученного ему дела необходимо будет проработать на о. Байкал до конца июня месяца или начала июля и что эти дела должны лишить его возможности остаться в экспедиции. Донося об изложенном Вашему Превосходительству имею честь покорнейше просить о назначении во вверенную мне экспедицию вместо Лейтенанта Боткина Штабс-капитана Морозова...»²⁹.

Семнадцатого марта генерал К. И. Михайлов распорядился подготовить по данному вопросу доклад управляющему Морским министерством, а 19 марта – после его согласия – сообщить в Главный морской штаб «для распоряжения». Это было сделано 23 марта 1899 года³⁰.

Во втором рапорте Вилькицкий ходатайствовал о награждении лейтенанта А. С. Боткина орденом Св. Анны 3-й степени «за совместное несение нескольких обязанностей в экспедиции – вахтенного начальника, врача, производителя работ по гидрографической части и по собиранию естественно-исторических коллекций, которые он отправлял со свойственным ему усердием и тщательностью»³¹.

Однако после доклада Михайлова управляющему Морским министерством по этому вопросу 19 марта 1899 года, тот не признал «возможным допустить награду сверх положения», так как «представление за гидрографические работы уже было сделано к 6 декабря»³². Тем не менее, в том же 1899 году орден Св. Анны 3-й степени лейтенанту А. С. Боткину был пожалован³³.

Третьего апреля 1899 года помощник начальника Главного морского штаба контр-адмирал М. А. Реунов сообщил в ГГУ, что ближайшим циркуляром лейтенант Боткин будет отчислен от должности помощника начальника ГЭСЛО, с прикомандированием к ГГУ, а на его место будет назначен штабс-капитан КФШ Н. В. Морозов³⁴.

Так завершилась деятельность А. С. Боткина в составе ГЭСЛО. Следует отметить, что его вклад в исследование Арктики увековечен на морских картах: в честь А. С. Боткина назван мыс в Обской губе Карского моря.

В 1900–1901 годах А. С. Боткин находился в командировке в Соединённых Штатах для ознакомления с планами строительства канала между Тихим и Атлантическим океанами и военно-морской техникой, в 1903–1904 годы он изучал моторное дело в Европе. После возвращения из-за границы А. С. Боткин занимался постройкой «водобронного минного катера» – полуподводной лодки, которую передал морскому ведомству: в 1905 году она была отправлена во Владивосток, где числилась минным катером и использовалась как вспомогательное судно. Двадцать шестого декабря 1905 года А. С. Боткин был произведён в капитаны 2-го ранга с увольнением от службы.

В 1910–1917 годы он занимал должность военного посредника в Финляндии. После Гражданской войны эвакуировался из Крыма в Константинополь. Затем проживал в Италии и Франции, работал в Институте Пастера в Париже. В 1931 году Боткин проживал в Терийоках, в своём имени.

В 1936 году Александр Сергеевич Боткин скончался в городе Сан-Ремо (Италия), где и похоронен на кладбище Фоче. Через 11 лет скончалась дочь А. С. Боткина Марианна (1905—1947), а через 16 лет – жена Мария

Павловна (1875—1952), дочь фабриканта, мецената, основателя Третьяковской галереи в Москве П. М. Третьякова. Жена и дочь погребены вместе с А. С. Боткиным³⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вилькицкий Андрей Ипполитович (1858—1913) – исследователь Онежского озера и Северного Ледовитого океана, начальник Главного гидрографического управления Морского министерства (1907—1913), генерал Корпуса гидрографов (1913).
- ² *Боткин А. С.* К патологической анатомии селезенки при крупозной пневмонии: диссертация на степень доктора медицины А. С. Боткина. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1892.
- ³ *Пожарский А. М.* Подводное плавание в России. 1834—1918 гг. – СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2011. – С. 109–110.
- ⁴ РГАВМФ. Ф. 404. Оп. 1. Д. 208. Л. 52–52 об.
- ⁵ Там же. Л. 99, 101.
- ⁶ Кузнецов Николай Иванович (1864—1932) – ботанико-географ, флорист и систематик, член-корреспондент АН (1904).
- ⁷ Танфильев Гавриил Иванович (1857—1928) – ботаник, почвовед и географ, доктор географии (1912). С 1905 года профессор Новороссийского университета в Одессе.
- ⁸ Книрович Николай Михайлович (1862—1939) – зоолог, ихтиолог, гидробиолог и гидролог, член-корреспондент (1927), почётный член Академии наук (1935).
- ⁹ *Вилькицкий А. И.* О работах Гидрографической экспедиции в 1895 году в реках Енисее, Оби и Ледовитом океане // Известия Российского Географического Общества. – 1896. – Т. 32. – С. 12 (180). Бялыницкий-Бируля Алексей Андреевич (1864—1937) – зоолог, член-корреспондент Академии наук (1923). Участник Шпицбергенской (1899) и Русской полярной (1900–1902) экспедиций.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 210. Л. 104.
- ¹¹ *Пожарский А. М.* Подводное плавание в России... – С. 111.
- ¹² Журнал общего собрания И.Р.Г.О. – 17-го февраля 1896 года.
- ¹³ Перечень награждённых знаками отличия Русского географического общества (1845–2012). – М., 2012. https://www.rgo.ru/sites/default/files/upload/spisok-nagrazhennyh_8.pdf (дата посещения – 10.10.2018).
- ¹⁴ РГАВМФ. Ф. 404. Оп. 1. Д. 250. Л. 17–17 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 23–23 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 67–67 об, 71.
- ¹⁷ Там же. Л. 70.
- ¹⁸ *Бируля А.* Материалы для биологии и зоогеографии преимущественно русских морей. II. Hydrozoa, Polychaeta и Crustacea, собранные д-ром А. С. Боткиным в Енисейской и Обской губах, летом 1895 г. // Ежегодник Зоологического музея Императорской Академии наук. – 1897. – Т. II. – № 1. – С. 108–109.
- ¹⁹ *Боткин А. С.* Очерк работ по естествоведению. (Материалы для изучения Обской губы и Енисейского залива, собранные в 1894, 95, 96 годах гидрографической экспедицией под начальством подполковника А. Вилькицкого). – СПб.: типография М. Д. Ломковского, 1898.
- ²⁰ *Пожарский А. М.* Подводное плавание в России... – С. 110.

- 21 РГАВМФ. Ф. 404. Оп. 1. Д. 301. Л. 2.
22 Там же. Л. 9.
23 Там же. Л. 17, 18.
24 Там же. Л. 28.
25 Там же. Л. 94, 95.
26 Метеорологические и гидрологические наблюдения, произведённые летом 1898 г. экспедицией Северного Ледовитого океана под начальством полковника Вилькицкого летом 1899 года. – СПб., 1900. – С. 25–29.
27 Отчёт о действиях Главного гидрографического управления Морского министерства за 1898 год. – СПб., 1899. – С. 100–102.
28 *Пожарский А М.* Подводное плавание в России... – С. 110.
29 РГАВМФ. Ф. 404. Оп. 1. Д. 313. Л. 21.
30 Там же. Л. 23–23 об.
31 Там же. Л. 22.
32 Там же.
33 *Пожарский А М.* Подводное плавание в России... – С. 111.
34 РГАВМФ. Ф. 404. Оп. 1. Д. 313. Л. 25.
35 *Пожарский А М.* Подводное плавание в России... – С. 111–112.

Н. Н. НЕМЧЕНКО
(Санкт-Петербург)

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА БОТКИНА – НАША БАБУСЯ

Аннотация. В 1949 году Е. М. Боткина, которая проживала в маленькой квартире в особняке своего отца М. П. Боткина, пригласила жить вместе с ней семью правнучки С. П. Боткина. Анастасия Михайловна и Николай Алексеевич Дегтярёвы и их дети Наталия и Андрей стали для Е. М. Боткиной семьёй. Наталия Николаевна Немченко, урождённая Дегтярёва, в статье вспоминает о своей Бабусе.

Ключевые слова. Е. М. Боткина, особняк М. П. Боткина, семья Дегтярёвых.

N. N. NEMCHENKO
(Saint-Petersburg)

ELENA MIKHAILOVNA BOTKINA – OUR GRANNY

Abstract. In 1949, E. M. Botkina, who lived in a small apartment in her father's house, M. P. Botkin, invited the family of S. P. Botkin's granddaughter to live with her. Anastasia Mikhailovna and Nikolai Alekseevich Degtyaryovs and their children Natalya and Andrei became family for E. M. Botkina. Natalya Nikolaevna Nemchenko, nee Degtyaryova, in the article reminisces about her Granny.

Keywords. E. M. Botkina, house of M. P. Botkin, the family of Degtyarov.

Начиная с 1949 года наша семья¹ [ил. 1] по приглашению Елены Михайловны Боткиной стала жить вместе с ней в бывшем особняке² её родителей – Михаила Петровича и Екатерины Никитичны Боткиных.

Моя мать Анастасия Михайловна и её сестра Елизавета Михайловна Бородулины – дочери крестника М. П. Боткина Михаила Васильевича Бородулина – поддерживали связь с Еленой Михайловной Боткиной. Обе девочки иногда ходили в гости к сёстрам Елене Михайловне Боткиной и Елизавете Михайловне Зеленской в боткинский особняк обедать. После смерти в блокаду Е. М. Зеленской Елена Михайловна Боткина осталась в квартире одна и, боясь уплотнения, пригласила в квартиру семью Анастасии Михайловны Бородулиной, в замужестве Дегтярёвой.

Елена Михайловна Боткина занимала тогда в первом этаже три небольшие комнаты, маленькую кухоньку и туалет³. Сначала нам была выделена одна комната, а потом, после переноса кухни, когда стали проводить газ в 1950-е годы, две комнаты. В проходной комнате зимой бывало

Ил. 1. Елена Михайловна Боткина с родственниками – Анастасией Михайловной, Наташей и Андреем Дегтярёвыми. Ленинград. 1953
Семейный архив Н. Н. Немченко, праправнучки С. П. Боткина

очень холодно, дров было недостаточно, поэтому дети иногда там «гуляли» в пальто, в обычные дни в этой комнате также мы играли.

По утрам Елена Михайловна вставала рано и тихонько проходила со своим тазом через проходную комнату в ванную. Возвращаясь в свою комнату, она причёсывалась: расчёсывала и переплетала свою длинную (ниже пояса) тоненькую косу и укладывала её, прикрепляя шпильками на затылке. Я часто приходила к ней в комнату и смотрела на то, как она заплетала косу.

Наша Бабуся, как с лёгкой руки моего младшего братика Андрюши, мы все стали называть Елену Михайловну, очень любила, когда у неё бывали старые знакомые, которых она всегда угощала чем-нибудь вкусеньким, а когда они уходили, дарила им что-нибудь «на память». Приезжал двоюродный брат Б. А. Дмитриев⁴, композитор О. А. Евлахов⁵, Н. Я. Павлинова⁶, сотрудники Пушкинского дома, желавшие посмотреть архив и что-нибудь спросить.

Во второй половине 1950-х годов возобновилась переписка с родственниками из-за границы. К Елене Михайловне Боткиной приезжали дочь и внуки эмигрировавшей после революции сестры Екатерины Михайловны фон Энден, урождённой Боткиной. Внук Е. М. фон Энден Миха-

Ил. 2. Елена Михайловна Боткина с внучатым племянником Михаилом Михайловичем фон Энденом. Ленинград, 1950-е
Архив семьи Энден, потомков М. П. Боткина

ил Михайлович фон Энден [ил. 2] по работе приезжал в Советский Союз, он организовывал французские выставки в Москве и навещал свою двоюродную бабушку. Впоследствии М. М. фон Энден регулярно писал Е. М. Боткиной, рассказывал семейные новости, поздравлял с праздниками. Эти письма сохранились у нас в семье. Вспоминаю любопытную деталь. Когда в очередной раз Михаил Энден поздравил открыткой Елену Михайловну с праздником 7-го ноября, то она в сердцах сказала: «Как можно поздравлять с днём, когда закончилась хорошая жизнь».

Частным образом, не по работе, приезжала в Советский Союз и племянница Е. М. Боткиной Наталья Николаевна Соулс, урождённая фон Энден. Когда Н. Н. Соулс была в Ленинграде, то она остановилась в гостинице «Интурист» и заказала для передвижения машину [ил. 3]. Долгое время Е. М. Боткина либо вообще не выходила из дому, либо гуляла только недалеко от него, а во время приезда племянницы она проехала с ней на машине практически по всем достопримечательностям города и была очень довольна.

Потом, в 1961 году, приезжали дети Н. Н. Соулс, то есть внучатые племянники Елены Михайловны Боткиной, Татьяна и Джон. Помню, что Таня стеснялась того, что она плохо говорила по-русски и потому больше мол-

чала, а Джон был более разговорчивым, несмотря на то, что делал много ошибок в русском языке.

Уйдя на пенсию, Бабуся часто, иногда со мной, отправлялась на Большой проспект Васильевского острова в библиотеку Дома Культуры имени Серго Орджоникидзе за книгами и журналами, так как очень любила много читать. Выписывала и прочитывала полностью газету «Ленинградская правда». Голова у неё прекрасно работала. Вечерами она часто приглашала наших родителей к себе в комнату и рассказывала им не только о прочитанном, но и о каких-нибудь литературных или исторических, или о музыкальных передачах, услышанных ею по радио. Кроме того, Бабуся всегда была в курсе всех политических событий. Всех проходящих к ней Е. М. Боткина обязательно расспрашивала про политику, твёрдо отстаивая своё мнение, не совпадавшее с официальной политикой нашего государства. Моя мама, Анастасия Михайловна Дегтярёва, часто просила её быть осторожной в высказываниях: «Не надо при детях!». Участковый врач Ктиторов говорил, что перед тем, как к ней зайти, нужно прочитать газеты.

*Ил. 3. Елена Михайловна Боткина с племянницей Натальей Николаевной Соулс
Ленинград. Конец 1950-х
Семейный архив Н. Н. Немченко, праправнучки С. П. Боткина*

Боролась за свои права Елена Михайловна и с завхозом Василеостровского суда, которому платила квартирную плату. Она высчитывала всё до копейки, и когда тот требовал оплаты всей занимаемой площади, настаивала, что платить будет только за жилую: «Каждая порядочная квартира должна иметь прихожую (переднюю), это не жилая комната», – говорила она про большой коридор, за который завхоз пытался тоже получить оплату.

Бабуся часто звала меня к себе в комнату и рассказывала об истории её семьи, показывала фотографии братьев и сестёр, когда они были маленькими, как проводили время в детстве, во что играли. Когда долго болел маленький брат Андрюша, и мама тратила время на поездки по врачам и по процедурам, Бабуся много времени проводила со мной.

Бабуся изредка брала меня с собой на прогулки по Васильевскому острову. Бывало, что мы доходили до Смоленского кладбища до могилы её любимой сестры Любы и маленькой дочери Любы Ирочки. Иногда она учила меня французским и немецким словам, рассказывала и о библейских сюжетах, учила меня креститься, молиться. Когда я была в младших классах и ко мне приходили подружки, мы играли и бегали по всем комнатам, за исключением личной комнаты Елены Михайловны, устраивали танцы и шумели, Бабуся с интересом наблюдала за нами и громко смеялась. Она наблюдала за нами, как за театральным действием. А когда приходили к нашим родителям их друзья, Бабуся любила поговорить с ними о политике. Если же она чего-нибудь не понимала, то всегда дотошно расспрашивала, просила повторить, просила нашего папу, чтобы он доходчиво всё прокомментировал. Когда появились телевизоры, то по общему согласию был приобретён «Авангард». И вечерами, когда нас с Андреем укладывали спать, Бабуся и родители смотрели телевизор, находящийся в проходной комнате, и они вместе смотрели и слушали интересующие их передачи. Особенно с большим удовольствием – музыкальные. А ещё Бабуся любила рассказывать о самом особняке Боткиных, любимом детище её отца, в котором было собрано много разных коллекций мирового уровня: привезённые им в юности из Италии различные предметы эпохи Итальянского Возрождения, много картин разных художников, в том числе знаменитого А. А. Иванова, с которым Михаил Петрович Боткин дружил. Кроме картин было много коллекций разного плана.

Мы с Андреем очень любили слушать интересные рассказы Бабуся. Да и взрослым всё это было тоже интересным. В последние годы жизни Бабуся любила гулять по набережной, насколько ей позволяло здоровье. Потом она садилась на одну из скамеечек и наблюдала за прохожими и судами на Неве.

Несмотря на то, что у Елены Михайловны были очень больные ноги, она довольно долго продолжала работать медицинской сестрой

в Детской инфекционной больнице на Большом проспекте Васильевского острова.

Ещё в юности, став в 1904 году сестрой милосердия в Общине Святого Георгия, Бабуся до конца дней оставалась верна Красному Кресту и всегда сама платила членские взносы, несмотря на свою небольшую пенсию. После выхода на пенсию Е. М. Боткина добилась для себя пенсии республиканского значения.

У Е. М. Боткиной была помощница по хозяйству Тася, тётя Тася, как я её называла. Она приехала из деревни, была очень набожная, в том числе и потому, что в молодости ходила громить церкви, а потом замаливала грехи. Была неграмотная, работала на ситценабивной фабрике. Когда наша семья уезжала на лето, то тётя Тася переезжала в квартиру к Елене Михайловне, а после того, как Е. М. Боткина стала тяжело болеть, и вовсе переехала в квартиру в боткинском особняке, ночуя в проходной комнате.

Елена Михайловна, с юности увлекавшаяся садоводством и даже обучавшаяся на сельскохозяйственных курсах в 1900-е годы, продолжала любить растения до конца своей жизни. У неё в квартире были цветы на окнах, на тумбочках и на стульях. Были и любимые цветы – большой фикус в её комнате и большая китайская роза в проходной комнате. Одно кактусообразное растение с длинными колючими листьями и красивыми цветами Е. М. Боткина называла «узником», поскольку он был связан верёвкой. Вставая с утра, Елена Михайловна здоровалась со своими цветами, разговаривала. Особенно она любила фикус: проверяла по зарисовке, все ли листья на нём целы – вычёркивая опавшие, добавляла новые, отмечала пожелтения. В общем, относилась к цветам как к своим детям.

Елена Михайловна Боткина отличалась особой аккуратностью в делах. Выше я уже говорила о её расчётах с заведующим хозяйством Василеостровского суда, также тщательно она относилась к своей переписке. После её смерти архив её отца Михаила Петровича Боткина был передан в Пушкинский дом, вместе с этим архивом там хранятся некоторые черновики писем Е. М. Боткиной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Анастасия Михайловна, правнучка Сергея Петровича Боткина, знаменитого врача-терапевта и брата отца Елены Михайловны Михаила Петровича Боткина, с мужем Николаем Алексеевичем Дегтярёвым и их детьми Наташей и Андрюшей.
- ² Санкт-Петербург, 18-я Линия Васильевского острова д. 1, кв. 3.

- ³ Раньше в помещении ванной комнаты стояла большая чугунная ванна, которая провалилась в подвал во время Великой отечественной войны от ударной волны. Ванну не стали восстанавливать.
- ⁴ Дмитриев Борис Арсеньевич (1892—1965) – историк, краевед, директор Угличского музея в 1943–1948 годах. Двоюродный брат (по материнской линии) Е. М. Боткиной.
- ⁵ Евлахов Орест Александрович (1912—1973) – композитор и музыкальный педагог. Сын Александра Михайловича Евлахова, учителя в гимназии К. И. Мая, а затем друга Сергея Михайловича Боткина.
- ⁶ Павлинова Надежда Яковлевна.

Н. Б. ВЕТОШНИКОВА
(Санкт-Петербург)

ДВЕ ВСТРЕЧИ С ЕЛЕНОЙ МИХАЙЛОВНОЙ БОТКИНОЙ

Аннотация. Н. Б. Ветошникова, хранительница наследия семьи Боткиных по линии Л. М. Боткиной, была знакома с её сестрой Еленой Михайловной. В статье она вспоминает про две их встречи: в особняке М. П. Боткина, где у Елены Михайловны была небольшая квартира, и на даче Самариных.

Ключевые слова. Е. М. Боткина, О. К. Самарина, особняк М. П. Боткина.

N. B. VETOSHNIKOVA
(Saint-Petersburg)

TWO MEETINGS WITH ELENA MICHAYLOVNA BOTKINA

Abstract. N. B. Vetoshnikova, curator of the heritage of the Botkin's family on L. M. Botkina's side, was acquainted with her sister Elena Mikhailovna. In the article, she recalls about their two meetings: in the house of M. P. Botkin, where Elena Mikhailovna had a small apartment, and at the Samarins' country house.

Keywords. E. M. Botkina, O. K. Samarina, the house of M. P. Botkin.

Помню, как однажды по поручению свекрови, Ольги Конрадовны Самариной¹, я побывала у Елены Михайловны Боткиной. Нужно было передать ей какие-то бумаги и книги. Это было зимой 1960/1961 года. К двум часам дня, как пригласила Елена Михайловна, я вошла во двор дома № 1 по 18-й линии, подошла к небольшой двери 1-го этажа. На мой звонок дверь мне открыла сама Елена Михайловна. Мы познакомились [ил. 1].

Так я в первый раз оказалась в знаменитом боткинском особняке, в первом этаже которого Елена Михайловна занимала маленькую квартиру в три скромные комнаты, с небольшой же кухней и ванной, совмещённой с санузлом. Она сразу же мне всё показала, затем повела в свою комнату [ил. 2], где она стала расспрашивать меня о Самариных, о моих родных. Потом стала рассказывать о своих, вспоминать их дружную семью, показывала много фотографий. Рассказывала о родителях, о сёстрах и брате. Сказала, что живёт с родственниками (с семьёй правнучки Сергея Петровича Боткина, её мужем и двумя детьми²). Их во время моего прихода никого не было дома.

Затем мы пили чай с какими-то очень вкусными пирожками. К сожалению, не помню, с какой начинкой, но очень хорошо помню, что Елена Михайловна пекла их сама, и что они были удивительно вкусные. Вре-

Ил. 1. Елена Михайловна Боткина
Ленинград, 1950-е

Архив семьи Энден, потомков М. П. Боткина

мя пролетало незаметно, мне нужно было уходить. Дома меня ждал шестилетний сынишка...

Моя вторая встреча с Еленой Михайловной Боткиной произошла летом 1963 года. Ольга Конрадовна Самарина пригласила Елену Михайловну Боткину на несколько дней к нам на дачу, в Сиверскую. Елена Михайловна приняла приглашение, но только на три дня, не больше. Привёз её самаринский шофёр Ефим Филиппыч, который, как она потом говорила, произвёл на неё очень хорошее впечатление. Я приехала на дачу накануне её приезда, так как надо было, естественно, приготовить соответствующий обед и ужин – Ольга Конрадовна никогда этого не делала. Она, как она всегда говорила, была только «добытчицей» и вообще не занималась хозяйством. Приготовив всё на три дня, я уехала в город, так и не повидав Елены Михайловны.

Но, вернувшись через день, я смогла не поговорить, а скорее, послушать то, о чём говорили, вспоминая старые годы, Елена Михайловна с Ольгой Конрадовной.

В основном, они вспоминали своих родных, общих знакомых и различные эпизоды из жизни их семейств. Я узнала тогда, что отец Ольги Конрадовны, известный в Петербурге присяжный поверенный³, вёл дела боткинского семейства после смерти в мае 1917 года Екатерины Никитичны Боткиной, и в связи с наступившей революцией 1917 года не успел довести до конца дело. Насколько мне помнится, они так ничего и не успели получить.

И ещё, что мне запомнилось: в столовой, около дивана, на котором ночевала Елена Михайловна, стоял маленький круглый столик. На нём,

Ил. 2. Комната Е. М. Боткиной. Начало 1960-х годов
Семейный архив Н. Н. Немченко, праправнучки С. П. Боткина

обычно, лежала белая, вышитая руками Ольги Конрадовны салфеточка. На этот столик Елена Михайловна поставила несколько привезённых ею маленьких фотографий в рамочках. То были фотографии её покойных родителей, сестры Любы и любимицей маленькой дочери Ирочки⁴. Больше встретиться с Еленой Михайловной мне не пришлось. Но мне удалось отпроситься с работы и успеть на её отпевание...⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ольга Конрадовна Самарина, урождённая Недцвезкая (1887—1972) — подруга с гимназических времён Любови Михайловны Боткиной. Часто бывала в доме Боткиных и была знакома со всеми членами их семьи. Вторая жена Николая Николаевича Самарина, женатого первым браком на Любови Михайловне Боткиной. И Ольга Конрадовна, и её муж Николай Николаевич продолжали общаться с сёстрами Любы до конца их жизни.
- ² Анастасия Михайловна и Николай Алексеевич Дегтярёвы и их дети Наталья и Андрей. См. статью Н. Н. Немченко, урождённой Дегтярёвой, «Елена Михайловна Боткина — наша Бабуся».

- ³ Конрад Викторович Недзвецкий (1855—1940) – присяжный поверенный. Представитель детей Е. Н. Боткиной после её смерти при рассмотрении завещания.
- ⁴ Любовь Михайловна Боткина, в замужестве Самарина (1887—1920) и Ирочка Самарина (1919—1925).
- ⁵ Е. М. Боткина скончалась 2 августа 1964 года.

О. И. ДЁМУШКИНА
(Москва)

**СУДЬБА ВНУЧКИ П. П. БОТКИНА:
ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВНА ГУЧКОВА**

Аннотация. Представленная статья является первой попыткой рассказать о судьбе Любви Николаевны Гучковой, в замужестве Висковской. Выросшая в семье московского городского головы Николая Ивановича Гучкова и его жены Веры Петровны, урождённой Боткиной, после революции Любовь Николаевна осталась жить на Родине.

Ключевые слова. Боткины, Л. Н. Гучкова, Н. И. Гучков, Прохоровы, И. С. Остроухов.

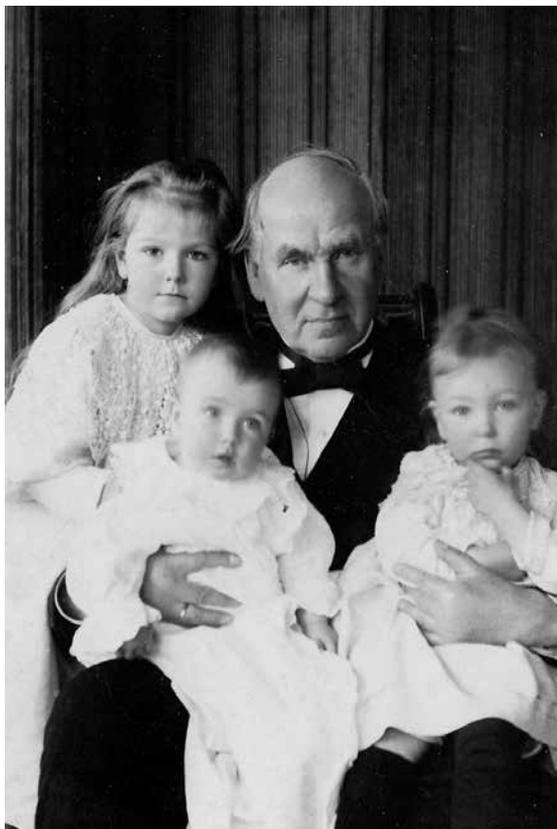
O. I. DEMUSHKINA
(Moscow)

**THE LIFE OF P. P. BOTKIN'S GRANDDAUGHTER:
LUBOV' NIKOLAEVNA GUCHKOVA**

Abstract. The presented article is the first attempt to tell about the life of Lyubov Nikolaevna Guchkova, in marriage Viskovskaya. Growing up in the family of the Moscow mayor Nikolai Ivanovich Guchkov and his wife Vera Petrovna, nee Botkina, after the revolution, Lyubov Nikolayevna remained to live in her Motherland.

Keywords. Botkin, L. N. Guchkova, N. I. Guchkov, Prokhorov, I. S. Ostrouchov.

В этой статье пойдёт речь об истории жизни Любви Николаевны Висковской (урождённой Гучковой) – моей бабушки. Причина, побудившая меня поделиться этой историей, не только любовь к моей бабушке, но и желание отдать должное многим и многим людям её круга. Всё моё детство и юность прошли в этой среде. В судьбе моей бабушки, как в капле воды, отразились и их судьбы. Это были представители аристократии, крупного бизнеса и интеллигенции дореволюционной России, по большей части добровольно разделившие со своей страной её тяжёлую годину. К сожалению, о них слишком мало пишут. Нашей прессе почему-то более интересны истории семей, уехавших из России и осевших в других странах. Для нашей современной жизни очень важно то, что смогли сохранить в эмиграции наши соотечественники: нравственные и культурные ценности, к которым мы теперь имеем возможность прикоснуться, замечательный русский язык, который в России мы постепенно теряем. Это, просто, наши родные люди, которых мы всегда любили и лю-

Ил. 1. Пётр Петрович Боткин с внучками Надей, Любой и Верой. Москва. 1894
Семейный архив О. И. Дёмушкиной, праправнучки П. П. Боткина

Она была третьей из шести детей, кроме неё в семье росли ещё Надежда (род. 1889), Вера (род. 1892), Пётр (род. 1895), Софья (род. 1897), Николай (род. 1903). Детство прошло безмятежно. Мальчики ходили в гимназию, а девочки получали домашнее образование. Вначале семья жила в собственном доме в Гороховском переулке³ (до наших дней не сохранился), но после событий 1905 года дедушка Пётр Петрович Боткин *[ил. 1]*⁴ позвал их жить с собой в родовое боткинское гнездо в Петроверигском переулке. Лето проводили в имении Петра Петровича «Поповка». На обширной территории располагалось три дома: Петра Петровича с женой Надеждой Кондратьевной, Веры Петровны и Николая Ивановича и Надежды Петровны с Ильёй Семёновичем Остроуховым⁵.

бим и никогда о них не забывали. Но оставшиеся, очень часто ценою своей жизни и всегда ценою своего благополучия, сохранили культуру и нравственность внутри страны настолько, насколько это было возможно в создавшихся условиях.

Я хочу низко поклониться тем, кто не оставил свою страну в трагическое для неё время и смог в тяжелейших условиях преследований сохранить человеческое достоинство, семейные традиции и память об ушедшей России. Я бы сравнила их с верующими, не покинувшими церковь в тяжёлые времена гонений.

Любочка Гучкова родилась 19 декабря 1893 года в семье Николая Ивановича Гучкова¹ и Веры Петровны, урождённой Боткиной².

Люба часто бывала в доме Оструховых. Илья Семёнович оказал большое влияние на её художественное мировоззрение: учил, как надо понимать иконопись, подбирал учителей живописи. Бабушка неплохо рисовала в то время (сохранились её альбомы и несколько картин). Она очень гордилась тем, что Илья Семёнович поручал ей составлять букеты из цветов, принесённых крестьянами. Отношения в семье были очень дружными и тёплыми, но детей воспитывали в строгости и уважении к труду прислуги. Не позволялось капризничать за столом, отказываться от еды – «тебе не подадут тухлого, ешь», говорил строгий папа. Если пачкали одежду, слышали: «как тебе не стыдно, подумай о прачке, она стёрла руки, стирая твою одежду!». Гувернантки были, как теперь говорят, носители языка. Дети одновременно учили русский, английский, немецкий и французский языки. Это помогло бабушке в советский период жизни, она давала уроки иностранных языков.

Несколько омрачала детство и юность Любочки слишком строгая опека матери. Веру Петровну и её сестёр их мать, Надежда Кондратьевна, воспитывала под влиянием идей Л. Н. Толстого и сторонников хождения в народ. В результате девочки ходили в грубых чулках и должны были носить передачи заключённым в тюрьмах. По-видимому, это произвело такое негативное впечатление, что Вера Петровна своих детей не пускала даже в гимназию (только мальчиков смог отстоять Николай Иванович). Девочки учились дома, выходы в свет очень не поощрялись.

Ил. 2. Г. Г. Карпов, Соня, Люба, Петя Гучковы в имении Карповых «Сушнево». 1912
Семейный архив О. И. Дёмушкиной,
праправнучки П. П. Боткина

Бабушка вспоминала, как приходилось идти на хитрости, чтобы соблазнить Веру Петровну купить билеты в театр. Даже во время войны она не разрешала Любе (старшие уже были замужем) работать в обществе Красного Креста, готовить помощь для фронта: «Помогать фронту можно и дома!».

Отдушиной оказалась семья владельца имения «Трёхгорки» Николая Ивановича Прохорова⁶. Сестра Надя была невестой, а с 1910 года и женой старшего сына большой прохоровской семьи Ивана Николаевича Прохорова. Другая сестра, Вера, в том же году вышла замуж за Геннадия Геннадиевича Карпова [ил. 2], племянника Саввы Морозова⁷.

Одной из многочисленных должностей Николая Ивановича Гучкова была – товарищ (заместитель) председателя благотворительного комитета Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны. Генерал-майор Николай Иванович Висковский тоже сотрудничал с комитетом Великой Княгини. Он стал директором Сергиево-Елизаветинского убежища для увечных воинов. Убежище было открыто в 1907 году в селе Всехсвятском (ныне район метро «Сокол» в Москве). Дети двух Николаев Ивановичей – Любовь и Юрий, познакомились и стали женихом и невестой. В войне 1914 года Юрий Николаевич Висковский участвовал в составе Преображенского полка. Войну закончил в 1917 году в чине штабс-капитана. В последнем бою Преображенского полка он был ранен, а его младший брат Алексей убит.

Молодые люди поженились не в самое удачное время, между двумя революциями, февральской и октябрьской. Молодая семья до 1921 года жила в боткинском доме в Петроверигском переулке [ил. 3]. Там родились их дети – Николай (род. 1918) и Любовь (род. 1921) – буквально в этом доме, так как акушерка приходила принимать роды на дом. После 1918 года их стали уплотнять, и в конце концов они уже занимали только верхний этаж, а в 1921 году переехали в квартиру в Нащёкинском переулке.

Николай Иванович Гучков был человеком не очень практичным и в преддверии революции, когда многие продавали недвижимость, он купил дачу в Крыму (одна из построек, вошедших в комплекс «Артек») и два доходных дома в Москве. В одном из них он выделил квартиру дочери. Когда я родилась, в 1948 году, это давно была коммуналка. Обыски и аресты начались сразу же после революции. Оставаться было опасно для жизни. В 1918 году уехал из Москвы Николай Иванович и его дочь Вера с мужем Геннадием Геннадиевичем Карповым. Сын Петя участвовал в Белом движении. Младшие Соня и Николай уехали в 1920–1921 годах. В России остались две сестры Любовь и Надежда со своими семьями.

Муж Надежды Николаевны – Иван Николаевич Прохоров – последний владелец Трёхгорной Мануфактуры – был оставлен новой властью в качестве директора своей фабрики. Однажды он был арестован и должен был быть расстрелян как заложник. Отбили рабочие. Ему повезло –

Ил. 3. Любовь Николаевна с мужем и сыном
Москва. 1921
Семейный архив О. И. Дёмушкиной, праправнучки
П. П. Боткина

он умер своей смертью в 1930 году от заболевания крови. Он вряд ли бы пережил 1938 год. Овдовевшую сестру с детьми к себе в квартиру в Нащёкинском забрала Любовь Николаевна.

С 1918 года жизнь резко изменилась. Приходили с арестами, обысками. В начале чекисты были неопытны, и при очередном обыске члены семьи передавали друг другу за спиной пистолет. Затем появилась сноровка. Уносили из дома документы, фотографии, драгоценности. Потом, правда, возвращали, но не всё (нитку жемчуга, например, которая оборачивалась вокруг шеи несколько раз, вернули укороченной втрое). На работу было устроиться очень сложно – «бывшие». Приходилось продавать вещи. Любовь Николаевна с бо-

лью с ними расставалась – это были частички прошлой жизни. Семейные и дружеские связи не прерывались в новых обстоятельствах. Среди близких и дальних родственников, с которыми часто виделись и помогали друг другу, были Прохоровы, Гучковы, Лежнёвы, Коншины, Полуэктовы. Часто виделись с Ильёй Семёновичем и Надеждой Петровной Остроуховыми, благо от Нащёкинского переулка до Трубниковского минут пятнадцать пешком. Вплоть до того, как опустился «железный занавес» в конце 20-х годов, шла переписка с уехавшей частью семьи. В 1924 и 1925 годах Любовь Николаевна с детьми приезжала в Париж, тогда она в последний раз видела отца, сестёр и братьев. Её очень уговарива-

ли не возвращаться, но она сказала: «У детей должна быть Родина!» – и вернулась. И даже пройдя сталинские лагеря, никогда об этом не пожалела. И мы, её потомки, ей благодарны за это. В 1926 году сестра Надя пыталась поехать к родственникам во Францию, но её уже не пустили.

Меня всегда поражала сила духа людей этого круга, позволившая им, упавшим с высот полного морального и материального благополучия в бездну нищеты, гонений, не сломиться, не сойти с ума. Жизнь Бабушки складывалась нелегко. Зарабатывала уроками иностранных языков и вязанием. Муж, наконец, нашёл работу – секретаря в институте связи. Его неоднократно арестовывали, последний раз, в 1938 году приговор был 10 лет без права переписки. Как мы узнали много лет спустя, в том же году он был расстрелян. В 1940 году по доносу товарища было арестован сын Николай. Его выпустили только после войны и на фронт, несмотря на его многочисленные просьбы, не пустили. Может быть, это спасло ему жизнь. Его двоюродный брат, сын Надежды Николаевны Прохоровой, пропал на войне без вести.

В 1941 году, когда началась война, арестовали Любовь Николаевну. Суда не было. «Тройка» вынесла приговор – социально-опасный элемент (муж и сын арестованы и сама из «бывших»). Отправили в лагерь в Сибирь. Во время войны в лагерях жизнь была хуже, чем обычно. Чтобы получать какие-то витамины, ела подорожник. Начались водянка и пеллагра – болезни, которые никто кроме специалистов теперь и не знает. Любовь Николаевна стала «доходягой», чтобы не портить лагерную статистику, её выбросили за ворота умирать. Сактировали, как тогда говорили. Помог случай. Познакомилась с местным врачом, тоже из репрессированных. Он положил её в больницу – тем и спас. Происходило это в городе Мариинске. По выходе из больницы Любовь Николаевна Висковская в Москву вернуться не могла (не имела права жить в больших городах). Она выбрала город Ковров Владимирской области (поближе к Москве). Там снимала комнату у хозяйки старообрядки, Анастасии Васильевны Веденеевой, с которой подружилась. Особенно их сближала нелюбовь к Сталину. С моего рождения в 1948 году бабушка принимала большое участие в моей жизни. Сперва она только приезжала летом, и мы вместе жили на даче, потом, с 1952 года, я жила с ней в Коврове, так как маме нужно было заканчивать образование. Помню долгие зимние вечера в нашей маленькой комнате. Бабушка вяжет или сучит нитки (она сама из шерсти пряла нитки) и рассказывает о своей прежней жизни, об отце, которого она обожала, о семье, о балах и приёмах, о поездке в Париж с детьми. Я слушала это как прекрасную, но горькую сказку. Горечь была от понимания несправедливости. Люди, о которых шла речь, были благородны, бескорыстны, добры, но я твёрдо знала, что никогда не будет об этом сказано публично. Кто мог тогда предположить, что наша жизнь так изменится.

Когда мы на несколько дней приезжали в Москву, между Ковровом и подмосковной дачей, бабушка жила в страхе, что её обнаружат. У нас, по-видимому, был порядочный участковый, каждый раз обходилось. Потом наступили оттепель и реабилитация. Она стала полноправным гражданином и имела право жить в Москве. Пенсии она, правда, так никогда не получала, но всё-таки это была совсем другая жизнь. Бабушка была благодарна за это Хрущёву. Она даже бросила курить после смерти Сталина, говорила, что хочет ещё пожить без него. Пришли первые письма от сестёр из-за границы. Помню маму и бабушку плачущими над этими письмами. Увидеться им так и не пришлось. В 1961 году на международную выставку в Сокольниках приехал сын Александра Ивановича Гучкова, Андрей, с женой Лизой (тоже из русских эмигрантов). Для бабушки это было потрясением – приехал кто-то из семьи. Постепенно начали восстанавливаться семейные связи.

Наступила московская спокойная жизнь. У бабушки был свой круг общения. Она очень любила друга своего сына, Эммануила Моисеевича Лившица. Он был единственным, кто выступил в защиту моего дяди на суде в 1940 году. По тем временам это был подвиг. Бабушка помнила об этом

*Ил. 4. Любовь Николаевна с сыном и дочерью на даче в Звенигороде. 1960
Семейный архив О. И. Дёмушкиной, праправнучки П. П. Боткина*

всегда. Впрочем, мы все его очень любили, он был очень добрым человеком. Бывала у нас бабушкина двоюродная сестра Ольга⁸ (дочь Константина Ивановича Гучкова). Но больше всего было прохоровской родни. Часто встречались и делили тяготы жизни с семьёй Капитолины Николаевны Полуэктовой, урождённой Коншиной. Тётя Капа умудрилась родиться 7 ноября, и в этот день в их маленькой квартирке на Фрунзенской набережной бывало очень много народа. Там я встречала княгиню Голицину, внук Толстого мне, двенадцатилетней девочке, говорил «Вы» и целовал ручку, чем приводил в полное смущение.

Бабушка много читала: помню Диккенса, Голсуорси, Агату Кристи. Последние двух тогда ещё не перевели на русский язык, и бабушка читала их в подлиннике, а мне пересказывала, к моему большому удовольствию.

Вся жизнь Любви Николаевны прошла в служении семье, когда её от семьи не отрывали. Сначала дети [ил. 4], потом внучка. У неё было и есть две внучки, но дочь сына Ирина жила с родителями на Донбассе, и бабушка сосредоточилась на мне. В детстве я не понимала её роли в нашей семье. Только с возрастом поняла, как много она мне дала. В её многочисленных рассказах о «прошлой жизни» я никогда не слышала упреков в адрес власти за то, что её лишили материальных ценностей. Напротив, она говорила, что понимает желание отнять добро, не понимает только, зачем убивать.

Глядя на жизнь моей бабушки и многих людей той же судьбы, понимаешь, что можно жить, в любых условиях оставаясь человеком. Мы довольно долго жили бедно, но ни в детстве, ни в юности у меня не возникало сожаления, что мы недостаточно богаты, не было чувства зависти к более обеспеченным одноклассникам. Думаю, что это заслуга бабушки. И как я ей за это благодарна! Знание истории семьи, интерес и любовь к членам нашей большой семьи – всё это результат бабушкиных рассказов. Очень надеюсь, что она видит, во что это вылилось.

Бабушка скончалась в 1975 году, пережив всех своих братьев и сестёр. Соня, Вера и Петя умерли в 1960-х годах в Париже, похоронены на Сент-Женевьев-де-Буа, младший Коля в 1950-х в Аргентине. Сестра Надежда умерла от рака в Москве во время войны, так и не узнав о гибели сына. Вечная им память!

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ Николай Иванович Гучков (1860–1935) – видный российский предприниматель и общественный деятель. В 1905–1913 годах московский городской голова, один из директоров товарищества «Петра Боткина сыновья» и товарищества Ново-таволжанского свеклосахарного завода Боткиных.

- 2 Вера Петровна Гучкова (1862—1916) – жена Николая Ивановича Гучкова, дочь Петра Петровича и Надежды Кондратьевны Боткиных.
- 3 Общий алфавит жителей гор. Москвы с указанием их местожительства и торговых фирм // Вся Москва. Адресная книга города Москвы. 29-й год издания Московской Городской Управы. – М., 1901. – С. 123; Вся Москва. Адресная книга города Москвы. 33-й год издания Московской Городской Управы. – М., 1904.
- 4 Пётр Петрович Боткин. См. о нём статью: *Бакалдина Е. В.* Пётр Петрович Боткин: чаоторговец и благотворитель // Исторические Боткинские чтения: Вып. I. – СПб.: СПбГМИСР, 2017. – С. 57–71.
- 5 Надежда Петровна Остроухова (1855—1935) – старшая дочь Петра Петровича Боткина, жена И. С. Остроухова. Илья Семёнович Остроухов (1858—1929) – русский художник, крупный коллекционер, член попечительского совета Третьяковской галереи после смерти П. М. Третьякова.
- 6 Прохоров Николай Иванович (1860—1915) – представитель московской купеческой семьи, мануфактур-советник.
- 7 Карпов Геннадий Геннадьевич (1888—1952) – сын Геннадия Фёдоровича Карпова и Анны Трофимовны, урождённой Морозовой. Эмигрировал после революции.
- 8 Гучкова Ольга Константиновна (1896—1976).

III

БОТКИНСКИЕ МЕСТА

Е. В. БАКАЛДИНА

(Музей-институт семьи Рерихов; Санкт-Петербург)

**СЕМЕЙНАЯ УСЫПАЛЬНИЦА БОТКИНЫХ
НА КЛАДБИЩЕ ВОСКРЕСЕНСКОГО НОВОДЕВИЧЬЕГО
МОНАСТЫРЯ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**

Аннотация. В Санкт-Петербурге на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря происходили захоронения представителей семьи Боткиных. Первым был захоронен зять Н. М. Визгин, затем похоронены маленькие дети С. П. Боткина, но именно его захоронение стало началом организации семейного участка на кладбище. В общей сложности на участке были захоронены одиннадцать человек из трёх поколений семьи Боткиных. В настоящее время не все могилы и памятники сохранились, более того, памятник Н. М. и М. П. Боткиных был немного перенесён. **Ключевые слова.** Боткины, Санкт-Петербург, Новодевичий монастырь, усыпальница.

E. V. BAKALDINA

(The Saint-Petersburg Roerich family Museum; Saint-Petersburg)

**BOTKIN'S FAMILY CRYPT AT THE CEMETERY
OF THE RESURRECTION NOVODEVICHY CONVENT
IN ST. PETERSBURG**

Abstract. In St. Petersburg, in the cemetery of the Novodevichy Resurrection convent, representatives of the Botkin's family were buried. The first there was buried N. W. Bizgin (husband of Alexandra Botkin), than children of S. P. Botkin, but precisely his burial was the beginning of the organization of the family site at the cemetery. In total, eleven people from three generations of the Botkin's family were buried on this site. At present, not all graves and monuments have been preserved; moreover, the monument to N. M. and M. P. Botkins was slightly moved.

Keywords. Botkins, Saint-Petersburg, Novodevichy Resurrection convent, tombs.

После переезда из Торопца в Москву потомки Петра Кононовича Боткина традиционно обретали покой на кладбище Покровского монастыря, в отличие от потомков его брата Дмитрия Кононовича Боткина, выбравших местом упокоения кладбище Даниловского монастыря. Так было даже

в случаях, когда представители семьи Боткиных умирали не в Москве. Например, тело Василия Петровича Боткина в 1869 году было перевезено из Санкт-Петербурга, а тело Николая Петровича в том же году из Пешта. Удалось выяснить, что на кладбище Покровского монастыря обрели покой 22 представителя семьи Боткиных¹.

Интересно, что не только все московские Боткины похоронены в Москве, но и две представительницы «петербургских» Боткиных: первая жена С. П. Боткина – Анастасия Александровна и жена М. П. Боткина – Екатерина Никитична. Если по поводу первой неизвестны причины её захоронения в Москве, то причины захоронения второй понятны. Е. Н. Боткина приехала в Москву в мае 1917 года на операцию, но там умерла. *«Покойная пожелала быть погребённой на этом кладбище вблизи могил семьи Боткиных... На кладбище был склеп, но воспользоваться им было нельзя, потому могилу приобрели недалеко от склепа»*². Это было во время революционного 1917 года, когда было просто невозможно перевезти тело в Петроград. Более того, её с большим трудом удалось захоронить и в Москве, так как проходили митинги монахов³.

Остальные члены семьи Боткиных, проживавшие в Санкт-Петербурге, обрели покой в столице. Большинство из них захоронены на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря. Первым представителем семьи Боткиных, захороненным на этом кладбище, был муж Александры Петровны, урождённой Боткиной, купец Никита Мокиевич Визгин, умерший 2 декабря 1857 года. Однако сведения насчёт его могилы разнятся. С одной стороны, согласно документам Новодевичьего монастыря за 1852–1886 годы Н. М. Визгин был похоронен в 1857 году на 1-м участке 1-го церковного разряда, в средней части⁴. Но, с другой, в книге «Петербургский некрополь» за 1912 год указано, что он похоронен около жены и дочери⁵ – на 10-м участке 1-го церковного разряда, в средней части. На это же указывает план Новодевичьего кладбища, на котором на 1-м участке не показана могила Н. М. Визгина, а на 10-м участке стоят три креста у могил А. П. Визгиной и А. Н. Котельниковой⁶. Вероятным объяснением подобного может служить перенос праха Н. М. Визгина на 10-й участок, к жене.

В 1858 году на участке рядом с первоначальной могилой Н. М. Визгина, в средней части 1-го церковного разряда на 1-м участке, был похоронен художник Александр Андреевич Иванов⁷ (1806—1858), человек близкий братьям Боткиным, который жил у них перед своей смертью; и это несмотря на то, что родители А. А. Иванова были похоронены на Смоленском кладбище⁸.

Следующее захоронение на кладбище Новодевичьего Воскресенского монастыря произошло лишь в сентябре 1877 года, умер Дмитрий, новорождённый сын Сергея Петровича и Екатерины Алексеевны Боткиных. Он был захоронен на 13-м участке 1-го разряда, в средней части⁹.

Со стороны Боткиных на Новодевичьем кладбище был захоронен только зять С. П. Боткина Н. М. Визгин, со стороны Оболенских (вторая жена С. П. Боткина Екатерина Алексеевна была урождённой Оболенской) князь Николай Николаевич Оболенский и Александр Оболенский¹⁰. Остальные Оболенские обретали покой на Тихвинском и Никольском кладбищах Александро-Невской лавры, Георгиевском кладбище на Большой Охте, Волковском православном кладбище, на кладбище Сергиевской пустыни, Смоленских евангелическом и православном кладбищах¹¹. Поэтому нельзя сказать, что были исторические предпосылки для выбора этого кладбища в качестве семейной усыпальницы Боткиных. Дата захоронения младенца – сентябрь 1877 года, когда С. П. Боткин находился в Болгарии на русско-турецкой войне. Непонятно, кто решал вопрос о похоронах. Екатерина Алексеевна была слишком слаба, роды были тяжёлыми – она физически не могла принимать участия в выборе места упокоения новорождённого сына. Возможно, что на захоронение Дмитрия Боткина на Новодевичьем кладбище повлиял Василий Михайлович Бородулин, ученик и зять С. П. Боткина. Именно он оставался с Е. А. Боткиной во время её родов и смерти сына. У В. М. Бородулина на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря были похоронены родители – Михаил и Анна Бородулины¹².

Следующим за Дмитрием на кладбище Новодевичьего монастыря был похоронен в 1886 году другой маленький сын Сергея Петровича и Екатерины Алексеевны, Алексей¹³, умерший в возрасте четырёх лет и отпетый в Культилле.

Тридцатого декабря 1889 года на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря похоронили Сергея Петровича Боткина, умершего в Ментоне и перевезённого в Петербург. Поскольку С. П. Боткин умер за границей, то потребовался открытый лист и свидетельство Императорского российского вице-консула города Ментоны, чтобы доставить тело в Петербург, что и было сделано 29 декабря 1889 года¹⁴.

Похоронами С. П. Боткина занимался служащий фирмы «Петра Боткина сыновья» – А. П. Константинов. Он отчитывался перед Петром Петровичем Боткиным: *«Отца протоиерея Петра Алексеева я пригласил на отпевание Сергея Петровича, а также весь хор Невских певцов 50 человек, если будет возможно, а то только 30...»*¹⁵. О похоронах Сергея Петровича рассказано было в журнале «Нива» № 3 за 1890 год: *«в субботу, 30 декабря, состоялись похороны С. П. Боткина. Поутру траурный вагон с прахом покойного прибыл на петербургскую станцию Варшавской железной дороги. Вся внутренность вагона была обита чёрным сукном и увешана венками из живых цветов, а посредине стоял в ящике металлический гроб с останками усопшего. Около 10 часов утра вагон был открыт, и была отслужена зауспокойная лития. Во время совершения её громад-*

ная толпа собралась у вокзала, поджидая выноса гроба с прахом покойного С. П. Боткина. После литии гроб был вынесен из вокзала профессорами академии, докторами и близкими усопшему лицами, и установлен на носилки, затем врачи и студенты взяли носилки на плечи, и печальное шествие двинулось вдоль Обводного канала, по направлению к Новодевичьему монастырю. Впереди гроба шли два хора певчих, а за носилками двигалась печальная колесница, запряжённая в шесть лошадей, вся покрытая венками от различных учреждений и лиц. По прибытии в монастырь гроб был внесён в церковь и установлен посередине её на траурном катафалке. Во время заупокойной литургии, совершённой епископом Нарвским Владимиром, в сослужении множества духовенства и при двух хорах певчих, было сказано профессором богословия, протоиереем Лебедевым слово, посвящённое памяти покойного. После литургии было совершено отпевание, и затем гроб, при стройном пении “Святый Боже”, был перенесён к месту погребения. Прах Боткина погребён в фамильном склепе, вблизи монастырской церкви»¹⁶.

В этой заметке есть существенная неточность – на кладбище тогда ещё не существовало фамильного склепа Боткиных, более того, Сергея Петровича похоронили отдельно от его малолетних сыновей. Уже после похорон С. П. Боткина его вдова Екатерина Алексеевна перезахоронила сыновей к их отцу; это было в 1890 году¹⁷. За два места Е. А. Боткина заплатила 700 рублей, при этом в зачёт она отдавала прежнюю могилу сыновей за 300 рублей¹⁸, таким образом, получилось по 500 рублей за каждую могилу¹⁹. Сведений о том, кто платил за могилу С. П. Боткина пока не найдено.

Все эти денежные расчёты показывают деление участков на кладбище на разряды: два церковных и три общих. В 1870-е – 1880-е годы территория была разделена на квадратные участки размером 24,0 × 24,0 аршина (17,04 × 17,04 метра), разделённые дорожками. В 1885 году Санкт-Петербургская Городская дума прирезала к территории кладбища ещё 102 участка, и был введён 4-й разряд. Участки церковных разрядов находились около Скорбященской и Ильинской церквей, далее в восточном направлении шли, уменьшаясь по значению, от 1-го до 4-го разряда. Дешёвых и бесплатных разрядов на кладбище Новодевичьего Воскресенского монастыря не было. Указом духовной консистории в 1889 году была утверждена стоимость мест: от 500 рублей в 1-ом церковном разряде до 50 рублей в 4-м разряде. Эти расценки действовали до 1918 года²⁰.

Судя по смете на перезахоронение малолетних сыновей С. П. Боткина, ранее они были похоронены на менее престижном участке кладбища.

С 1890 года все боткинские захоронения производили на одном участке под № 10, находящимся вблизи церкви Пророка Илии. Это была каменная церковь, облицованная глазурированным кирпичом, построен-

ная в 1883 году по проекту архитектора Л. Н. Бенуа и В. П. Цедлера над могилой Ильи Феодуловича Громова (ум. 1882)²¹ по его духовному завещанию – душеприказчиками покойного, потратившими на постройку более 120 тысяч рублей. Церковь была пятиглавой с луковичными куполами. Над карнизом здания находились закомары. Алтарная апсида была увенчана луковичной главкой с крестом. Интерьер церкви отличался пышным убранством. Там находились резной дубовый иконостас и богатая церковная утварь. Они были созданы в петербургских ювелирных мастерских. В 1929 году церковь была закрыта, а в 1930 году разобрана на кирпич²².

Следующей на Новодевичьем кладбище была захоронена умершая в младенчестве дочь Михаила Петровича Боткина Надежда. Согласно «Книге записи захоронений на купленные места» кладбища Воскресенского монастыря, М. П. Боткин покупал место для могилы своей дочери в 1-ом церковном разряде²³. По фотографиям видно, что раньше участок, на котором стоял памятник Надежде Боткиной, располагался на следующей за могилой С. П. Боткина линии.

В 1892 году умерла Александра Петровна Визгина, урождённая Боткина. М. П. Боткин пишет брату Петру, «завтра её хоронят в Новодевичьем монастыре – около моей Надюши»²⁴. Согласно плану кладбища, её могила была расположена прямо за могилой Надежды Боткиной²⁵.

В июле 1892 года и в мае 1894 года умерли малолетние Сергей и Анастасия Бородулины, дети Анастасии Сергеевны Бородулиной, урождённой Боткиной. Они были захоронены на участке, находящемся недалеко от могилы их деда Сергея Петровича Боткина²⁶.

В 1893 году Евгений Сергеевич Боткин купил два места: одно – для умершего сына младенца Сергея, а напротив записи о второй могиле нет данных²⁷. Через год, в 1894 году, Александра Никитична Котельникова купила место рядом с могилой своей матери Александры Петровны Визгиной, урождённой Боткиной²⁸, где и упокоилась в 1907 году. В её завещании говорится, что *«завещательница желает быть погребённою на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря в С.-Петербурге, где имеет свой склеп, и завещает этому монастырю в собственность три тысячи рублей, с тем, чтобы доход от этого капитала поступал ежегодно на вечное поминовение завещательницы, на ремонт часовни, тепление лампы, убранство могилы её цветами и содержания её в порядке, в пользу детского приюта при том же монастыре завещает в собственность одну тысячу рублей»*²⁹. Этот склеп виден на иллюстрации №3, до нашего времени он не сохранился.

В 1897 году Виктор Сергеевич Боткин купил место рядом с местами С. П. и Е. С. Боткиных. Двадцать седьмого апреля 1899 года это место было возвращено монастырю за 500 рублей³⁰. Для кого конкретно

Ил. 1. Л. М. Боткина у могилы отца, М. П. Боткина
На переднем плане – памятник на могиле
Н. М. Боткиной
Петроград. Лето 1914
Семейный архив Н. Н. Немченко, праправнучки
С. П. Боткина

покупалось это место не понятно, поскольку умерших в эти годы Боткиных не было.

Как видно из перечислений этих разовых покупок мест на кладбище, изначально у семьи Боткиных не было мысли делать большой семейный некрополь, иначе был бы куплен сразу большой участок.

В 1914 году на кладбище хоронили ещё одного известного Боткина – Михаила Петровича. О похоронах М. П. Боткина, так же как и о похоронах его брата, рассказали все ведущие периодические издания. При этом в «Санкт-Петербургских ведомостях» закралась ошибка: М. П. Боткина отпевали не в Новодевичьем монастыре, а в церкви Святой Екатерины при Академии Художеств. «Согласно воле покойного, на гроб академика М. П. Боткина венков не возлагалось»³¹.

И. И. Толстой, бывший ранее вице-президентом Академии художеств, в своём дневнике добавляет, что в 10 часов 25 января было отпевание М. П. Боткина, «церковь Академии художеств была украшена лавровыми деревьями; служил (довольно плохо) [П. К.] Любимов, а пел хор Архангельского (хорошо, особенно женские голоса)»³². Судя по плану Новодевичьего кладбища³³, могила М. П. Боткина [ил. 1], была расположена справа от могилы его дочери Надежды, следовательно, прямо за могилой С. П. Боткина. На заднем плане на всех представленных в статье старинных фотографиях видна постройка – склеп на месте захоронения А. П. Визгиной.

На могилах Боткиных стояли разные памятники; но не все памятники сохранились в описаниях и на фотографиях. Известно о памятнике

Алексею Сергеевичу Боткину (1882—1886) – это крест на конусообразной стеле, с надписью «Алексей Сергеевич Боткин, младенец, родился 9 февраля 1882 г. умер 3 февраля 1886 г.».

Памятник С. П. Боткину [ил. 2] был поставлен спустя семь лет после его смерти. Изначально на могиле установили «простой деревянный крест с надписью “Сергей Петрович Боткин, умер 12 декабря 1889 года”»³⁴. О процессе изготовления памятника есть сведения в переписке братьев покойного Петра и Михаила Боткиных, именно последний занимался этим делом³⁵. Однако финансово больше всех вложилась вдова Екатерина Алексеевна, которая заплатила 1 000 рублей, оставшуюся 1 000 рублей поделили на 12 частей³⁶.

Памятник был сделан Ильёй Яковлевичем Гинцбургом³⁷ и поставлен в декабре 1896 года³⁸. Как пишет М. П. Боткин старшему брату Петру, освящение памятника прошло достойно³⁹. И. Я. Гинцбург был знаком и с самим Сергеем Петровичем Боткиным, который его лечил, и с его женой Екатериной Алексеевной⁴⁰, и с Михаилом Петровичем Боткиным, членом Совета Академии художеств.

Памятник представляет собой бюст Сергея Петровича Боткина на высоком мраморном пьедестале, на котором изображён крест и надпись «Сергей Петровичъ Боткинъ. *Москва 5 сент. 1832 † Ментона 12 дек. 1889».

Бюст был отлит на фабрике бронзовых изделий Карла Августовича Берто⁴¹, о чём была сделана надпись на одном из срезов бюста.

Ил. 2. Памятники на могилах Боткиных
Петроград. Лето 1914
Архив семьи Энден, потомков М. П. Боткина

Ил. 3. Памятник на могиле Н. М. Боткиной
Петроград. Лето 1914
Семейный архив Н. Н. Немченко, праправнучки
С. П. Боткина

Известен также памятник, поставленный на могиле Надежды Михайловны Боткиной (1890—1891) [ил. 3]. Это большой параллелепипед из серого мрамора, закруглённый сверху. Изначально с одной стороны был высечен крест, с другой стороны была надпись «Здесь покоится прах нашей дорогой девочки Нади, скончавшейся 7-ми месяцев 1891 года 4 января. Екатерина Михаил Боткины», а над надписью было изображение Девы Марии в стиле эпохи Возрождения (репродукция «Мадонны Литты» Л. Да Винчи).

На одной из фотографий рубежа XIX и XX веков между памятниками Сергею Петровичу и Алексею Сергеевичу Боткину виден небольшой овальный памятник, но надпись на нём, к сожалению, не различима. В письме к «тёте Кате» (Екатерине Алексеевне Боткиной) от 29 июня 1914 года Любовь Боткина

пишет: «На днях ездили с Леной [Е. М. Боткиной] в Новодевичий монастырь <...> могила дяди Серёжи очень хорошо убрана, там много цветов»⁴². Вообще, информация о поездках на годовщины и дни рождения Боткиных в Новодевичий монастырь часто встречается в семейной переписке⁴³.

За прошедшее столетие вид боткинских могил значительно изменился. В начале 1920-х годов некоторое время изучением и охраной «на территории кладбищ памятников художеств[енно]-революционного и социально-бытового значения» занималось общество «Старый Петербург – Новый Ленинград»⁴⁴. Однако позже, когда охрана городских клад-

бищ прекратилась, бюст С. П. Боткина «как художественная ценность» был снят с постамента и перенесён на территорию больницы им. С. П. Боткина в Ленинграде (на Миргородскую улицу)⁴⁵.

О послевоенном состоянии могил, в 1946 году, есть сведения в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга. Второго августа 1946 года комиссия, состоящая из старшего инспектора отдела благоустройства УПКО Ленгорисполкомата Сталевского А. А., заведующего хозяйством больницы им. С. П. Боткина Толпыго К. Ф. и председателя месткома той же больницы Рабцова В. И., посетила могилу и составила акт: *«на территории Новодевичьего кладбища на Международном проспекте против бывшей Ильинской церкви захоронен С. П. Боткин “Москва 5 сентября 1832 г. Ментона 12 декабря 1889 г.” Эта надпись сделана на чёрном граните. Рядом “Алексей Сергеевич Боткин, младенец, родился 9 февраля 1882 г. умер 3 февраля 1886 г.” Эта надпись сделана на кресте серого камня, на этой общей площадке, установленной на фундаменте, имеется железная ограда. Грунт площадки песчаный, сама площадка вокруг памятника в чистом состоянии и ежедневно убирается и находится под охраной. Рядом с означенными могилами за оградой лежит на земле отбитая колонна серого мрамора с надписью: “Михаил Петрович Боткин скончался 22-го января 1914 года”, место заросло травой, не охраняется и не убирается»*⁴⁶.

Памятник М. П. Боткину со временем подняли. В действительности, это уже упомянутый памятник его дочери Надежде, на котором с другой стороны выбита дата его смерти. Поскольку Михаил Петрович Боткин умер 22 января 1914 года, то процесс изготовления ему памятника пал на время Первой мировой войны, а если бы его делали столько же, сколько делали памятник С. П. Боткину (то есть семь лет), то и на годы революции и гражданской войны. Поэтому не удивительно, что семья решила просто добавить надпись на уже существующую стелу: *«Михаил Петрович Боткин. Скон. 22 января 1914 г.»*. Также сбоку на стеле появилась ещё одна надпись *«Екатерина Никитишна Боткина. Род. 4 / III 1857 г. Ск. 29 / V 1917 г.»*, однако достоверно известно, что её похоронили в Москве⁴⁷. Скорее всего, с той могилы на Новодевичье кладбище была привезена земля. По сравнению с фотографиями начала XX века на памятнике исчезло изображение Мадонны с младенцем. Таким образом, памятник М. П. и Н. М. Боткиных поставили в ограду к памятнику С. П. Боткину, и сейчас он стоит не над их могилами.

В 1960 году, 30 августа, было принято постановление Совета министров РСФСР за № 1327 о Дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР. В пункте 4 б сказано: *«По историческим и историко-мемориальным памятникам и памятным местам – отремонтировать исторические здания и сооружения, установить на них памятные доски. Благоустроить и озеленить памятные места, братские могилы, воинские захоронения, могилы выдающихся деятелей государства,*

Ил. 4. Боткинские памятники на Новодевичьем кладбище
Фотография 20 августа 2017 года

науки и культуры. Установить на памятных местах монументы из долговечных материалов»⁴⁸. В утверждённом списке памятников значилась и могила С. П. Боткина на Новодевичьем кладбище.

В 1973 году Управление культуры с организациями и отдельными гражданами по вопросам охраны памятников истории и культуры заинтересовалось памятником С. П. Боткину, который продолжал оставаться на кладбище без бюста. Управление поручило заводу «Монументскульптура»⁴⁹ выполнить копию с бюста С. П. Боткина, который стоял на территории больницы имени С. П. Боткина, чтобы вернуть оригинал на кладбище, а копию оставить в больнице⁵⁰. Однако, вопреки постановлению, оригинал остался в больнице, а копию поставили на кладбище⁵¹. На оригинале сохранились подписи на бюсте; на одном срезе – «1896 / И. Гинцбург», на другом – «отпл. К. Берто. С П. Б.».

В настоящее время на боткинских участках Новодевичьего кладбища расположены три памятника [ил. 4]. Бюст на памятник С. П. Боткину был поставлен в 1970-х годах. Памятник М. П. Боткину был поднят с земли и перемещён в ограду к памятнику С. П. Боткина, слева от него, хотя должен был находиться сзади. Уже в современное время была утрачена надпись на могиле Алексея Сергеевича Боткина, но сам памятник без креста продолжает стоять справа от памятника С. П. Боткину.

Зная расположения могил и имена лиц, захороненных на территории боткинской усыпальницы, в будущем можно было бы огородить и облагородить все могилы и поставить табличку с перечнем всех захороненных на участках.

	Имя	Родственные связи
<i>Первый ряд (в ограде и справа от неё две могилы)</i>		
1	Дмитрий Сергеевич Боткин (18.09.1877)	Сын С. П. Боткина
2	Алексей Сергеевич Боткин (09.02.1882–03.07.1886)	Сын С. П. Боткина
3	Сергей Петрович Боткин (05.09.1832–12.12.1889)	
4	Сергей Евгеньевич Боткин (12.09.1891–16.03.1893)	Сын Е. С. Боткина
<i>Второй ряд, за оградой</i>		
5	Надежда Михайловна Боткина (14.11.1890–04.01.1891)	Дочь М. П. Боткина
6	Михаил Петрович Боткин (26.07.1839–22.01.1914)	
<i>Третий ряд</i>		
7	Никита Мокеевич Визгин (умер 2.12.1857). Перезахоронен.	Муж А. П. Боткиной
8	Анна Петровна Визгина (1818–07.03.1882)	Сестра С. П. и М. П. Боткиных
9	Александра Никитична Котельникова, урож- дённая Визгина (Около 1847–19.08.1907)	Дочь А. П. Визгиной, племянница С. П. и М. П. Боткиных
<i>Четвёртый ряд</i>		
10	Сергей Васильевич Бородулин (12.12.1888–07.20.1892)	Внук С. П. Боткина, по линии дочери Анастасии
11	Анастасия Васильевна Бородулина (23.08.1892–05.03.1894)	Внучка С. П. Боткина, по линии дочери Анастасии

В заключение статьи хотелось бы отметить, что не все петербургские Боткины захоронены на Новодевичьем кладбище. Сергей Сергеевич Боткин в 1910 году был похоронен на Тихвинском кладбище Александроневской лавры, Любовь Михайловна Самарина, урождённая Боткина, умершая в 1920 году, и её дочь Ирина, умершая в 1925 году, – на Смоленском кладбище, умершие в блокаду Елизавета Михайловна Зеленская, урождённая Боткина, и Надежда Степановна Боткина, урождённая Враская, – на Пискаревском кладбище, Елена Михайловна Боткина, умер-

шая в 1964 году, – на кладбище памяти жертв 9-го января, Евгений Сергеевич Боткин перезахоронен вместе с другими слугами царской семьи в Екатерининском пределе Петропавловского собора 17 июля 1998 года.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Саитов В. И. Московский некрополь. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1907–1908. – В 3-х т.
- 2 Архив семьи Энден. Н. М. Энден. Дела давно минувших дней. 1917–1921. Машинописная рукопись. 16 июня 1950 года. С. 6–7.
- 3 Там же. С. 6.
- 4 ЦГИА СПб. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1. Л. 21 об.
- 5 Петербургский некрополь. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1912. – Т. 1 (А–Г). – С. 429.
- 6 ЦГИА СПб. Ф. 639. Оп. 1. Д. 3. Л. 17, 22.
- 7 Снеессорева С. И. С.-Петербургский Воскресенский первоклассный общежительный женский монастырь. С подлинными документами. – СПб., 1887. – Ч. 3: Список лиц, погребённых в Воскресенском первоклассном Общежительном женском монастыре от 1849 до 1887 года. – С. 36.
- 8 Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка 1806–1858 гг. / Издал М. Боткин. – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1880. – С. 350.
- 9 ЦГИА СПб. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1. Л. 12 об.
- 10 Снеессорева С. И. С.-Петербургский Воскресенский первоклассный общежительный женский монастырь. С подлинными документами. – СПб., 1887. – Приложение к 3 ч. – С. 18, 61.
- 11 Петербургский некрополь. Т.3 (М–Р). – СПб.: типография М. М. Стасюлевича, 1912. – С. 284–285.
- 12 ЦГИА СПб. Ф. 639. Оп. 1. Д. 1. Л. 12 об.
- 13 Там же. Л. 13.
- 14 ЦГИА СПб. Ф. 268. Оп. 1. Д. 1486. Л. 10.
- 15 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 257. Л. 141.
- 16 Похороны С. П. Боткина // Нива. – 1890. – № 3. – С. 82.
- 17 ЦГИА СПб. Ф. 639. Оп. 1. Д. 7. Л. 8 об.
- 18 Там же.
- 19 Там же. Л. 9.
- 20 Дубин А. С. Новодевичье кладбище (Московский проспект, 100) // Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель / Сост. А. В. Кобак и Ю. М. Пирютко. – СПб.: Издательство Чернышева, 1993. – С. 380–381.
- 21 Там же. – С. 378.
- 22 Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга: Христианская историко-церковная энциклопедия: 300-летию Санкт-Петербурга посвящается. – СПб.: Лики России, 2010. – С. 35–36.
- 23 ЦГИА СПб. Ф. 639. Оп. 1. Д. 7. Л. 9.
- 24 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 174. Л. 100 об.
- 25 ЦГИА СПб. Ф. 639. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.
- 26 ЦГИА СПб. Ф. 639. Оп. 1. Д. 2. Л. 19, 21 об; Д. 3. Л. 22.
- 27 ЦГИА СПб. Ф. 639. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.

- 28 Там же. Л. 60 об.
- 29 ЦГИА СПб. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 400. Л. 7 об.
- 30 ЦГИА СПб. Ф. 639. Оп. 1. Д. 7. Л. 14.
- 31 Санкт-Петербургские ведомости. – 1914. – 26 января (8 февраля). – № 21. – Воскресенье. – С. 3.
- 32 *Толстой И. И.* Дневник. 1906–1916 / Публ. Л. И. Толстой. – СПб, 1997. – С. 483.
- 33 ЦГИА СПб. Ф. 639. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.
- 34 Похороны С. П. Боткина // Всемирная иллюстрация. – 1890. – 13 января. – № 1095. – С. 50
- 35 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 175. Л. 50 об, 65 об, 173 об; № 398. Л. 97 об.
- 36 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 176. Л. 170 об.
- 37 Илья Яковлевич Гинцбург (1859—1939) – скульптор. Знакомый М. П. Боткина по службе в Академии художеств. Выполнил также бюст Екатерины Никитишны Боткиной, жены М. П. Боткина.
- 38 Впоследствии М. П. Боткин заказал ещё один бюст С. П. Боткина у И. Я. Гинцбурга, который был отлит в 1909 году. См.: РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 22. Л. 1.
- 39 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 176. Л. 174 об.
- 40 *Гинцбург И. Я.* Из прошлого. (Воспоминания). – Ленинград: Государственное издательство, 1924. – С. 62, 33.
- 41 Карл Августович Берто (он же Шарль Берто). Имел фабрику бронзовых изделий на Воронежской улице, д. 14, а также контору и магазин на Невском проспекте, д. 68. См.: Адресная книга города С.-Петербурга на 1896 год. – СПб, 1896. – Стлб. 1913, 1917. На фабрике Берто также были отлиты многие памятники, в том числе принцу Ольденбургскому, М. Ю. Лермонтову, Н. В. Гоголю. См.: кн. Памятники Петербурга и Москвы с историческим обозрением. – 2 изд. – СПб., 1894. – С. 30.
- 42 Обратная сторона фотографии из архива семьи Энден.
- 43 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 175. Л. 50 об; № 176. Л. 79; № 177. Л. 40 об; № 178. Л. 123. № 181. Л. 89.
- 44 ЦГИА СПб. Ф. 639. Оп. 1. Д. 8. Л. 79.
- 45 *Дедюлин В. И.* Памятные боткинские места в Петербурге // Вестник истории военной медицины. – 1996. – Вып. 1. – С. 76; *Дедюлин В. И., Жерновой В. Ф.* Памятники деятелям медицины в Санкт-Петербурге и его окрестностях // Вестник истории военной медицины. – 1998. – Вып. 2. – С. 84.
- 46 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-333. Оп. 1. Д. 342. Л. 2.
- 47 Архив семьи Энден. Н. М. Энден. Дела давно минувших дней. 1917–1921. Машинописная рукопись. 16 июня 1950 года. С. 6–7.
- 48 Культура в нормативных актах Советской власти. 1917–1960. Дополнительный том. – М.: ОАО «Можайский полиграфический комбинат», 2012. – С. 210.
- 49 Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени экспериментальный завод художественного литья «Монументскульптура» имени М. Г. Манизера.
- 50 ЦГАЛИ СПб. Ф. 105. Оп. 1. Д. 800. Л. 19–21, 37, 94.
- 51 *Дедюлин В. И.* Памятные боткинские места в Петербурге // Вестник истории военной медицины. – 1996. – Вып. 1. – С. 76; *Дедюлин В. И., Жерновой В. Ф.* Памятники деятелям медицины в Санкт-Петербурге и его окрестностях // Вестник истории военной медицины. – 1998. – Вып. 2. – С. 84.

Т. И. ГАНФ

(Петровская академия наук и искусств; Санкт-Петербург)

Т. Ю. БРОВКИНА

*(Музей Императорской Николаевской
Царскосельской гимназии; Санкт-Петербург)*

АДРЕСА БОТКИНЫХ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

Аннотация. Семья известного врача Сергея Петровича Боткина была тесно связана с Царским Селом; именно здесь были крещены некоторые из его детей. Сюда в 1908 году приехал на постоянное жительство его третий сын, Евгений Сергеевич Боткин, с семьёй. В Царском Селе несколько адресов связаны с Боткиными: здесь они жили, учились и работали, сюда приезжали в гости к друзьям и коллегам.

Ключевые слова. Боткины, Царское Село, Екатерининский собор, Садовая улица, Александровский дворец.

T. I. GANF

(Peter's Academy of Sciences and Arts; Saint Petersburg)

T. Y. BROVKINA

*(Museum of Imperial Nikolayivskaya Gymnasium in Tsarskoye Selo;
Saint Petersburg)*

BOTKIN'S ADDRESSES IN TSARSKOYE SELO

Abstract. The family of the famous physician Sergei Petrovich Botkin was closely associated with Tsarskoye Selo. There some of his children were baptized. Here, in 1908, S. P. Botkin's third son, Evgeny Sergeevich Botkin, and his family arrived for permanent residence. In Tsarskoye Selo there were several houses, which are connected with the history of the Botkin's family: they lived in them, came to visit friends and colleagues, studied and worked.

Keywords. Botkins, Tsarskoe Selo, Catherine's Cathedral, Sadovaya Street, Alexander Palace.

Первое документированное событие семьи Боткиных, произошедшее в Царском Селе – рождение дочери Анастасии Сергеевны Боткиной, крещённой в Екатерининском соборе Царского Села¹, о чём была сделана запись в книге метрических состояний². Где проживали молодые родители новорождённой и её старшие братья Сергей (13 декабря 1859 – 21 ян-

варя 1910, Париж)³ и Пётр (02 сентября 1861 – 1933)⁴ летом 1863 года, пока не выяснено, но, скорее всего, – в Царском Селе.

Евгений Боткин родился в Царском Селе 27 мая 1865 года в семье профессора Императорской Военно-Медицинской академии Сергея Петровича Боткина. Крещён был в Екатерининском соборе почти через два месяца – 10 июля 1865 года священником Михаилом Петровичем Тихомировым (1821—1893) в сослужении дьячка Тимофея Парвова. Восприемниками были Пётр Петрович Боткин, московский 1-й гильдии купец, брат Сергея Петровича, и Мария Александровна Крылова (в замужестве – Полотебнова), сестра матери младенца⁵. Возможно, таинство крещения младенца было совершено причтом собора в арендованной на лето усадьбе Ведринского.

Екатерининский собор⁶

Величественный собор Святой великомученицы Екатерины, создание архитектора К. А. Тона, в то время находился не в лучшем состоянии. Храм, посвящённый небесной покровительнице императрицы Екатерины, был освящён в день святой великомученицы в декабре 1840 года в Высочайшем присутствии. А в 1894 году под руководством архитектора С. Данини отреставрировали собор, ставший украшением Царского Села. Трагическая страница варварского взрыва собора 10 июня 1939 года, последующая гибель архитектора, руководившего взрывными работами, системные репрессии священнослужителей и прихожан, изъятие святынь из храма, уничтожение икон – все эти мрачные страницы идеологической борьбы, предательства и жадности остались позади. В возрождённом и вновь освящённом 27 июня 2010 года соборе есть придел святых царственных страстотерпцев, судьбу которых добровольно разделил и святой праведный врач Евгений (Боткин)⁷. Ещё один царкосельский святой – священник Иоанн Кочуров⁸, служивший в Екатерининском соборе, был убит 13 ноября 1917 года.

В письме из Петербурга от 29 апреля 1865 года Анастасия Александровна Боткина, жена С. П. Боткина, сообщает: *«Новый член семейства нашего должен явиться на свет в последних числах мая или в первых июня... Бежим от ладожского льда во-первых, и от больных – во-вторых, от которых Сергей начинает крепко уставать... Адрес наш в Царском Селе, на углу Леонтьевской и Бульварной улицы, дом Ведринского»⁹.*

Дом Ведринского

С мая 1865 года шесть лет Боткины жили летом на этой даче (современный адрес: угол Бульварной, дом № 13 и Леонтьевской улиц). На

участке, принадлежавшем выдающемуся военному врачу-гомеопату Иосифу (Осипу) Фёдоровичу Ведринскому¹⁰, а после 1860 года – его наследникам, сейчас стоят дома, построенные в XX веке. Боткины фактически жили «на окраине», поскольку бульвар фиксировал границу между «городом» и «деревней», представленной в виде полей, выгонов и угодий. На участке был большой безопасный для прогулок детей сад, пять зданий жилых и хозяйственных, колодец. Здесь были все условия для большой семьи, прираставшей почти ежегодно новыми чадами, для приёма гостей, которые могли задержаться на несколько дней, и для приёма больных, переезжавших за Сергеем Петровичем Боткиным и в Царское Село, и в Крым, и за границу.

Живописный бульвар – это память не только об Императоре Александре Первом, инициаторе его создания, но и о докторе Лодере¹¹, пользовавшем русский двор. Он предписывал некоторым больным не покой, а пешие прогулки, купания, верховую езду, т. е. моцион. Сергей Петрович Боткин полностью разделял эти взгляды на здоровье. Он утверждал, что надо лечить не болезнь, а больного. Недаром имя Боткина носят не только больницы, улица, но и тропа в Крыму, проложенная для укрепления здоровья в посильном движении, ходьбе в здоровой климатической местности¹².

Рождению сына Евгения предшествовал тяжёлый год. Сыпной тиф, поразивший зимой 1864 года Сергея Петровича, заразившегося от больного, едва не оборвал его жизнь. Именно в год рождения Евгения, в 1865 году, среди бушевавшей эпидемии кори, С. П. Боткин стал инициатором основания «Эпидемиологического общества», выпускавшего «Эпидемиологический листок». Первые опыты эпидемиологического и санитарного надзора убедили в необходимости организации профильных постоянных служб, впервые осуществлённых в Царском селе в рамках Придворной медицинской части. Эти меры профилактики позволили значительно снизить смертность, особенно в младенчестве, и были расширены на всю Россию.

Круг общения семьи Боткиных

Дети Боткиных: Сергей (род. 13 декабря 1859), Пётр (род. 2 сентября 1861), Анастасия (род. 26 июля 1863), Евгений (род. 26 мая 1865), Александр (род. 16 ноября 1866), Виктор (род. 20 мая 1871), общались со многими выдающимися людьми своего времени: не только медицинской, но и культурной элитой. Этому способствовал общительный характер С. П. Боткина и традиции хлебосольной семьи. Родной брат – Михаил Петрович Боткин, академик исторической живописи, общественный деятель, издатель, коллекционер, благотворитель. Двоюродные московские

братья Щукины, женатый на двоюродной сестре И. С. Остроухов были выдающимися знатоками искусства.

Родственником Боткиных, мужем сестры Сергея Петровича был Афанасий Афанасьевич Фет (Шеншин). Через сестру С. П. Боткина, Марию Петровну Фет (Шеншину), семья Боткиных соприкасалась с одним из самых тонких и проникновенных поэтов России. Евгений Сергеевич был любителем поэзии М. Ю. Лермонтова, возможно, не без влияния мужа своей тётушки Марии, рекомендовавшего Петру, старшему брату Евгения, взяться серьёзно за перо.

Друг семьи и учитель детей, М. А. Балакирев¹³, открывал ученикам тайны интонации, слова, учил не только приёмам игры на фортепиано, законам голосоведения и гармонии, но и проникновению в тайны творчества. Евгений, уже студентом ИВМА, с сожалением отказался от уроков, но продолжал общение с учителем, посещение его концертов. Жена Евгения – Ольга Владимировна, особенно часто исполняла произведения М. Балакирева и Ц. Кюи.

Семья Сергея Петровича Боткина, неся в быту, в семейном общении дух просвещённого, но патриархального русского купечества, получив в XIX веке прививку европейского образования, дала здоровый, жизнестойкий привой. Именно в гостях у С. П. Боткина познакомились профессор Военно-медицинской академии А. П. Бородин и гвардейский офицер М. П. Мусоргский. Там же Бородин познакомился и сблизился с композитором М. А. Балакиревым, пациентом С. П. Боткина, лечившего его от головных болей. Множество свидетельств сохранилось об этих собраниях и встречах, проходивших в домах, где жили Боткины в Петербурге, в Царском Селе, Гатчине – на «Субботах Боткина». Художник И. Н. Крамской, автор знаменитого портрета Сергея Петровича, многолетний участник вечеров, благодарный пациент так писал: *«Я в него, как в Господа Бога, верю»*¹⁴.

Сергей Петрович воспринимал музыку не как развлечение, а как самое действенное средство для восстановления мозговой деятельности, утомлённой ежедневными напряжёнными научными трудами.

Пациенты С. П. Боткина

Друзья семьи: М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. А. Некрасов, коллеги Сергея Петровича: профессора ИВМА П. А. Дубровицкий, Я. А. Чистович, А. П. Бородин, Е. И. Богдановский, Вл. М. Бехтерев – только небольшая часть списка пациентов С. П. Боткина¹⁵. С некоторыми из них (М. И. Сеченов, Е. А. Юнге, Л. А. Беккерс) его связывала память о первой научной командировке в Европу. Членами «клуба Боткина» были не только русские врачи, учёные и музыканты. Постоянным участником «суббот» у Боткина был профессор В. Л. Грубер, плохо понимавший русский язык, использо-

вавший М. И. Сеченова как переводчика, но дороживший этим одушевлённым, эмоциональным общением.

Одним из друзей молодости Сергея и Михаила Боткиных был приятель Михаила по Императорской академии художеств Павел Петрович Чистяков. Перед Рождеством 1858 года Павел сообщает родным, что отдал пальто нуждающемуся родственнику, *«а мне подарили Боткины своё»*¹⁶. Дружба молодых людей продолжалась и в годы их пребывания в Италии.

В 1869 году, когда в Италию приехала семья Сергея Боткина – Анастасия с детьми, П. П. Чистяков, по-прежнему нуждавшийся и периодически впадавший в творческий кризис, навещал их. *«Часто бываю у Настасьи Александровны Боткиной. Я читаю детям, которых очень, очень люблю, Юрия Милославского»*¹⁷. *«С самого Нового года я страдаю постоянной и сильной головной болью. Так что картину оставил, жил всю зиму на квартире М. П. Боткина... Сергей Петрович Боткин говорит, что от напряжения»*¹⁸. Несмотря на слабое здоровье, П. Чистяков, пережив всех своих друзей и недругов, воспитал когорту русской рисовальной школы. Чистяков, женившись на потомке немецких колонистов, родственнице однокурсника Евгения Боткина по ИВМА, санитарного врача Придворного ведомства Евгения Кемпфера, стал царскоселом, домовладельцем в Фриденвальской колонии. Возможно, дети Е. С. Боткина учились, или просто навещали Чистякова в его гостеприимном доме, как когда-то он находил тепло и заботу в домах Боткиных.

Подробнее документирована предсмертная болезнь Ф. Тютчева и участие в его лечении С. П. Боткина, ежедневно посещавшего больного в Петербурге и назначившего круглосуточное врачебное дежурство и сестринский уход, ведшего подробный дневник наблюдений. Из переписки дочерей поэта мы узнаём, что Сергей Петрович Боткин *«приехал к Тютчеву по поручению Императрицы прямо из дворца»*¹⁹. Девятнадцатого мая 1873 года Фёдора Ивановича вывезли на дачу в Царское Село, располагавшуюся на Малой улице в доме Иванова (не сохранился). Пятнадцатого июля 1873 года Тютчев скончался в доме, место которого ныне отмечено памятным знаком. Диагноз, поставленный С. П. Боткиным и лёгший в основу тактики лечения, не оспаривался²⁰.

Сергей Петрович Боткин – лейб-медик императорской семьи

Сергей Петрович Боткин получил звание Почётного лейб-медика²¹, но впервые явился во дворец в качестве личного врача царской семьи в феврале 1872 года. В 1873 году Сергей Петрович сопровождал императрицу Марию Александровну во время её поездки с лечебной целью в Италию. Звание лейб-медика ему было присвоено только 10 мая 1875 года²². Уникальность его врачебной практике придаёт необычная форма фикса-

ции факта удачного лечения, даже ссылка на латинский рецепт употреблённых им лекарств. Но С. П. Боткин вошёл в историю медицины и как единственный врач, не прославленный в лике святых, которому посвятили акафист! Это сугубо церковное поэтическое произведение, посвящённое святым, или религиозным праздникам, или религиозным символам. Знаменитый актёр и пародист И. Ф. Горбунов сочинил шуточную репризу в жанре акафиста, исполнявшуюся им в дружеском кругу нараспев, с традиционными в церковной практике интонациями и мелодическими оборотами, в церковном облачении. Роль священника исполнял Нил Иванович Соколов, ассистент С. П. Боткина. Текст шуточного акафиста записал и издал граф С. Д. Шереметев²³: «Во время оно прииде во град святаго Петра человек некий именем Сергей...».

И. Ф. Горбунов часто бывал у Боткиных, и, как большинство участников встреч, по-дружески и счастливо у него лечился.

Екатерининский (Большой) дворец. Личные покои императора Александра II и императрицы Марии Александровны

В первом этаже южного флигеля (Зубовский корпус) Екатерининского дворца располагались личные покои Александра II. Здесь протекала приватная жизнь первых лиц государства, скрытая от посторонних глаз. Недаром корпус назывался Зубовским: при Екатерине II здесь были устроены покои князя Потёмкина и Ланского, а позже – князя Платона Зубова.

«Император Александр II проживал тут во всё время своего царствования, когда пребывал в Царском Селе, в котором он, по примеру своего Державного родителя, любил проводить весну и осень. Государь, обыкновенно, после завтрака гулял пешком по аллеям Екатерининского парка один, в сопровождении большой собаки. Вечером Его Величество часто катался в коляске, объезжая все парки»²⁴. В этих покоях императора навещал его лейб-медик Сергей Петрович Боткин, осматривая, изучая, исследуя анализы и анамнез своего пациента. И хотя служба при Дворе накладывала обязательства, отвлекавшие Боткина от научных, преподавательских, семейных дел, но между пациентом и врачом сложились отношения взаимопонимания, взаимовлияния и дружества, как и с остальными пациентами Сергея Петровича.

Евгений Боткин пишет крёстному отцу, Петру Петровичу, в Москву 23 июня 1878 года: «Папа, наконец, переехал к нам в Гатчино, но всё ещё не может устроить, чтобы каждый день не ездить в Царское Село»²⁵. Лейб-медик С. П. Боткин имел возможность расположиться в служебных корпусах, фрейлинских домах. Возможно, сопровождая царскую семью, С. П. Боткин (и его семья) иногда жили в служебных покоях Екатеринин-

ского дворца. Там же, где и приглашённые для создания портретов художники. Или в Кавалерских домах на Садовой улице, где после 1908 года жил его сын Евгений, продолживший династию лейб-медиков. Значение, которое Государь придавал своему лейб-медику, он демонстративно обозначил, став восприемником при крещении дочери С. П. Боткина Екатерины²⁶.

Опочивальня императрицы располагалась в бывшей Уборной Екатерины II, соседняя Проходная комната имела двери в две маленькие комнаты, предназначенные для юнгферин. Окна их выходили в парк, а через скромную лестницу можно было спуститься в него. Опочивальня, несмотря на её принадлежность к эпохе Екатерины, была отделана и обставлена в эстетике 70-х годов девятнадцатого века. Рядом были комнаты её старших сыновей, которые позже перешли младшим – великим князьям Сергею и Павлу. В дневниках Сергея и Павла Александровичей есть упоминания о посещениях и назначениях С. П. Боткина. Влияние императрицы Марии Александровны на Сергея Петровича было очень значительно, заставило его переоценить соотношение доли земного и небесного, вечного и сиюминутного в жизни, заставило с большим вниманием отнестись к своим осиротевшим после смерти в 1875 году жены Анастасии детям.

По записям в камер-фурьерских журналах известно, что и С. П. Боткин, и его августейшие пациенты иногда проживали и в Александровском дворце. Но императрица, как и лейб-медик Боткин, не участвовали в вечерах, собиравших узкий круг приближённых, в том числе и всех предыдущих лейб-медиков.

Александровский дворец

Д. Кваренги составил проект дворца, очевидно, в первую половину 1792 года, а может быть, и раньше, так как 5 августа того же года рескриптом, данным в Царском Селе на имя тайного советника А. Кашкина, указано произвести торги и до наступления зимы дворец построить.

Дворец был достроен в последний год земной жизни императрицы Екатерины II в подарок внуку – великому князю Александру Павловичу, которого стремительно женили на принцессе Гессен-Дурлахской, в православии великой княгине Елизавете Алексеевне. К весне 1796 года дворец был приведён в состояние, пригодное для жилья, но с недоделками. Несмотря на это, 12 июня 1796 года Великий князь Александр Павлович с супругой въехал в Новый дворец. Молодожёны остались довольны своими апартаментами. Александровский дворец называли Новым, в противовес Старому Екатерининскому дворцу. В дальнейшем флигели дворца использовались для временного пребывания членов императорской фа-

мии. Но, став императором 12 марта 1801 года, получив свободу выбора, Александр избрал для пребывания в Царском Селе Большой (Екатерининский) дворец.

А вот его брат, Николай Павлович, очень любил Александровский дворец. Возможно, оценив его высокие художественные и архитектурные качества. В работах Кваренги поражает замечательная соразмерность всех частей здания, внешняя простота, освобождённая от всего мелкого и ненужного. Невысокий, со спокойным силуэтом, Александровский дворец как бы растворился в ансамбле парка. Впечатление лёгкости и великолепия, как от внешнего вида здания, так и от внутреннего убранства его помещений, достигается только архитектурными приёмами. Александровский дворец, несомненно, жемчужина в творчестве Кваренги и может быть причислен к ряду лучших произведений архитектурного искусства вообще.

Имена двух императоров – Николая Павловича и его правнука – Николая Александровича, удивительным образом соединились с Александровским дворцом, дополнив гениальное создание итальянца Джакомо Кваренги эпизодами русской истории, оживившими совершенные архитектурные формы историей двух счастливых в супружестве семей.

Николай II, родившийся в Александровском дворце в 1868 году и относившийся к нему с особенной теплотой, задумал сделать Александровский дворец своей главной резиденцией. Работы, связанные с пребыванием Высочайшего Двора в Царском Селе, начались ещё в декабре 1894 года. После бракосочетания 14 ноября 1894 года Николая II и немецкой принцессы Алисы Виктории Елены Луизы Беатрисы Гессен-Дармштадтской, после принятия православия получившей имя Александра Фёдоровна, молодые прожили неделю в Петербурге, в Аничковом дворце, а уже 22 ноября приехали в Александровский дворец.

С 1904 года Александровский дворец стал уже постоянной резиденцией императора Николая II, здесь прошли последние тринадцать лет царствования российского Императора, отсюда утром 1 августа 1917 года императорская семья была отправлена в ссылку в Тобольск. Вместе с ними уехал и лейб-медик Евгений Сергеевич Боткин. Но перед этим семье Боткиных предстояло прожить в Царском Селе девять лет.

Из стен Александровского дворца, в ночь с 31 июля на 1 августа 1917 года царская семья в сопровождении небольшой группы верных придворных, в том числе и лейб-медика Евгения Сергеевича Боткина, покинула навсегда этот уютный дворец, сделала первый шаг к ужасающей по своей жестокости смерти. Евгений Сергеевич провёл последние

часы и минуты в Александровском дворце, исполняя свои обязанности: подавая лекарства больным, успокаивая возбуждённых, поддерживая усталых, укрепляя павших духом.

Профессиональные обязанности Е. С. Боткина

Шестого мая 1905 года Евгений Сергеевич Боткин был удостоен звания Почётного лейб-медика двора Его Императорского Величества²⁷. Это почётное звание не накладывало чётких обязательств, только предполагало возможность приглашения его на консультации. 13 апреля 1908 года он приступил к обязанностям личного врача (лейб-медика) Государя²⁸.

Известно расписание работы Сергея Петровича Боткина. И Евгений Сергеевич во многом повторял систему наблюдений за пациентами своего отца, также начиная утро с осмотра августейших пациентов, распорядок дня который был установлен императрицей Александрой Фёдоровной, придерживавшейся английской системы домашней гигиены и воспитания детей. Основополагающий принцип организации жизни царских детей – простота и размеренность. Даже великолепные игрушки, куклы, механические затеи не загромождали их комнат, а убирались в кладовые, возвращаясь по праздникам.

Татьяна Евгеньевна, урождённая Боткина, вспоминает: *«Мой отец начинал службу рано, в девять часов утра, с визита в Александровский дворец, где его принимала Царица в своих покоях... После осмотра он составлял ей режим дня и практически запретил всякую физическую нагрузку. Второй раз он навещал её вечером перед ужином, около шести часов. Если он был недоволен её состоянием, он требовал, чтобы она оставалась в своих покоях, и иногда даже запрещал ей ужинать.*

После утреннего визита к Царице он шёл к Царским детям. Каждый день он интересовался здоровьем Ольги, Татьяны, Марии, Анастасии. Даже если накануне оно было прекрасным. Потом он подольше задерживался у Царевича, гемофилия которого требовала постоянного внимания. Маленький Алексей почти всегда отказывался утром от завтрака. Отец садился рядом и рассказывал ему всякие весёлые истории из своего прошлого, из повседневной жизни, и даже из нашей жизни. Царевич смеялся, за разговором пил свой шоколад и съедал незаметно один тост с мёдом или бутерброд со свежей икрой. Сразу после обеда отец отправлялся в Санкт-Петербург в Общество Красного Креста»²⁹. Вечером он снова возвращался в Александровский дворец, чтобы убедиться в состоянии дел, а при необходимости – остаться на ночь, для чего рядом со спальней царевича Алексея на 2-м этаже (на антресолях) была устроена маленькая комната.

Ухудшение здоровья императрицы в 1907 году привело к частым обращениям к врачам. За два месяца доктор медицины Фишер приглашал

ся 42 раза, но предпочтение было отдано Е. С. Боткину³⁰, а Фишер получил отставку. Александра Фёдоровна, полностью доверив своё здоровье и здоровье детей новому лейб-медику, согласилась, по его рекомендации, на поездку в 1909 году в Крым, впервые с 1894 года. И это было замечательное новшество, которое привело к значительному улучшению её состояния к концу 1909 года.

Евгений Сергеевич поддержал её вегетарианство, влияние которого на состав крови и самочувствие пациентов изучали его докторанты. В отзывах на диссертации приват-доцент Е. С. Боткин отмечал улучшение состояния больных некоторыми заболеваниями при соблюдении растительной диеты. Но это не значит, что он считал вегетарианство панацеей для всех и в любом случае. *«Да, моя ответственность велика – не только перед Царской Семьёй, которая ко мне относится очень хорошо, но и перед моей страной и историей...»*, – пишет Е. С. Боткин брату Петру 22 сентября 1908 года. В это же время он признаётся брату: *«Моя Пациентка совсем не настолько больна, как это обычно утверждают. Конечно, у неё нет требуемых для её положения сил. Тем не менее, благодаря своей выдержке, терпению и железной воле, в течение многих лет она собирает все свои силы, чтобы выполнять свой долг. Эти упражнения не сделали её сильнее, напротив. Мне кажется, что после них она утомляется, слабеет. Поэтому я хотел бы по возможности сберечь любое напряжение. После отдыха моя Пациентка чувствует себя хорошо и храбро веселится. Она умеренно может ходить пешком и играть с детьми. Время, когда она сможет полноценно заниматься общественной жизнью, может наступить не так скоро. Во-первых, моя Пациентка не может действительно полностью отдыхать, во-вторых, как ты знаешь, ей многое невозможно, а, в третьих, она только что прошла через тяжёлое время нервного напряжения...Я имею основание надеяться, что Императрица будет полностью здорова, но пока это время далеко»³¹.*

События Первой Мировой войны показали, что императрица Александра Фёдоровна имела гораздо больше нравственных, духовных, физических сил для возросшей многократно нагрузки.

Садовая улица. Кавалерские домики

В 1908 году семья Е. С. Боткина переезжает в Царское Село, поселившись в служебной квартире, расположенной в одном из Кавалерских домиков на Садовой улице, дом № 6 (современный адрес: Садовая, дом № 12).

Дочь Евгения Сергеевича Татьяна позднее вспоминала: *«Наши дрожки завернули на улице, которая показалась нам ещё шире и ухоженней остальных. Без пешеходов, без карет, она вполне соответствовала свое-*

му названию – Садовая. Спокойная и величественная, она тянулась совершенно прямо вдоль изящной чугунной решётки. За нею находился изумительно красивый, громадный парк в феерических красках северной осени, вдали виднелись тщательно ухоженные бесчисленные аллеи и, совсем вдали, на лужайках, мраморные античные статуи. На другой стороне улицы поднимался ряд очаровательных домиков, совершенно одинаковых и почти нереальных со своими нежно-зелёными фасадами и рядами оконных рам из светлого дерева с орнаментом из камня»³².

Дома построил архитектор С. И. Чевакинский по чертежам, сделанным им в 1748 году. В 1784 году архитектор И. В. Неелов расширил мезонины, превратив их в невысокий второй этаж с сохранением особенностей стиля барокко. Два из них – историко-культурные памятники пушкинских времён. В ближайшем к зданию императорского Лицея, на углу Садовой улицы и Лицейского переулка, жили директора Лицея, в том числе и первый его директор В. М. Малиновский. Второй дом – Штаб-лекарский, стоящий на углу Леонтьевской и Садовой улиц (четвёртый Кавалерский), был в 1820 году предоставлен по повелению Александра I в распоряжение историографа Н. М. Карамзина. В его доме часто бывал юный А. С. Пушкин. Именно в этом доме и поселилась семья Е. С. Боткина в 1908 году³³.

По воспоминаниям Татьяны Евгеньевны Боткиной, дом был светлым и солнечным, и внутри был «такой же приветливый, как и снаружи»³⁴. При доме был маленький палисадник, а чёрный ход вёл в большой двор, в конце которого находились Дежурные императорские конюшни. Татьяна с братьями часами наблюдали за кучерами, лошадьми, колясками и санями, спующими в их дворе.

Соседями Боткиных по Садовой стали сановники ближайшего окружения царской семьи: полковник Герарди, командующий дворцовой полицией, генерал Дедюлин – дворцовый комендант, и граф Фредерикс – министр Двора. Напротив, через Леонтьевскую улицу, жил генерал, князь Путятин – начальник Управления Двора.

С началом Первой мировой войны Царское Село превратилось в огромный эвакуационный пункт, в городе открылись более 80-ти лазаретов. Опыт и энергия Е. С. Боткина, соединённые с возможностями его августейших пациентов, позволили в короткий срок развернуть «Царскосельский эвакуационный пункт», издававший два раза в месяц журнал, в котором сохранились свидетельства о его деятельности и воспоминания участников и очевидцев³⁵. Лазареты открывали не только в медицинских и общественных учреждениях, но и в квартирах и домах простых горожан. Открыл такой лазарет для легкораненых на десять человек в своём доме и Евгений Сергеевич Боткин. Его лазарет однажды посетили его высокопоставленные пациенты – великие княжны и императрица Алек-

сандра Фёдоровна. В. И. Гедройц так отозвалась о роли Боткина в этом огромном деле: *«При энергии Евгения Сергеевича Боткина и Сергея Николаевича Вильчковского и моей скромной помощи 30 лазаретов в Царском Селе были готовы. Все придворные автомобили и экипажи были отданы для перевозки раненых»*³⁶.

Императорская Николаевская Царскосельская гимназия, Мариинская женская гимназия, увлечения детей Е. С. Боткина

Все три сына доктора, двое из которых уже начали учёбу в Первой гимназии в Санкт-Петербурге, в разное время поступили учиться в единственную мужскую гимназию города – Императорскую Николаевскую Царскосельскую гимназию³⁷.

История царскосельской мужской гимназии ведёт свой отсчёт от 1866 года, когда обыватели Царского Села, Павловска и Гатчины обратились в царскосельскую городовую Ратушу с просьбой об учреждении в Царском Селе мужской гимназии. Гимназия была открыта спустя четыре года, в здании, которое первоначально планировалось под городскую богадельню. Но в этом здании на углу Набережной и Малой улиц (архитекторы И. А. Монигетти и А. Ф. Видов), 7 сентября 1870 года была торжественно открыта мужская казённая классическая прогимназия, с присвоением ей наименования Николаевской, в память Императора Николая I и цесаревича Николая Александровича (умершего первенца Императора Александра II)³⁸.

Через четыре года после открытия, набрав недостающие четыре класса, прогимназия превратилась в классическую гимназию полного цикла. Третьим и самым известным директором гимназии стал выдающийся эллинист, поэт, переводчик И. Ф. Анненский. Гимназия славилась не только уровнем подготовки своих выпускников, но и театральными постановками древнегреческих трагедий на языке оригинала. Из стен гимназии вышел не один десяток высокообразованных выпускников. Выпускники Николаевской гимназии отдавали предпочтение историко-филологическому факультету Петербургского университета³⁹.

Далеко не всем выпускникам Николаевской гимназии удалось реализовать себя в жизни – исторический излом начала XX века перечеркнул надежды и мечты многих из них, в том числе, и сыновей доктора Е. С. Боткина. Дмитрий и Георгий (Юрий) поступили в гимназию одновременно, 16 августа 1908 года. Дмитрий – в 5-й класс гимназии, Георгий (Юрий) – в 4-й класс. Позднее к старшим мальчикам присоединился младший сын Евгения Боткина – Глеб.

«По воскресеньям мальчики помогали во время службы в гимназической церкви [во имя Рождества Пресвятой Богородицы]. Они приходили

задолго до начала службы. Юрий пел в хоре, а глубоко верующий Дмитрий любил погружаться в долгие молитвы. После воскресного обеда они шли кататься на коньках со своими друзьями»⁴⁰. Каток гимназисты традиционно устраивали или на Купальном пруду, на берегу которого стояла гимназия, или ходили на городской каток на одном из прудов Екатерининского парка.

Ещё одним увлечением Дмитрия были лошади и скачки. Он много часов проводил на тренировках и бегах Царскосельского ипподрома, который был открыт в нашем городе в 1841 году⁴¹ у железнодорожной станции «Царское Село», по проекту архитектора А. Кавоса. Царскосельские скачки не имели равных в России и проводились вплоть до конца XIX столетия.

Со скачками связан и важнейший эпизод в жизни Дмитрия. Производство в офицеры выпуска Пажеского корпуса, в который Дмитрий поступил после Николаевской гимназии, произошло на месяц раньше срока и, узнав об этом слишком поздно, Дмитрий не смог на нём присутствовать, так как участвовал в значимых для него скачках.

Жизнь в Царском Селе была для семьи Боткиных последним периодом относительно беззаботной жизни, течение которой омрачил лишь развод родителей в 1910 году. Дмитрий окончил Николаевскую гимназию с золотой медалью в 1912 году⁴². Георгий (Юрий) закончил гимназию вслед за старшим братом, в 1913 году⁴³. Младший сын Евгения Сергеевича, Глеб, поступил в гимназию в 1910 году, и за год до выпуска уехал за отцом в Тобольск.

Одновременно с Глебом, в 1910 году, в Царскосельскую Мариинскую женскую гимназию пошла учиться дочь Евгения Сергеевича – Татьяна. Эта гимназия – одно из старейших женских учебных заведений Царского Села. Она открылась в 1865 году и была названа в честь императрицы Марии Александровны, которая была сторонницей дневного обучения девочек, без постоянного пребывания в пансионе. По всей России её инициативой было создано более 20-ти женских гимназий, в большинстве – с педагогическими классами. В 1865 году в связи с упразднением Канцелярии Главноуправляющего дворцовыми правлениями здание на Леонтьевской улице⁴⁴ было передано Городовой ратуше для размещения в ней женской гимназии. Седьмого февраля 1865 года, после перестройки, состоялось её торжественное открытие и освящение в присутствии императора Александра II.

Первым директором Мариинской гимназии в Царском Селе был выдающийся филолог-славист, издатель «Русского педагогического журнала» И. А. Вышнеградский, один из энтузиастов женского образования. После его кончины гимназию возглавила Клавдия Михайловна Битнер, будущая учительница детей Николая II. При ней дисциплина в гимназии

весьма ужесточилась, хотя само качество преподавания, как можно понять из свидетельств мемуаристов, оставляло желать лучшего. Тем не менее, репутацию образцовой женской школы гимназия сохраняла постоянно.

К 1875 году Мариинская гимназия стала семилетней, с программой, ничем не отличавшейся от мужских гимназий (за исключением курсов древних языков). Для поступления в гимназию совсем не обязательно было быть дворянкой, но барьером на пути учёбы в ней для девочек низших сословий была высокая плата за обучение.

Татьяна Боткина училась так же прилежно и успешно, как и её братья в мужской гимназии. Лучшей отметкой в Мариинской гимназии считались 12 баллов, и у неё почти по всем предметам было 12. Татьяна окончила гимназию в 1915 году. В числе первых пяти учениц гимназии она была представлена, по традиции, на выпускном акте вдовствующей Государыне Марии Фёдоровне в Аничковом дворце. По окончании гимназии она продолжила образование в той же гимназии для получения звания учительницы младших классов. Получив звание учительницы, Татьяна решает стать сестрой милосердия, получив практику в домашнем лазарете. Местом служения Татьяны Боткиной стал лазарет для выздоравливающих офицеров в Екатерининском дворце. Там она встретила Февральскую революцию 1917 года.

Родня Ольги Владимировны Боткиной, матери детей Евгения Сергеевича

Февраль 1917 года перевернул вверх ногами в том числе семейные взаимоотношения. Так случилось и в семье Боткиных. Ольга Владимировна Боткина, урождённая Мануйлова, оставившая детей на попечение мужа – Евгения Сергеевича Боткина после развода с ним, была воспитанницей М. С. Воронина⁴⁵ на весьма косвенном основании, как племянница его первой жены – Елены Николаевны, урождённой Быковой. Но несколько человек из семьи Ворониных и их окружения, возможно, подтолкнувшие в своё время Ольгу Боткину к разводу, помогли в тяжёлый момент оставшимся в одиночестве Глебу и Татьяне Боткиным. Свою роль сыграла в судьбе младших Боткиных и вторая жена академика Воронина (в первом браке – Дебогорий-Мокриевич)⁴⁶. Евгений Сергеевич, покидая Царское Село, указал Татьяне адрес семьи Дебогорий-Мокриевич, где она могла получить необходимые для переезда в Тобольск деньги. Помощь пришла и от крёстной – Веры Михайловны Ворониной, дочери академика. Выйдя замуж за социалиста, она была с ним в ссылке, но завещанный ей отцом капитал сохраняла за собой. Вера жила в собственном доме в Царском Селе по Малой улице, дом № 26. После экспроприации в 1917 году её дома вместе со всей обстановкой, она разоча-

ровалась в социализме и революции, которым сочувствовала. Помогла и Елена Михайловна, сестра Веры Михайловны, передав Глебу и Татьяне 35 тысяч рублей. Этот круг родственниц, не бывших сторонницами крепких брачных уз и преданности семье и детям, всё-таки по-родственному протянул руку помощи осиротевшим детям.

Встревоженный событиями в непосредственной близости у дворца, Евгений Сергеевич Боткин перевёз Татьяну и Глеба в дом родственницы жены и друга семьи – Устиньи Александровны Тевяшовой, на углу Захаржевской и Велиовской улиц. Дом Тевяшовой – последнее пристанище детей Е. С. Боткина в Царском Селе. В этот дом были доставлены некоторые вещи из дома Боткиных на Садовой. «В ожидании скорого отъезда я наполнила папиными и своими вещами большой сундук и один чемодан и поставила их в подвал к госпоже Тевяшовой»⁴⁷. В сентябре 1917 года Татьяна и Глеб уехали в Тобольск к отцу. Так окончилась история длиной в 54 года царскосёлов Боткиных.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ В Екатерининском соборе Царского Села, где северный придел посвящён Новомученикам Российским, нет иконы Святого православного врача Евгения, но есть образ с мощами Святого преподобного Нила Столбенского, местного святого города Торопца, из которого происходил род московских (с 1801 года) купцов-чаеоторговцев Боткиных.
- ² ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 443. Л. 61 об–62.
- ³ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 123. Д. 16. Л. 21 об–22.
- ⁴ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 824. Л. 106 об–107.
- ⁵ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 446. Л. 45 об–46.
- ⁶ Мещанинов М. Ю. Храмы Царского Села, Павловска и ближайших окрестностей: краткий исторический справочник. – 2-е изд. – СПб.: Genio Loci, 2007. – С. 27–35.
- ⁷ Прославлен в лике святых Русской Православной церковью за границей в 1981 году, в России – в 2017 году как святой праведный врач Евгений (Боткин).
- ⁸ Свмчн. Иоанн (Иоанн Александрович Кочуров) (1871–13 ноября 1917, Царское Село). Протоиерей. По окончании Санкт-Петербургской Духовной Академии – миссионер на Аляске, присоединил к православию немало язычников и униатов, храмостроитель. С 1916 года – священник Екатерининского собора Царского Села. Убит 13 ноября 1917 года на глазах сына, скончавшегося от потрясения через три дня.
- ⁹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 365. Оп. 1. № 11.
- ¹⁰ Осип (Иосиф) Фёдорович Ведринский (1799–1860) – статский советник, медико-хирург. Окончил Императорскую медико-хирургическую академию в 1820 году с золотой медалью. Полковой врач нескольких гвардейских полков. Гомеопат, автор научных публикаций, в том числе «Гомеопатический способ лечения холеры».
- ¹¹ Христиан Иванович Людер (1753, Рига — 1832) – доктор медицины и философии, профессор Иелльского университета. С 1810 года – в России, лейб-медик

- Александра I, руководитель военных госпиталей в войну 1812 года. Автор знаменитого анатомического атласа.
- 12 Тропа имени С. П. Боткина появилась в 1901–1902 годах недалеко от Ялты благодаря членам Ялтинского отделения Крымско-кавказского горного клуба. Она была названа в честь С. П. Боткина, ценившего климат Крыма.
- 13 Сохранилась переписка М. А. Балакирева с членами семьи С. П. Боткина; хранится в ОР РНБ и РО ИРЛИ РАН.
- 14 Будко А. А., Грибовская Г. А. Знаменитые пациенты Сергея Петровича Боткина // Исторические Боткинские чтения. – Вып. 1. – СПб.: Издание СПбМИСР, 2017. – С. 75.
- 15 Там же. – С. 77.
- 16 Чистяков П. П. Письма, записные книжки, воспоминания. 1832–1919 / Сост. Белютин Э, Молева И. – М.: Искусство, 1953. – С. 22.
- 17 Там же. – С. 53.
- 18 Там же. – С. 58.
- 19 ОР РГБ. Ф. 120. Карт. 8. № 2. Л. 2–2об.
- 20 Евдокимов П. П. К истории болезни Ф. И. Тютчева // Клиническая медицина. – 1900. – Т. 68. – № 1. – С. 153.
- 21 РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1632.
- 22 РГИА. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1856.
- 23 Акафист // Сочинения И. Ф. Горбунова. – СПб.: типография А. Ф. Маркса, 1907. – Т. 3. – Ч. 1. – С. 349.
- 24 Вильчковский С. Н. Царское Село. – СПб.: Титул, 1992. – С. 141.
- 25 ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 167. Л. 10.
- 26 ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 125. Д. 351. Л. 285 об–286.
- 27 РГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 1133. Л. 25–32.
- 28 РГИА. Ф. 427. Оп. 66. Д. 74. Л. 15.
- 29 Здесь и далее воспоминания Татьяны Евгеньевны Боткиной цитируются по изд.: Боткина Т. Е. Воспоминания о Царской семье // Царский лейб-медик. Жизнь и подвиг Евгения Боткина / Ред. К. Мельник, Е. Мельник. – СПб.: Царское дело, 2010. – С. 78.
- 30 О назначении Е. С. Боткина лейб-медиком.
- 31 Боткина Т. Е. Воспоминания о Царской семье... – С. 88–89.
- 32 Там же. С. 74.
- 33 Подробнее о Кавалерских домах: Семёнова Г. Царское Село: знакомое и неизвестное. – М.: ЦентрПолиграф, 2009; Моценникова М. А., Корнилова Н. А. Историческая застройка Царского Села: исторический очерк градостроительного развития (XVIII – начало XX века) // Дворцовый город Царское Село: исторический очерк градостроительного развития (XVIII – начало XX века). – СПб.: Genio Loci, 2009.
- 34 Боткина Т. Е. Воспоминания о Царской семье... – С. 80.
- 35 Журнал «Царкосельский район и особый эвакуационный пункт» вышел в октябре 1914 года, под редакцией доктора медицины В. А. Свенцицкого с соизволения Императрицы Александры Фёдоровны. Царкосельский эвакуационный пункт образован Приказом по Управлению дворцового коменданта Царского Села от 13/26.09.1914. Сначала доставляли в лазареты и госпитали Царского Села, Павловска, Вырицы, Колпино и др. 10 эвакуационных поездов, которые дополнили

до 20-ти в более чем 60 лазаретов и госпиталей, обслуживавших раненых и больных воинов – 2 600 коек.

- ³⁶ Режим доступа: <https://tsarselo.ru/yenciklopedia-carskogo-sela|1-mirovaJa-voJna>
- ³⁷ Подробнее об учёбе сыновей Е. С. Боткина в Николаевской гимназии см. кн.: *Бровкина Т. Ю.* Сыновья доктора Е. С. Боткина – гимназисты Императорской Николаевской Царскосельской гимназии // Исторические Боткинские чтения. – Вып. 1. – СПб.: Издание СПбГМИСР, 2017. – С. 220–221.
- ³⁸ Краткий исторический очерк Императорской Николаевской Царскосельской гимназии за XXV лет (1870–1895). – СПб., 1895.
- ³⁹ Подробнее о гимназии и её выдающихся учениках см. официальную страницу Музея Николаевской гимназии: cttit.ru/muzej-nikolaevskoj-gimnazii/
- ⁴⁰ *Боткина Т. Е.* Воспоминания о Царской семье ... – С. 91.
- ⁴¹ Подробнее об ипподроме см. кн.: *Вильчковский С. Н.* Царское Село. Путеводитель. 1710–1910. – СПб., 1911; *Абарова А. В.* Архитекторы Царского Села: Александр Видов. Александр Колб. – СПб.: Genio Loci, 2008.
- ⁴² ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 13222. Л. 74.
- ⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 13744.
- ⁴⁴ Современный адрес здания Мариинской гимназии – Леонтьевская улица, дом № 17. Подробнее см. кн.: *Семенова Г.* Царское Село: знакомое и незнакомое. – М.: ЦентрПолиграф, 2009.
- ⁴⁵ Воронин Михаил Степанович (1838–1903) – купец 1-ой гильдии, основатель отечественной микологии, фитопатологии. Окончил Санкт-Петербургский университет в 1838 году. Член-корреспондент Академии наук с 1884 года. Преподавал в Санкт-Петербургском университете, на Женских медицинских курсах. Имел ряд доходных домов в Санкт-Петербурге, в том числе на углу Мойки – Воронинские бани. На собственные средства построил и оборудовал ряд научных лабораторий, заведений. Благотворитель.
- ⁴⁶ Воронина Анна Романовна (1835–1910) – вторая жена академика М. С. Воронина, урождённая Казицына. В первом браке – Дебогорий-Мокриевич, писательница, автор перевода «Хижина дяди Тома» Б. Стоун.
- ⁴⁷ *Боткина Т. Е.* Воспоминания о Царской семье ... – С. 321.

ОБ АВТОРАХ

Бакалдина Елена Вячеславовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела фондов Санкт-Петербургского государственного музея-института семьи Рерихов.

Бровкина Татьяна Юрьевна – заведующая Музеем Николаевской гимназии при Государственном бюджетном учреждении «Центр детско-юношеского технического творчества и информационных технологий» (Санкт-Петербург, Пушкин), заместитель директора по учебно-воспитательной работе.

Будко Анатолий Андреевич – доктор медицинских наук, профессор, директор Военно-медицинского музея Министерства обороны Российской Федерации, Санкт-Петербург.

Верховская Ирина Борисовна – старший научный сотрудник отдела рисунка Государственного Русского музея, Санкт-Петербург.

Ветошникова Наталья Борисовна – хранитель части архива Боткиных, вдова Ю. Н. Самарина, сына Н. Н. Самарина, женатого первым браком на Л. М. Боткиной. Санкт-Петербург.

Ганф Татьяна Иннокентьевна – член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, Санкт-Петербург.

Гессен Валерий Юльевич – кандидат экономических наук, автор статей по истории Санкт-Петербурга, а также рода Гессенов. Санкт-Петербург.

Дёмушкина Ольга Игоревна – праправнучка П. П. Боткина, преподаватель экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Журавский Сергей Григорьевич – доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник лаборатории слуха и речи Первого Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова.

Ковтунова Ольга Валерьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Военно-медицинского музея Российской Федерации. Санкт-Петербург.

Мельников Владимир Леонидович – кандидат культурологии, учёный секретарь Государственного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника «Изборск». Санкт-Петербург.

Немченко Наталия Николаевна – праправнучка С. П. Боткина. Санкт-Петербург.

Никифоров Виктор Сергеевич – доктор медицинских наук, профессор кафедры функциональной диагностики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Северо-Западного государственного медицинского университета имени И. И. Мечникова» Минздрава России, Санкт-Петербург.

Новаковская-Бухман Светлана Михайловна – кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея, Санкт-Петербург.

Смирнов Валентин Георгиевич – доктор исторических наук, директор Российского государственного архива Военно-Морского Флота, Санкт-Петербург.

Шатров Владимир Николаевич – руководитель Кронштадтского морского музея. Санкт-Петербург.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГЭ	Архив Государственного Эрмитажа
АМН СССР	Академия медицинских наук Союза Советских Социалистических Республик
БАН	Библиотека Академия наук
ВМА	Военно-медицинская академия
ВММ МО РФ	Военно-медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации
ВУИМ	Ведомство Учреждений Императрицы Марии
ВФ	Вспомогательный фонд
ГАИМК	Государственная академия истории материальной культуры
ГАРФ	Государственный Архив Российской Федерации
ГГУ	Главное гидрографическое управление Морского министерства
ГМЗМК	Государственный историко-культурный Музей-заповедник «Московский Кремль»
ГМИИ им. А. С. Пушкина	Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГРМ	Государственный Русский музей
ГТГ	Государственная Третьяковская галерея
ГЭ	Государственный Эрмитаж
ГЭСЛО	Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана
ИАХ	Императорская Академия художеств
ИВМА	Императорская Военно-медицинская академия
ИМХА	Императорская Медико-хирургическая академия
ИМЛИ РАН	Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук
ИРЛИ РАН	Институт русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом)
ИОПХ	Императорское Общество поощрения художеств
ИРГО	Императорское Русское географическое общество
КФШ	Корпус флотских штурманов
МЦР	Международный центр Рерихов

ОПИ ГИМ	Отдел письменных источников Государственного исторического музея
ОР ГРМ	Отдел рукописей Государственного Русского музея
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР ГТГ	Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи
ОР РНБ	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ОЭ РНБ	Отдел эстампов Российской национальной библиотеки
ПЛ	подводная лодка
ПСЗРИ	Полное собрание законов Российской империи
РАН	Российская академия наук
РГАВМФ	Российский государственный архив Военно-Морского Флота, Санкт-Петербург
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА	Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
РО ИРЛИ РАН	Рукописный отдел института русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом)
РОКК	Российское отделение Красного Креста
СПбГМИСР	Санкт-Петербургский государственный музей-институт семьи Рерихов
СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет
ФБ ВМА	Фундаментальная библиотека Военно-медицинской Академии
ЦГА г. Москвы	Центральный государственный архив г. Москвы
ЦГА г. Санкт-Петербурга	Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга
ЦГАЛИ СПб	Центральный государственный архив литературы и искусства г. Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб	Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ 2019 ГОДА

2019	115 лет со смерти Екатерины Петровны Щукиной, урождённой Боткиной (1835—1904)
2019	230 лет со дня рождения Александры Антоновны Боткиной (1789—1824), урождённой Барановой, жены П. К. Боткина
2019	150 лет со дня смерти Владимира Петровича Боткина (1837—1869)
2019	100 лет со дня смерти Михаила Владимировича Боткина (1863—1919)
2019 4 мая	150 лет со дня смерти Николая Петровича Боткина (1813 — 4 мая 1869)
2019 29 июня	150 лет со дня рождения Сергея Дмитриевича Боткина (29 июня 1869 — 22 апреля 1945)
2019 12 января	205 лет со дня рождения Ивана Петровича Боткина (12 января 1814 — 14 июля 1878)
2019 13 февраля	125 лет со дня рождения Дмитрия Евгеньевича Боткина (13 февраля 1894 — 3 декабря 1914) и 105 лет со дня героической смерти в бою во время Первой мировой войны
2019 7 марта	130 лет со дня смерти Софьи Сергеевны Боткиной, урождённой Мазуриной (1840 — 7 марта 1889)
2019 21 марта	125 лет со дня смерти Марии Петровны Боткиной, в замужестве Фет (1828 — 21 марта 1894)
2019 29 марта	135 лет со дня рождения Елизаветы Михайловны Боткиной, в замужестве Зеленской (29 марта 1884 — сентябрь 1942)
2019 6 апреля	90 лет со дня смерти Екатерины Алексеевны Боткиной (16 января 1850 — 6 апреля 1929), урождённой Оболенской, жены С. П. Боткина
2019 6 апреля	110 лет со дня рождения Натальи Николаевны Энден, внучки М. П. Боткина, в замужестве Соул (6 апреля 1909 — 5 января 2000)
2019 8 мая	120 лет со дня рождения Софии Сергеевны Боткиной, дочери С. Д. Боткина, в замужестве Головиной (5 мая 1899 — 29 июня 1984) и 35 лет со дня смерти

2019 26 июля¹	180 лет со дня рождения Михаила Петровича Боткина (26 июля 1839 — 22 января 1914) и 105 лет со дня его смерти
2019 27 июня	165 лет со дня рождения Сергея Ивановича Щукина (27 июня 1854 — 10 января 1936)
2019 2 августа	55 лет со дня смерти Елены Михайловны Боткиной (22 апреля 1882 — 02 августа 1964)
2019 12 сентября	190 лет со дня рождения Дмитрия Петровича Боткина (12 сентября 1829 — 26 мая 1889) и 130 лет со дня смерти
2019 17 сентября	105 лет со дня рождения Софьи Николаевны Энден, внучки М. П. Боткина (17 сентября 1914 — 26 июня 1975)
2019 10 октября	150 лет со дня смерти Василия Петровича Боткина (27 декабря 1811 — 10 октября 1869)
2019 13 октября	135 лет со дня рождения Софии Сергеевны Боткиной, дочери С. П. Боткина, в замужестве Конн (13 октября 1884 — 1968)
2019 11 ноября	150 лет со дня рождения Ивана Ивановича Щукина (23 ноября 1854 — 1 февраля 1936)
2019 12 декабря	130 лет со дня смерти Сергея Петровича Боткина (05 сентября 1832 — 12 декабря 1889)
2019 13 декабря	150 лет со дня рождения Сергея Сергеевича Боткина (13 декабря 1859 — 29 января 1910)
2019 31 декабря	50 лет со дня смерти Глеба Евгеньевича Боткина (17 июля 1900 — 31 декабря 1969)

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Месяц рождения уточнён по данным анкеты, написанной М.П. Боткиным для издания Н. П. Собко о русских художниках (ОР РНБ. Ф. 708. № 246. Л. 5) и по письму М. П. Боткина брату Петру (ОПИ ГИМ. Ф. 122. № 174. Л. 40 об).

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
БОТКИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ	7
<i>С. Г. Журавский</i> Письмо С. П. Боткина к Н. А. Белоголовому (май 1885 г., Культилла): характеристика и значение эпистолярия как исторического источника	9
<i>Е. В. Бакалдина</i> Вклад М. П. Боткина в создание Русского музея Александра III ...	32
<i>С. М. Новаковская-Бухман</i> Памятник украинской резьбы из коллекции Михаила Петровича Боткина	54
<i>И. Б. Верховская</i> Письма С. С. Боткина жене как источник сведений о его коллекции	67
<i>В. Ю. Гессен</i> О коллекциях из особняка С. С. Боткина в Петрограде (по материалам ЦГАЛИ СПб)	82
<i>Т. И. Ганф, В. С. Никифоров</i> Научные публикации и выступления Евгения Сергеевича Боткина	93
<i>В. Л. Мельников</i> Произведения Николая Рериха у представителей семьи Боткиных	100
БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ О ПРЕДСТАВИТЕЛЯХ СЕМЬИ БОТКИНЫХ	119
<i>Е. В. Бакалдина</i> Дмитрий Петрович Боткин: чаеоторговец и деятель искусства ...	120
<i>Т. И. Ганф</i> О социальном статусе Е. С. Боткина	139
<i>А. А. Будко, О. В. Ковтунова</i> Воспоминания о Евгении Сергеевиче Боткине (по малоизвестным материалам военно-медицинского музея ...)	148
<i>В. Н. Шатров</i> Александр Боткин – врач, мореплаватель и гидрограф	158

В. Г. Смирнов

Участие офицера Российского флота А. С. Боткина
в исследовании Арктики в конце XIX века 165

Н. Н. Немченко

Елена Михайловна Боткина: наша Бабуся 174

Н. Б. Ветошников

Две встречи с Еленой Михайловной Боткиной 181

О. И. Дёмушкина

Судьба внучки П. П. Боткина: Любовь Николаевна Гучкова 185

БОТКИНСКИЕ МЕСТА 195

Е. В. Бакалдина

Семейная усыпальница Боткиных на кладбище
Воскресенского Новодевичьего монастыря в Санкт-Петербурге. . 197

Т. И. Ганф, Т. Ю. Бровкина

Адреса Боткиных в Царском селе 210

Об авторах 227

Список сокращений 229

Памятные даты 2019 года 231

Содержание 233

И 90

Исторические Боткинские чтения: Вып. II. – СПб.: Изд-во СПбГМИСР, 2019. – 236 с. –

ISBN 978–5–907223–00–4

Иллюстрированное
научно-художественное издание

Исторические Боткинские чтения

Выпуск II

Главный редактор А. А. Бондаренко
Научный редактор Е. В. Бакалдина
Литературный редактор Ю. Ю. Будникова
Художник буквы «Б» С. В. Сорокина-Неймарк

Макет – А. С. Конанчук

Иллюстрации, опубликованные в сборнике, предоставлены
и атрибутированы авторами статей.

Написание имён и наименований
воспроизводится по авторскому тексту.

Все даты, упоминаемые авторами статей, даны в соответствии
со временем описываемых ими событий.

Цитаты даются в большинстве своём с сохранением орфографии подлинника,
но в современной пунктуации. В иных случаях это оговаривается в тексте статей.

Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 28. Тираж 500 экз. Заказ 2067.

Отпечатано в типографии
ООО «ПОЛИТЕХНИКА-ПРИНТ»
Санкт-Петербург, Измайловский пр., д. 18
Тел. 2515127

ISBN 978–5–907223–00–4

9 785907 223004